

Тана Френч СХОДСТВО

18+

роман

Когда вы читаете романы Таны Френч, то следует заранее знать:
все ваши предположения и догадки будут ошибочны.

THE NEW YORK TIMES

Тана Френч

Сходство

Серия «Дублинский отдел убийств»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64886411

Сходство: Фантом Пресс; М.; 2021

ISBN 978-5-86471-872-8

Аннотация

«Сходство» – один из лучших детективов из знаменитой серии Таны Френч о работе дублинского отдела убийств. Однажды в уединенном полуразрушенном коттедже находят тело молодой женщины, жившей по соседству в усадьбе «Боярышник». На место убийства вызывают Кэсси Мэддокс, бывшего детектива из отдела убийств. Кэсси в недоумении, она уже давно ушла из Убийств и работает теперь в отделе домашнего насилия. Но, оказавшись на месте, она понимает, в чем дело: убитая – ее полный двойник, то же лицо, фигура, волосы. Как такое возможно? И возможно ли вообще?.. Однако бывшему боссу Кэсси, легендарному агенту Фрэнку Мэкки, нет дела до таких загадок, для него похожесть детектива на жертву – отличная возможность внедрить своего человека в окружение жертвы и изнутри выяснить, кто стоит за преступлением. Так начинается погружение детектива в чужую жизнь, и вскоре Кэсси понимает,

что ее с жертвой объединяет не только внешнее сходство, но и глубинное сродство.

Подробный гид по творчеству Таны Френч читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Пролог	6
1	8
2	57
3	95
4	144
5	187
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Тана Френч

Сходство

Посвящается Энтони, по миллиону причин

THE LIKENESS by TANA FRENCH

Copyright © 2008 by Tana French

© Марина Извекова, перевод, 2021

© Андрей Бондаренко, оформление, 2021

© «Фантом Пресс», издание, 2021

Пролог

Иногда, если я ночую одна, мне до сих пор снится “Боярышник”. В моих снах всегда весна, размытый предвечерний свет, прохлада. Я взбираюсь по истертым каменным ступеням крыльца, стучу в дверь большим медным молотком, потемневшим от времени, на удивление тяжелым, – и в дом меня впускает старушка в фартуке, с подвижным, решительным лицом. И уходит, повесив на пояс громоздкий ржавый ключ; вишневый цвет дождем осыпается на садовую дорожку, и я прикрываю дверь.

В доме всегда пусто. В спальнях чисто, светло и тихо, лишь мои шаги эхом отражаются от стен, в воздухе вьются в солнечных лучах пылинки. Пахнет воощенным паркетом, а из распахнутых настежь окон – дикими гиацинтами. На оконных переплетах шелушится белая краска, за стеклом колыхается усик плюща. Где-то неподалеку лениво воркуют горлицы.

Крышка пианино в гостиной поднята, коричневое дерево блестит на солнце так, что больно смотреть; ветерок листает пожелтевшие ноты, будто невидимая рука. Стол накрыт на пятерых – тарелки тонкого фарфора, высокие бокалы, в хрустальной вазе свежесрезанная жимолость, но столовое серебро потускнело, тяжелые камчатные салфетки в катышках пыли. Рядом с прибором Дэниэла, во главе стола, лежит его

портсигар, раскрытый и пустой, не считая горелой спички.

Где-то в глубине дома слышны тихие звуки – шаги, приглушенные голоса. У меня замирает сердце. Видно, я ошиблась – остальные не исчезли, просто спрятались. Они здесь, навсегда, навсегда.

Следую за тихими звуками через весь дом, из комнаты в комнату, замираю на каждой ступеньке, прислушиваюсь, но не поспеваю: они ускользают, словно миражи, то за ближнюю дверь, то в верхний этаж. Смешок – короткий, приглушенный; скрип половиц. Заглядываю в шкафы, взлетаю вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и, обогнув верхнюю стойку перил, краем глаза замечаю движение: в конце коридора – тусклое старинное зеркало, а в нем – мое смеющееся лицо.

1

Это история Лекси Мэдисон, а не моя. Хотелось бы рассказать ее одну, не вдаваясь в свою собственную, но так не получится. Я думала, что своими руками соединила наши жизни – крепко сшила их, стежок за стежком, и как сшила, так вольна и распороть. А теперь уверена, что истоки лежали глубже, вне поля моего зрения, и зашло все слишком далеко, выскользнуло у меня из рук.

Эта часть истории – а именно моя роль в ней – все же принадлежит мне. В том, что случилось, Фрэнк винит остальных, в первую очередь Дэниэла, а Сэм, как ни странно, уверен, что все из-за Лекси. Стоит мне возразить, они косятся на меня с тревогой и спешат сменить тему – Фрэнк, похоже, вбил в голову, будто у меня какая-то диковинная разновидность стокгольмского синдрома. У внедренных агентов такое не редкость, но это не мой случай. Я не пытаюсь никого защитить – защищать уже некого. Лекси и компания никогда не узнают, что несут бремя вины, а если бы и узнали, то какая им разница. Но прошу меня строго не судить. Карты сдавала не я, но я взяла их со стола, разыграла все до последней, и у меня были на то причины.

Вот главное, что нужно знать об Александре Мэдисон: она никогда не существовала. Мы с Фрэнком Мэкки ее придума-

ли много лет назад, погожим летним днем у него в пыльном кабинете на Харкорт-стрит. Фрэнк хотел внедрить агента в банду наркоторговцев, что орудовала в Дублинском университетском колледже, ну а мне нужна была эта работа – пожалуй, ни о чем другом в жизни я так не мечтала.

Фрэнк Мэкки был легендой: чуть за тридцать, а уже руководил спецоперациями, лучший агент за всю историю Ирландии – храбрый, безрассудный, работал как канатоходец без страховки. И в ячейки ИРА, и в бандитские притоны он заходил как в местный паб. У нас курсировала история: однажды Змей – профессиональный бандит, конченный отморозок, как-то раз покалечивший своего подручного за отказ выставить выпивку, – грозился Фрэнку руки изуродовать гвоздометом, а Фрэнк в глаза ему заглянул как ни в чем не бывало и давай зубы заговаривать, и под конец Змей его хлопнул по спине и подарил паленый “ролекс”, за моральный ущерб. С часами Фрэнк до сих пор не расстается.

Я была совсем зеленым новичком – всего год, как окончила Темплморский колледж. За два дня до того я в необъятном ядовито-желтом жилете патрулировала городишко в графстве Слайго, где все местные казались на одно лицо, и тут узнала, что Фрэнк ищет полицейских с высшим образованием, которые сошли бы за студентов. Как ни странно, встреча с Фрэнком меня не пугала, ничутьюшки. Мечта о работе вытеснила все прочие чувства.

Дверь в кабинет была нараспашку; Фрэнк в джинсах и

линялой синей футболке, устроившись на краешке стола, листал мое личное дело. Кабинет, тесный и весь какой-то неопрятный, больше смахивал на склад. На столе пусто, даже ни одной семейной фотографии, на полках – бумаги впере-мешку с блюзовыми дисками и глянцевыми журналами, покерная колода карт и розовый женский жакет, совсем новый, с магазинными ярлыками. Хозяин кабинета мне, пожалуй, нравился.

– Кассандра Мэддокс? – Он поднял взгляд.

– Да, сэр, – отозвалась я.

Среднего роста, плотный, плечистый, каштановые волосы коротко острижены. Я-то его представляла безликим, непри-метным человечком, почти невидимкой, вроде Курильщика из “Секретных материалов”, а он, оказывается, совсем не та-кой – синеглазый, с резкими, грубоватыми чертами, и от него будто искры сыплются. Не в моем вкусе, но женщинам на-верняка нравится.

– Фрэнк. “Сэр” – это для крыс канцелярских. – Говор дуб-линский, чуть заметный, но все же будто напоказ. Он слез со стола, подал мне руку.

– Кэсси. – Я протянула свою.

Он жестом пригласил меня сесть, а сам снова запрыгнул на стол.

– Здесь написано, – он похлопал по папке с моим делом, – что вы стрессоустойчивы.

Я не сразу сообразила, к чему он клонит. Однажды на

практике в трущобах Корка я сумела утихомирить подростка-шизофреника, который грозился перерезать себе глотку дедовой опасной бритвой. Я про этот случай почти забыла – а оказалось, благодаря ему мне и предлагают сейчас работу.

– Надеюсь, – ответила я.

– Так сколько вам лет – двадцать семь?

– Двадцать шесть.

Свет из окна падал на меня, и Фрэнк вгляделся в мое лицо пристально, оценивающе.

– Сойдете за двадцатилетнюю. Здесь написано, вы три года в колледже отучились. Где?

– В Тринити. Психология.

Брови у него взлетели вверх, полуизумленно-полунасмешливо.

– Ого, специалист! А почему бросили?

– Неведомая науке аллергия на англо-ирландский акцент, – сказала я.

Шутку Фрэнк оценил.

– От Университетского колледжа Дублина волдырями не покроетесь?

– Запасусь антигистаминным.

Фрэнк спрыгнул со стола, подошел к окну, поманил меня.

– Хорошо. Видите вон ту парочку?

Парень с девушкой, идут по улице, разговаривают. Девушка достала ключи, и они зашли в унылую многоэтажку.

– Что скажете о них? – спросил Фрэнк. И встал спиной к

окну, сунув за ремень большие пальцы и сверля меня взглядом.

– Студенты, – начала я, – у них сумки с книгами. Ходили за продуктами – пакеты из супермаркета. Она более обеспеченная – пиджак дорогой, а у него джинсы с заплаткой, и это не из пижонства.

– Кто они – пара? Друзья? Соседи?

– Пара. Дистанция ближе, чем у друзей, наклонялись друг к другу.

– Давно встречаются?

Мне это пришлось по душе – нравилось, как по-новому заработала мысль.

– Да, давно, – ответила я. Фрэнк вопросительно вскинул бровь, а я и сама не сразу поняла, как догадалась, но тут же до меня дошло. – Они разговаривали, не глядя друг на друга. В первую пору знакомства люди глаз друг с друга не сводят, а парам со стажем это не нужно.

– Живут вместе?

– Нет, иначе он тоже по привычке полез бы за ключами. Это ее квартира. Но живет не одна. Оба посмотрели на окно, раздвинуты ли занавески.

– Между собой у них гладко?

– Да. Она говорила, а он смеялся, хотя парни над шутками девушек смеются редко, разве что в самом начале знакомства. Он нес оба пакета с продуктами, она его пропустила вперед, придержала дверь: заботятся друг о друге.

Фрэнк кивнул:

– Отлично! Для агента шестое чувство – половина успеха, и я не про всякую сверхъестественную хрень. Я про наблюдательность и умение выделять главное, на автомате. Остальное – скорость и дерзость. Решил что-то сказать или сделать – действуй быстро, без колебаний. Чуть помедлишь, засомневаешься – тут тебе и крышка. В ближайшие год-два вы редко будете на связи. Родные у вас есть?

– Тетя с дядей.

– А парень?

– Есть.

– Вы с ними сможете выходить на связь, а они с вами – нет. Они не будут против?

– Придется им смириться, – сказала я.

Фрэнк полулежал на широком подоконнике, но, несмотря на ленивую позу, явно не расслабился – разглядывал меня в упор, синие глаза блестели.

– Это вам не колумбийский картель, дело придется иметь в основном с мелкими сошками – на первых порах точно, – но предупреждаю: работа опасная. Из этих людей половина вечно под кайфом, а другая половина шутить не любит, и тем и другим вас убить – как муху прихлопнуть. Ну как, страшно?

– Нет, – ответила я искренне. – Нисколько.

– Вот и славно, – одобрил Фрэнк. – Выпьем кофейку, и за дело.

Лишь спустя минуту до меня дошло: работа у меня в кармане. Я ожидала трехчасовой беседы, дурацких тестов с кляксами, вопросов о родителях, но у Фрэнка другие методы. До сих пор не знаю, что именно его склонило в мою пользу. Я долго ждала случая его спросить, что он во мне нашел, как понял, что я гожусь в агенты, – а теперь уже не уверена, хочу ли это знать.

Весь остаток дня мы пили пригоревший кофе с шоколадным печеньем из кафетерия и придумывали Александру Мэдисон. Имя я ей выбрала сама – так проще запомнить, объяснил Фрэнк. Мэдисон – похоже на мою фамилию, заставит обернуться, а Лекси – из детства, так назвала я когда-то свою выдуманную сестру. Фрэнк достал большой лист бумаги и начертил для наглядности график, отметив на нем основные события ее жизни.

– Родилась ты в больнице на Холс-стрит первого марта 1979-го. Отец, Шон Мэдисон, – дипломат невысокого ранга, служит в Канаде, так мы сможем тебя быстро вывести, если что, – дела семейные, уехала, и до свидания. Вдобавок ты все детство провела в разъездах, поэтому тебя здесь не знают. Ирландия – страна небольшая, здесь у всех общие знакомые еще со школы. Мы могли бы тебя сделать иностранкой, но не хочу, чтобы ты мучилась, изображая акцент. Мать – Кэрлайн Келли Мэдисон. Работает?..

– Медсестрой.

– Осторожней, читай между строк. Медсестрам в каждой

новой стране нужна лицензия. Диплом у нее есть, но работу она бросила, когда тебе было семь и вы уехали из Ирландии. А братья-сестры?..

– Пусть будут, – решила я. – Допустим, брат. – Меня захлестнуло пьянящее чувство, даже смех разобрал от этой невероятной, головокружительной свободы: люди, страны, судьбы – выбирай на вкус, хоть дворец в Бутане, семнадцать братьев и личного шофера в придачу! Я поскорей сунула в рот печенье – чего доброго, Фрэнк заметит мою улыбку и решит, что для меня это все игрушки.

– Как душа пожелает. Он тебя моложе на шесть лет, живет в Канаде с вашими родителями. Как его зовут?

– Стивен. – Выдуманный брат, фантазия у меня с детства богатая.

– Хорошо вы с ним ладите? Что он за человек? Быстрее, – поторопил меня Фрэнк, стоило мне замолчать.

– Хитрющий. Помешан на футболе. С родителями вечно ругается – переходный возраст как-никак, – зато со мной делится...

Косые лучи солнца лежали на исцарапанной деревянной столешнице. От Фрэнка пахло чистотой – мылом и замшей. Учитель он был хороший, просто замечательный; черная шариковая ручка выводила даты, места, события, и Лекси Мэдисон возникла из ничего, отделилась от страницы, зависла в воздухе легким дымком, мгновенной фотографией – девушка с моим лицом и историей из полузабытого сна. Когда у те-

бя появился парень? Где ты жила тогда? Как его звали? Кто кого бросил? Почему? Фрэнк отыскал пепельницу, достал из пачки сигарету, предложил мне. Когда полосы света на столе погасли, а за окном стало смеркаться, он развернулся в кресле, достал с полки бутылку виски, плеснул нам по чуть-чуть в кофе.

– Отлично поработали. – Он поднял чашку: – За тебя!

Лекси вышла у нас неугомонной: умница, с образованием, с детства пай-девочка, но всю жизнь как перекати-поле, без потребности где-то осесть. Слегка наивная, простодушная – спросишь о чем-нибудь, она все и выложит не раздумывая.

– Приманка славная, – прямо сказал Фрэнк, – наркодилеры клюнут. Достаточно безобидная, не отпугнет их, однако достаточно серьезная, будет им полезна, и немножко бунтарка – не удивятся, что она в это ввязалась.

Когда мы закончили, уже стемнело.

– Молодцы мы, – похвалил Фрэнк и, свернув листок с графиком, протянул мне. – Через десять дней начинается учебный курс для следователей, запишу тебя туда. А когда вернешься, поработаем с тобой еще. В октябре, с начала учебного года, внедришься.

Он взял из шкафа кожаную куртку, выключил свет, захлопнул дверь тесного кабинета. К автобусной остановке я шла потрясенная, окутанная волшебством, будто погрузилась в неведомый, совсем еще новый мир, а в кармане форменной куртки тихонько шуршал листок с моей новой жиз-

нюю. До чего же все быстро и просто!

Не стану описывать длинную, путаную цепь событий, что привела меня из отдела спецопераций в отдел по борьбе с домашним насилием. Вот краткая версия: главный торчок Университетского колледжа Дублина психанул и пырнул меня ножом – ранение при исполнении служебных обязанностей; меня взяли в отдел убийств, там я чуть с ума не сошла и уволилась. Несколько лет я не вспоминала о Лекси Мэдисон и о ее коротенькой призрачной жизни. Я не из тех, кто привык жить с оглядкой, стараюсь не застревать в прошлом. Что было, того не вернешь, убеждать себя в обратном – только время терять. Но, думаю, я всегда была уверена: Лекси Мэдисон еще напомним о себе. Если ты создал человека, живую девушку, у которой был и первый поцелуй, и чувство юмора, и любимый бутерброд, то не пытайся, как только она станет тебе не нужна, вновь свести ее к черновикам и чашке кофе, сдобренного виски. Пожалуй, я всегда знала, что она вернется, найдет меня.

Она выжидала четыре года. И время выбрала самое подходящее. Постучалась ко мне ранним апрельским утром, когда я была на стрельбище; после моего ухода из Убийств прошло несколько месяцев.

Стрельбище у нас подземное, в центре города, а над ним – половина дублинских автомобилей и плотный слой смога. Появляться мне там было необязательно – стреляю я

хорошо, до следующего зачета по огневой подготовке еще несколько месяцев, — но в последнее время я просыпалась ни свет ни заря и места себе не находила от беспокойства, и унять его, как выяснилось опытным путем, помогала только стрельба. Я не спеша надела наушники, проверила оружие, дождалась, пока другие сосредоточатся на своих мишенях, тогда никто не заметит, как после первых выстрелов меня трясет, будто мультяшного персонажа, ударенного током. Если у тебя не в порядке нервы, то вырабатываешь приемы, чтобы это скрывать. И если быстро соображаешь, то довольно скоро научишься жить почти как нормальный человек.

Прежде за мной такого не водилось. Всегда считала, что нервы — это у героинь Джейн Остин да у писклявых любительниц выпить за чужой счет, ну а я не из тех, кто вечно трясется от страха и таскает в сумочке нюхательную соль. Когда Наркодемон Университетского колледжа Дублина пырнул меня ножом, на меня это почти не повлияло. Несколько недель наш штатный психиатр меня убеждал, что мне нанесли глубокую травму, и в итоге сдался, признал меня здоровой (не без сожаления — нечасто ему удается повозиться с раненым полицейским, наверняка надеялся обнаружить какое-нибудь редкое расстройство) и разрешил вернуться к работе.

К стыду моему, доконала меня не кровавая резня, не проваленная операция по спасению заложников, не милый тихий юноша с человеческими органами в пластиковом судоч-

ке. Последнее мое дело в Убийствах было простейшее, мы такие как орешки щелкаем, ничто не предвещало беды, когда однажды летним утром мы с напарником бездельничали в дежурке, и вдруг звонок: обнаружен труп девочки. На поверхностный взгляд сложилось все как нельзя лучше. Дело мы раскрыли за месяц, даже меньше, и вот общество избавлено от злодея, в новостях и годовых отчетах все очень радужно. Ни захватывающей погони на машинах, ни перестрелок – ничего подобного; физически сильнее всех пострадала я – пустяки, лицо чуть расцарапали, даже шрамов не осталось. Счастливый конец, как ни посмотри.

А копнешь глубже... Операция “Весталка”: спроси у любого в отделе убийств – даже через столько лет, даже у того, кто не посвящен в подробности, – и на тебя посмотрят так, будто боятся заразы. В главном мы проиграли, причем по-крупному. Есть люди как маленькие Чернобыли, распространяют вокруг себя невидимую отраву; стоит к ним подступиться – и каждый вдох будет тебя разъедать изнутри. Есть дела – спроси у любого полицейского – безнадежные, гибельные, всякий, кто к ним прикоснется, пропал.

У меня развился целый букет симптомов – наш психиатр запрыгал бы от радости, шлепая сандалетами, но, к счастью, с парой ссадин к психиатру у нас не направляют. Налицо были основные признаки травмы – меня трясло, на еду смотреть не могла, от звонков дергалась – плюс кое-что не совсем обычное: руки-ноги перестали слушаться, то споткнусь

на ровном месте, то врежусь в дверной косяк, то стукнусь лбом об угол шкафа – никогда за мной такого не водилось. А еще я перестала видеть сны. Раньше сны у меня были красочные: огненные столбы среди темных гор, виноградные лозы, прораставшие сквозь глухие кирпичные стены, олени посреди залитого солнцем пляжа Сэндимаунт¹, а теперь, едва коснувшись подушки, я проваливалась в черную пустоту, будто кувалдой ударили. Сэм, мой парень, – мне до сих пор не очень-то верилось, что мы вместе, – говорил, что со временем пройдет. А в ответ на мои возражения добродушно кивал: пройдет и это. Сэм иногда меня бесит. Я подумывала прибегнуть к излюбленному средству многих моих коллег, ежедневному пьянству, но боялась, что начну названивать всем подряд среди ночи и изливать душу, да и оказалось, что стрельба притупляет все чувства не хуже алкоголя, к тому же похмелье не грозит. И даже боязнь громких звуков на стрельбище куда-то девается. После первых выстрелов в голову что-то щелкает и весь мир будто растворяется, сжимаешь пистолет стальной хваткой – и вот уже ничего нет вокруг, только ты да бумажный манекен, в воздухе знакомый тяжелый запах пороха, твердо стоишь на ногах после отдачи. Возвращалась я оцепенелая, будто мне вкатили успокоительный укол. Спокойствия хватало до конца рабочего дня, а вечером дома можно биться головой об стену сколько душе

¹ Богатый прибрежный район на окраине Дублина. – *Здесь и далее примеч. перевод. и ред.*

удочно. Я так наловчилась, что попадала манекену в голову с сорока ярдов девять раз из десяти, а начальник стрельбища, сморщенный коротышка, стал на меня посматривать как жockey на скаковую лошадь и заговаривать о чемпионате отдела.

В то утро отстрелялась я около семи. Я была в раздевалке – чистила пистолет и болтала с двумя ребятами из отдела нравов (непринужденно, чтобы не догадались, что я хочу скорей уйти), – и тут зазвонил мой мобильник.

– Вот же, – сказал один из парней. – Ты ведь из Домашнего насилия? У кого в такую рань достало наглости отлупить благоверную?

– Для важных дел время всегда подходящее, – отозвалась я, выуживая из кармана ключ от шкафчика.

– Может, это из Спецопераций? – улыбнулся мне тот, что помоложе. – Снайперов ищут? – Этот рыжий верзила явно глаз на меня положил – поигрывал мускулами, поглядывал украдкой на мой безымянный палец.

– До нас, наверное, не дозвонился, – вставил его напарник.

Я достала из шкафчика телефон. На экране высветилось имя: СЭМ О’НИЛ, в углу мигал значок “пропущенный вызов”.

– Привет, – сказала я. – Что такое?

– Кэсси. – Голос у Сэма был странный – хриплый, сдавленный, словно его ударили под дых. – У тебя все в порядке?

Я повернулась к парням спиной, отошла в угол.

– Все хорошо. А что? В чем дело?

– Боже, – выдохнул Сэм. И тихонько кашлянул, будто в горле у него ком. – Я тебе звонил *четыре раза*. Думал тебя искать, кого-то послать к тебе домой. Почему ты не брала долбанный телефон?

Никогда Сэм так не разговаривает. Вообще-то он сама обходительность, другого такого не знаю.

– Я на стрельбище. Телефон в ячейке заперла. Что стряслось?

– Прости. Не хотел... прости. – Он снова тихонько откашлялся. – Меня вызвали. На место преступления.

У меня чуть сердце не выпрыгнуло. Сэм работает в Убийствах. Лучше бы сесть, да ноги сделались как деревянные. Я привалилась к шкафчикам.

– Кто убит? – спросила я.

– Что? Нет – да господи, нет же, никто из... то есть жертва незнакомая. И вряд ли... вот что, ты не могла бы приехать? Я перевела дух.

– Сэм, что, черт возьми, случилось?

– Просто... можешь приехать, и все? Мы в Уиклоу, неподалеку от Глэнскхи. Знаешь ведь, где это? Едешь по указателям, проезжаешь через деревню Глэнскхи, а дальше прямо, на юг, три четверти мили – там справа тропинка, а рядом сигнальная лента. Мы тебя встретим.

Парни из Нравов заинтересованно прислушивались.

– У меня смена через час, – сказала я. – А за час я только до вас доеду.

– Позвоню в твой отдел, скажу, что ты нам нужна.

– Не надо. В Убийствах я больше не работаю, Сэм. Если это убийство, я тут ни при чем.

На заднем плане зазвучал мужской голос – твердый, тягучий, настойчивый; знакомый, но чей, я вспомнить не сумела.

– Погоди, – сказал Сэм.

Прижав телефон плечом к уху, я стала собирать пистолет. Раз у Сэма такой голос, значит одно из двух: либо жертва знакомая, либо убийство зверское и дело плохо. Убийства у нас в Ирландии в основном незамысловатые: пьяные потасовки, случайные жертвы при ограблениях, “Мэ-Жо” (муж жену), запутанная семейная вражда в Лимерике, что уже не один десяток лет портит нам статистику. Заграничные ужасы – серийные убийцы, изощренные пытки, штабеля трупов в подвалах – нам неведомы. Но это все не за горами. В последние десять лет Дублин меняется так стремительно, что наша психика не выдерживает. Пришел “кельтский тигр”²: слишком у многих появились вертолеты, слишком многие ютятся в жутких клоповниках, слишком многие прозябают в ненавистных офисах при свете ртутных ламп – еле дотягивают до выходных, а потом снова за работу, – для страны это настоящее бремя. К концу моей работы в Убийствах я уже нутром чуяла: в воздухе звенит песнь безумия, город вот-вот ощерится, обнажит клыки, как бешеный пес. Рано или позд-

² “Кельтским тигром” называли резкий экономический взлет Ирландии на рубеже 1990-х и 2000-х.

но кому-то достанется первое кошмарное дело.

Должности психолога-криминалиста у нас нет, и парни из Убийств – мало кто из них учился в колледже, и меня, психолога-недоучку, здесь считают профессором – поручали мне составлять психологические портреты. Получалось у меня сносно; в свободное время я почитываю учебники, изучаю статистику – пытаюсь наверстать. Сэм вызвал бы меня, если надо, – чутье сыщика взяло бы у него верх над желанием меня побереечь.

– Погоди-ка, – сказал рыжий. Он уже не поигрывал мускулами, а сидел, выпрямившись, на скамье. – Ты же в Убийствах работала? – Недаром я не хотела с ним болтать по-приятельски. Слишком много в последнее время развелось любопытных.

– Было дело, – ответила я с лучезарной улыбкой и взглядом “не подходи – убью”.

В душе рыжего боролись любопытство и влечение, и любопытство в итоге взяло верх – видимо, понял, что шансы влечения близки к нулю.

– Ты расследовала то дело? – спросил он, придвигаясь ко мне поближе. – Убийство девочки. Что там было-то?

– Что рассказывают, то и было, – ответила я. В трубке Сэм с кем-то спорил – отрывистые тревожные вопросы, а в ответ все тот же тягучий голос, – если бы рыжий заткнулся хоть на минутку, я бы узнала, кто это.

– Слыхал я, напарник твой слетел с катушек, трахнул по-

дозреваемую, — любезно подсказал рыжий.

— Откуда мне знать, — ответила я, пытаюсь снять бронежилет, не выронив телефон. Хотелось послать рыжего туда, куда приличные люди не ходят, — какое мне дело теперь до бывшего напарника и его личной жизни?

Сэм вновь заговорил со мной, голос стал еще напряженной, взволнованной:

— Можешь надеть темные очки? И что-нибудь на голову — капюшон, шапку?

Я застряла в бронежилете.

— Это еще зачем?

— Прошу тебя, Кэсси. — Сэм, казалось, вот-вот взорвется. — Пожалуйста.

Езжу я на развалюхе “веспе” — по меркам города, где успех измеряется деньгами, позорище, зато удобно. Пробки она преодолевает вчетверо быстрее среднего внедорожника, и припарковаться проще, да и ненужных людей помогает отсеять — если кто-то кривит рожу, значит, нам не по пути. Когда я выехала из города, погода была славная, для поездки на мотороллере самое то. Ночью прошел дождь — сильный, со снегом, хлестал в окно как сумасшедший, но к утру выдохся, и день был яркий, ослепительный — первый почти весенний день. Раньше в такие деньки я с утра седлала “веспу” и ехала за город — мчишься на полной скорости куда глаза глядят и песни горланишь!

Глэнскхи – это на выезде из Дублина: среди гор Уиклоу прячется деревушка, а вокруг ничего примечательного. Я полжизни прожила в Уиклоу, а в Глэнскхи не была дальше указателя при въезде. Место совсем глухое: россыпь ветхих домиков вокруг церкви, что бывает открыта раз в месяц, рядом паб и магазинчик всякой всячины – словом, сюда не заглянет даже отчаявшаяся молодежь в поисках жилья подешевле. Четверг, восемь утра, так называемая главная улица живописна, как на открытке, и совершенно безлюдна, лишь старушка катит продуктовую тележку мимо искрошенного гранитного памятника неизвестно кому, за ее спиной выются улочки с домиками цвета засахаренного миндаля, а еще дальше высятся буровато-зеленые равнодушные холмы. Можно вообразить, что здесь кого-то убили – фермера, чьи далекие предки не поделили территорию, или муж жену, обезумев от пьянства и жизни в четырех стенах, или брат пошел на брата, с которым не мог разъехаться лет сорок, – короче, привычные преступления с глубокими корнями, древние, как сама Ирландия, но опытного сыщика вроде Сэма таким не проймешь.

И все-таки что там за голос был в телефоне? Из знакомых мне следователей у одного Сэма нет напарника. Ему нравится быть вольной птицей, каждое дело расследовать с кем-то новым – то с сельскими “мундирами”, которым нужен эксперт, то с кем-нибудь из наших, если дело сложное и без третьего им не обойтись. Сэм с кем угодно сработается, помощ-

ник из него идеальный, – интересно, кому из моих бывших коллег он помогает на этот раз.

За деревней дорога сужалась, петляя вверх по склону среди ярко-желтых кустов дрока, а поля стали крошечные, каменистые. На гребне холма стояли двое. Сэм, светловолосый, коренастый, напряженно застыл, спрятав руки в карманы куртки; в нескольких шагах от него, задрав голову, подставив лицо порывам ветра, стоял второй. Солнцу было далеко еще до зенита, и оба отбрасывали длинные грозные тени, а их силуэты на фоне быстрых облаков были в ослепительных ореолах – будто два ангела спустились с небес. За спиной у них трепетала сигнальная лента.

Я помахала, Сэм поднял руку в ответ. Второй небрежно кивнул, и я его тотчас узнала.

– Чтоб меня! – крикнула я, не успев даже слезть с мотоллера. – Фрэнки! Какими судьбами?

Фрэнк подхватил меня под мышки, приподнял. Надо же, ничуть не изменился за четыре года, даже потрепанная кожаная куртка все та же!

– Кэсси Мэддокс, лучшая в мире студентка-самозванка! Как делишки? Как занесло тебя в Домашнее насилие?

– Спасая мир. Мне и меч джедая выдали, и все такое.

Глянув мельком, я отметила недоумение на лице Сэма, нахмуренные брови – о своей работе агента я почти не рассказывала, даже имя Фрэнка при нем вряд ли упоминала, – но, лишь посмотрев на Сэма в упор, я увидела, что на нем

лица нет: губы побелели, глаза округлились. Сердце у меня сжалось, дело и впрямь, похоже, скверное.

– Как ты? – спросила я, стаскивая шлем.

– Отлично, – выдавил Сэм. И улыбнулся, но улыбка вышла кривая.

– О-о-о! – насмешливо протянул Фрэнк, отступив на шаг и оглядев меня. – Ну вы посмотрите! Последний писк полицейской моды! – В прошлый раз он меня видел в камуфляжных штанах и в футболке с надписью “Веселый дом мисс Китти ждет тебя”.

– Чтоб мне провалиться, Фрэнк, – ответила я. – Как видишь, за последние годы я хотя бы раз переодевалась.

– Нет-нет, что ты, я потрясен! Солидно выглядишь! – Он попытался меня развернуть, я отмахнулась.

К слову, по части нарядов мне до Хилари Клинтон далеко. Обычный офисный прикид – черный брючный костюм, белая блузка, стиль совсем не мой, но когда я перешла в Домашнее насилие, мой новый начальник все уши мне прожужжал, как важно производить впечатление, располагать к себе людей, а джинсы и футболка для этого ну никак не подходят, и сопротивляться у меня не хватило сил.

– Очки взяла? А куртку с капюшоном или что-то вроде? – спросил Фрэнк. – С твоим нарядом самое то!

– Ты меня сюда вытащил, чтобы вкусы мои обсуждать? – Я достала из сумки допотопный красный берет, помахала им в воздухе.

– Не-а, о моде в другой раз. Вот, это тебе. – Фрэнк выудил из кармана уродливые темные очки – зеркальные, как у Дона Джонсона³, в духе восьмидесятых.

– Если уж разгуливать таким чучелом, – сказала я, разглядывая очки, – то причина должна быть очень веская.

– Всему свое время. Не нравится – надень шлем.

Фрэнк смотрел на меня выжидательно, и наконец я, поевшись, облачилась в костюм чучела. Радость встречи подвыветрилась, и я опять помрачнела. Сэм на себя не похож, дело расследует Фрэнк и не хочет, чтобы меня здесь видели, – похоже, убит кто-то из наших, из агентов.

– Ты, как всегда, неотразима! – Фрэнк приподнял ленту, я под нее нырнула – привычным движением, в тысячный раз – и на долю секунды почувствовала себя как дома. Машинально нащупала за поясом пистолет, оглянулась в поисках напарника – и только тут опомнилась.

– Итак, рассказываю, – начал Сэм. – Сегодня утром, где-то в шесть пятнадцать, местный житель Ричард Дойл выгуливал здесь, на тропинке, собаку. Спустил ее с поводка побегать по лугу. Недалеко от тропинки есть разрушенный дом, собака забежала внутрь, а назад ни в какую, в конце концов Дойл пошел за ней. Собака обнюхивала труп женщины. Дойл оттащил собаку, побежал домой, позвонил в полицию.

У меня немного отлегло от сердца: ни одной женщи-

³ Дон Джонсон (р. 1949) – американский актер, звездная пора которого пришлась на комедийно-криминальный сериал “Полиция Майами” (1984–1989).

ны-агента я не знаю.

– А я тут при чем? – спросила я. – Не говоря уж о тебе, солнце мое. Или ты перешел в Убийства, а я ни сном ни духом?

– Все поймешь, – ответил Фрэнк. Я шла за ним следом по тропинке, глядя ему в затылок. – Точно тебе говорю.

Я оглянулась на Сэма.

– Не волнуйся, – сказал он тихо. К нему возвращался румянец, горел на щеках яркими неровными пятнами. – Все будет хорошо.

Тропа забирала вверх – грязная, заросшая боярышником и совсем узкая, двоим не разойтись. В просветах пестрели, словно заплаты, поля, усеянные овцами, вдалеке блеял новорожденный ягненок. Воздух прохладный, медвяный, хоть пей его залпом, сквозь молодую листву боярышника пробиваются длинные золотые лучи; идти бы так и дальше вдоль гребня холма, будто и нет черной тени, что омрачила утро, а Сэм и Фрэнк пусть сами разбираются.

– Сюда, – сказал Фрэнк.

Живая изгородь уступила место полуразрушенной каменной стене, за нею зеленело одичавшее поле. Дом стоял ярдах в тридцати-сорока от тропы, один из тех коттеджей, что опустели во время Великого голода, таких до сих пор в Ирландии полно – хозяева умерли или эмигрировали, а новых так и не нашлось. Едва взглянув на него, я лишь укрепилась в мысли, что не хочу иметь с ним ничего общего. По-хорошему,

это место должно так и кишеть людьми: “мундиры” должны прочесывать траву, криминалисты в белых комбинезонах – фотографировать, измерять следы, санитары морга – тащить носилки. А вместо этого двое полицейских в форме топчутся у порога да две спугнутые малиновки снуют по карнизу и возмущенно попискивают.

– А где все? – удивилась я.

Я обращалась к Сэму, но ответил Фрэнк:

– Купер приехал и сразу уехал. (Купер – наш патолого-анатом.) Думаю, хотел установить время смерти как можно быстрее. Криминалисты подождут, следы никуда не денутся.

– Ради бога, – ответила я, – могут и деться, стоит нам тут потоптаться как следует. Сэм, ты расследовал хоть раз двойное убийство?

Фрэнк поднял бровь:

– Еще один труп?

– Будет твой, как только криминалисты сюда доберутся. Шесть человек топчутся на месте преступления? Они же тебя прибьют!

– Ну и пусть, – весело отозвался Фрэнк и перемахнул через стену. – Хотел все в секрете подержать, а попробуй, если криминалисты налетят! Их трудно не заметить.

Что-то здесь всерьез не так. Дело расследует Сэм, а не Фрэнк, ему и решать, как быть со следами, кого и когда вызывать. Значит, то, что он увидел в коттедже, его так потрясло, что он позволил Фрэнку встрять, пройтись бульдозером

и все сделать по-своему. Я старалась поймать взгляд Сэма, но он перелезал через стену, ни на кого не глядя.

– Перелезешь в своем прикиде, – спросил Фрэнк сладким голосом, – или помочь?

Я соорудила ему рожу, перемахнула через стену и утонула по щиколотку в сырой траве и одуванчиках.

В коттедже было когда-то две комнаты. Одна сохранилась вполне хорошо, даже большая часть крыши уцелела, а от второй только и осталось что обломки стены с выбитыми окнами. Из щелей росли выюнки, мох и какая-то ползучая трава с мелкими голубыми цветочками. У входа кто-то написал краской из баллончика: ШЭЗ⁴, довольно коряво, но вряд ли коттедж облюбовали для сборищ, слишком уж тут неуютно; местные подростки и те наверняка его обходят стороной, предоставив дому разрушаться своим чередом.

– Детектив Кэсси Мэддокс, – представил меня Фрэнк. – Сержант Ноэль Бёрн и Джо Догерти, из полиции Ратоуэна. Глэнскхи – это их территория.

– Наказал Господь за грехи, – вздохнул Бёрн, и тоска в его голосе была неподдельной. Был он лет пятидесяти с лишним, сутулый, с водянистыми голубыми глазами, и пахло от него затхлой полицейской формой и безнадеей.

Догерти – нескладный юнец с огромными оттопыренными ушами, и когда я протянула ему руку, он вытаращился на

⁴ Подпись одного из самых известных авторов граффити, которому многие подражают.

меня изумленно, почти карикатурно, я буквально слышала щелчок, когда глаза у него вылезли из орбит, а потом встали на место. Бог знает что ему про меня наплели – сплетни у нас в полиции разлетаются быстрее, чем в клубе любителей настольных игр, – но мне было тогда не до того. Я улыбнулась дежурной улыбкой, а он что-то буркнул и выпустил мою руку поспешно, будто обжегся.

– Мы хотим, чтобы детектив Мэддокс взглянула на труп, – сказал Фрэнк.

– Скажем так, не мы, а вы, – поправил Бёрн, разглядывая меня. В его тоне чудилась легкая угроза, но вряд ли у него нашлись бы силы угрожать.

У Догерти вырвался нервный смешок.

– Готова? – спросил тихонько Сэм.

– Жду не дождусь, – ответила я, вышло чуть свысока.

Фрэнк уже нырнул внутрь, раздвинул ветви ежевики у входа в дальнюю комнату.

– Мадам, прошу! – Он отвесил шуточный поклон.

Я нацепила дурацкие очки на ворот блузки, вздохнула, зашла.

В комнате, наверное, веяло когда-то тихой печалью. Длинные лучи солнца пробивались сквозь щелястую крышу, сочились в затянутые ежевикой окна, дрожали, словно блики на воде; очаг, сто лет как остывший, был забит кусками птичьих гнезд, упавших в дымоход, а сверху торчал крюк, хоть сейчас вешай чугунок. Где-то невдалеке мирно ворковала

горлинка.

Но всякий, кто видел хоть раз мертвеца, знает, как меняется рядом с ним даже сам воздух: безмерная тишина, осязаемая пустота, черная дыра – время остановилось, ни одна молекула не движется рядом с немым существом, познавшим последнюю тайну, которую ни с кем не разделит. Обычно покойник в комнате главный, единственный. Иное дело убитые – те никогда не бывают одни. Возле убитого тишина оглушает, как крик, воздух захватан пальцами, на теле будто выжжено клеймо другого, чье присутствие ощущаешь столь же явственно, – убийцы.

Вот что, однако, бросилось мне в глаза в тот раз: убийца почти не оставил следа. Я готовилась увидеть то, что и представить страшно, – распростертое нагое тело, черные зияющие раны, расчлененку, – но эта девушка словно прилегла, сама выбрав место, ни в чьей помощи не нуждаясь, и выпустила последний вздох, ровный и протяжный. Она лежала на спине возле камина, ноги вместе, руки вдоль тела. Темно-синее полупальто, распахнутое на груди, синие джинсы не спущены, молния застегнута, кроссовки, голубая футболка с темной звездой. Единственное, что настораживало, – крепко сжатые кулаки. Фрэнк и Сэм подобрались поближе, я метнула на Фрэнка вопросительный взгляд: “И что?” – но он лишь наблюдал за мной с непроницаемым лицом.

Девушка была среднего роста, сложена как я – ладная, по-мальчишески стройная. Лежала лицом к дальней стене,

лишь темнели в полумраке стриженные волосы да белел кусочек лица – округлость щеки, маленький заостренный подбородок. Фрэнк зажег фонарик, небольшой, но яркий, и в круге света выступило ее лицо.

В первый миг я растерялась – неужто Сэм мне наврал? – я же ее знаю, где-то видела миллион раз! Я шагнула вперед, чтобы разглядеть ее получше, – и все вокруг застыло, провалилось в безмолвие, из углов наползла тьма, лишь лицо девушки сияло белизной: это же я! Точеный нос, брови вразлет, каждая черточка, каждый изгиб – это я, неподвижная, губы синие, под глазами темные круги. Я не чувала ни рук, ни ног, ни своего дыхания. Мне почудилось на миг, будто я лечу – выпорхнула из себя, и меня уносит, как лист на ветру.

– Узнаешь? – донесся точно издалека голос Фрэнка. – Вы с ней родня?

Я будто ослепла – смотрела на нее и не видела. Она казалась невысказанной – горячечный бред, вопиющее нарушение всех законов природы. Я невольно напряглась, привстала на носки, нащупала револьвер, готовая биться с нею не на жизнь, а на смерть.

– Нет, – ответила я чужим голосом. – В первый раз вижу.

– Ты что, приемыш?

Сэм резко обернулся, и это вмиг меня отрезвило, меня словно ущипнули.

– Нет, – сказала я.

На один головокружительный, страшный миг я и вправду

задумалась, родная ли я дочь. Но нет, я же хорошо помню фотографии: мама устало улыбается на больничной кровати, держит на руках меня, совсем новенькую. Нет.

– На кого из родителей ты больше похожа?

– Что? – Я не сразу поняла. Взгляд сам собой возвращался к девушке, пришлось усилием воли зажмуриться. Ясно, почему Догерти так на меня таращился, даже ушами шевельнул. – Нет. На маму. Не потому что отец гулял и... Нет.

Фрэнк пожал плечами:

– Ладно, не попал.

– Говорят, у каждого из нас где-то есть двойник, – шепнул мне в самое ухо Сэм. Он стоял ко мне вплотную. Лишь спустя миг я поняла, что он готов меня подхватить на лету, если я вдруг упаду.

Я не из тех, кто чуть что падает в обморок; я изо всех сил закусила губу, и резкая боль вернула меня на землю.

– Она что, без документов?

Ни Фрэнк, ни Сэм не торопились отвечать, и я поняла: что-то не то. Черт – сердце ухнуло в пятки, – кража личных данных! Я не знала толком, как это делается, но один взгляд на меня плюс немного фантазии – и эта девушка могла бы жить под моим именем и набрать кредитов на “БМВ”.

– При ней был студенческий билет, – сказал Фрэнк. – В левом кармане пальто – брелок с ключами, в правом – фонарик, в правом переднем кармане джинсов – бумажник. Двенадцать фунтов с мелочью, банковская карта, пара старых

чеков и вот это. — Из стопки у входа он выудил прозрачный пакетик для вещдоков и вложил мне в ладонь.

Студенческий билет Тринити-колледжа — пластиковый, со штрих-кодом, не заламинированная бумажка, как в свое время у нас. Лицо на фото казалось лет на десять моложе того, что в углу — бледного, изможденного. Девушка улыбалась мне с карточки моей же улыбкой, на ней была полосатая кепка-восьмиклинка, и в голове пронеслось: никогда у меня такой не было! Или все-таки была? Когда же? Повернувшись спиной к остальным, я поднесла карточку к свету, сделав вид, будто пытаюсь разобрать мелкий шрифт. *Мэдисон, Александра Дж.*

Через миг я все поняла: это наших с Фрэнком рук дело. Это мы создали Лекси Мэдисон, собрали по косточкам, дали ей имя, и на несколько месяцев она обрела плоть и кровь, а когда от нее избавились, ей захотелось жить дальше. Четыре года спустя она возродилась из недр земли и ночных ветров, призвала нас сюда — вот, полюбуйте, что вы натворили!

— Что за черт... — сказала я, отдышавшись.

— Когда здешняя полиция засуетилась и пробила ее по базе, — объяснил Фрэнк, — имя всплыло с пометкой: если с этой девушкой что-нибудь случится, срочно позвонить мне. Я в свое время не стал ее удалять из базы — думал, пригодится когда-нибудь. На всякий случай.

— Да уж, — отозвалась я. — Вот именно. — Я смотрела на тело, твердя про себя: это не голем, это мертвая девушка, на-

стоящая, живая, если можно так выразиться. – Сэм, – спросила я, – что нам известно?

Сэм испытующе оглядел меня и, убедившись, что ни кричать, ни в обморок падать я не собираюсь, кивнул. Он понемногу приходил в себя.

– Белая женщина, – начал он, – двадцати пяти – тридцати лет, одиночное ножевое ранение в грудь. Купер говорит, смерть наступила около полуночи, плюс-минус час. Точнее не определить, мог повлиять шок, перепады температуры, физическая нагрузка перед смертью и тому подобное.

Я, в отличие от многих, с Купером в добрых отношениях, но на этот раз к лучшему, что мы с ним разминулись, слишком уж тесно в коттедже, слишком много шума, топота, любопытных взглядов.

– Убита здесь? – спросила я.

Сэм мотнул головой:

– Неизвестно. Подождем, что скажут криминалисты, но ночью шел дождь и почти все смыл – не найти ни следов на тропинке, ни крови, ничего. Но, по-моему, здесь не основное место происшествия. После удара ножом она какое-то время оставалась на ногах. Видишь? Кровь стекала вниз по брючине. – Фрэнк услужливо посветил фонариком. – И оба колена в грязи, на одном дыра – видно, бежала и упала.

– Искала, где спрятаться, – подхватила я. В голове всплыла картина из полузабытого ночного кошмара: тропинка теряется во мраке, бежишь, спотыкаясь на скользкой гальке,

слышишь свое прерывистое дыхание. Я спиной чуяла, как Фрэнк осторожно отступает, ждет.

– Может быть, – отозвался Сэм. – Возможно, убийца гнал-ся за ней, или она думала, что гонится. Кровавый след мог вести к коттеджу, но мы никогда не узнаем, его давно смыло.

Хотелось куда-то деть руки – запустить в волосы, прижать ко рту, да что угодно. Сунула в карманы, чтоб не мешали.

– Добежала до укрытия и упала без сил?

– Не совсем так. Сдается мне, умерла она вон там. – Сэм, раздвинув ветви ежевики, кивком указал в угол смежной комнаты. – Крови натекла целая лужа. Сколько именно, неизвестно – может, криминалисты определяют точнее, но раз после такой дождливой ночи хоть что-то осталось, значит, было много. Скорее всего, девушка села на пол, прислонившись к стене, – больше всего крови на футболке спереди, на коленях и на джинсах сзади. Если бы она лежала, кровь стекла бы по бокам. Видишь?

Он указал на футболку девушки, и в голове у меня прозвенело: никакой там не рисунок, не звезда!

– Прижимала к ране футболку, пыталась остановить кровь.

Забилась в угол; дождь, теплая кровь сочится меж пальцев.

– Так как же она сюда попала? – спросила я.

– Убийца ее в конце концов настиг, – сказал Фрэнк. – Не он, так кто-то другой.

Он нагнулся, приподнял за шнурок ногу девушки – когда он ее коснулся, меня передернуло, – посветил фонариком на подошву, сбитую, в бурой грязи.

– Ее волокли по земле, уже мертвую – под телом не скопилась кровь, когда дотасили, кровь уже остановилась. Парень, который ее нашел, божится, что ее не трогал, и я верю. Вид у него был, будто сейчас блеванет; ближе, чем следовало, он не подходил. Как бы там ни было, перенесли ее сразу после смерти. Купер говорит, тело тогда еще не успело окоченеть, и нет фиксации трупных пятен, да и под дождем она пробыла совсем недолго, почти сухая. Если бы оставалась ночью на улице, вымокла бы до нитки.

С опозданием, как если бы глаза только сейчас привыкли к полумраку, я поняла, что все темные пятна – никакие не тени, не дождевая вода, а кровь. Кровь была всюду: темнела на полу и на джинсах девушки, запеклась у нее на ладонях до самых запястий. Не хотелось смотреть ей в лицо, да и вообще видеть чьи-то лица. Я уставилась на ее футболку, взгляд расфокусировался, и кровавая звезда поплыла перед глазами.

– Отпечатки ног есть?

– Нет, – покачал головой Фрэнк. – Даже ее. Казалось бы, должны быть, в такой-то грязище, но Сэм верно сказал – дождь. А в другой комнате до хрена грязи со следами парня, который полицию вызвал, и его собаки, вот я и не боялся, что ты тут натопчешь. На тропинке – то же самое. И здесь... – Он

пошарил лучом фонарика на полу, в углах: широкие разводы грязи, будто кто-то вытирал. – Вот такую мы застали картину. Следы вокруг тела – это всё наши, Купера и местных полицейских. Тот, кто ее сюда перетащил, здесь задержался, прибрал за собой. Посреди поля сломанная ветка дрока валяется – возможно, с того большого куста у порога; сдаётся мне, он ею подметал перед уходом. Посмотрим, найдут ли криминалисты на ней кровь или отпечатки. А если нет следов...

Он протянул мне еще один пакет с вещдоками:

– Что здесь не так?

Бумажник, белый, из кожзаменителя, с вышитой серебряной бабочкой и еле видными следами крови.

– Слишком уж чистый, – предположила я. – Ты сказал, он лежал в переднем кармане джинсов, а у нее все колени в крови. И он тоже должен быть в крови.

– В точку! Карман насквозь в крови, а на бумажнике почти ни пятнышка? Фонарик и ключи тоже, считай, не запачкались. Как будто наш парень карманы ей обшарил, все вещи ее протер и спрятал обратно. Попросим криминалистов все проверить на отпечатки пальцев, но спорим, ничего стоящего не найдут. Кто-то очень-очень постарался.

– Признаки сексуального насилия? – спросила я.

Сэма передернуло. Мне было уже все равно.

– Купер окончательно установит на вскрытии, но по предварительным данным – нет. Если нам повезет, то найдем на

ней чужую кровь – убийца с ножом мог пораниться, так часто бывает, – но, если на то пошло, добыть ДНК нам вряд ли светит.

Мое первое впечатление – убийца-невидимка, не оставивший следов, – оказалось близко к истине. Поработаешь несколько месяцев в Убийствах – и такие дела за милую душу. Собрав последние остатки здравомыслия, я напомнила себе: что бы там ни было, меня это не касается.

– Хорошо, нечего сказать, – ответила я. – Ну а что у вас есть? Хоть что-то о ней, помимо того, что она учится в Тринити и присвоила чужое имя?

– Сержант Бёрн говорит, местная, – ответил Сэм. – Жила в усадьбе “Боярышник”, в полумиле отсюда, с компанией студентов. Вот и все, что он знает о ней. С ее соседями по дому я еще не говорил, потому что... – Он указал на Фрэнка.

– Потому что я просил подождать, – сказал Фрэнк вкрадчиво. – Есть у меня мыслишка, хотел с вами обсудить, прежде чем следствие наберет обороты. – Он выгнул бровь, указал взглядом на выход, на Бёрна с Догерти. – Пройдемся?

– Пожалуй, – согласилась я. Тело девушки будто преобразило сам воздух в доме, создавало помехи, как телевизор с выключенным звуком, мешало собраться с мыслями. – Если задержимся здесь, вселенная превратится в антивещество. – Я вернула Фрэнку пакет с уликами, вытерла ладонь о брюки.

Уже стоя на пороге, я оглянулась на нее через плечо. Фонарик Фрэнк погасил, но когда я раздвинула ветви ежеви-

ки, в комнату хлынуло весеннее солнце, и на долю секунды, прежде чем моя тень закрыла дверной проем, девушка выступила из мрака: приподнятый подбородок, сжатый кулак, изогнутая белая шея – точь-в-точь мой призрак, грозный и неумолимый, в крови и сиянии.

Больше я ее не видела. Тогда я об этом не думала – меня занимали другие мысли, – и сейчас это кажется невозможным, но те десять минут будто пролегли глубокой бороздой через всю мою жизнь: тогда мы столкнулись в первый и последний раз.

Двое полицейских стояли на том же месте, где мы с ними расстались, – привалились к стене, будто мешки с крупой. Бёрн смотрел вдаль в каком-то забытии, Догерти сосредоточенно разглядывал палец – не иначе как в носу только что ковырял.

– Ладно, – сказал Бёрн, когда очнулся и заметил нас. – Мы пошли. Делайте с ней что хотите.

Местные полицейские иногда чистое золото: и всех в округе знают, и мотивов назовут с десятков, и основного подозреваемого на блюдечке поднесут. А бывает, спят и видят, как бы скорей свалить на вас все хлопоты и снова засесть за карты. Тут налицо был второй случай.

– Придется вам задержаться еще ненадолго, – сказал Сэм, и у меня чуть отлегло от сердца, а то было не по себе, оттого что Фрэнк один здесь командует. – Криминалистам нужна

будет ваша помощь при обыске, а мне – как можно больше информации, вы же местные.

– Но она-то не местная, – возразил Догерти, вытирая палец о брюки. Он снова бесцеремонно меня разглядывал. – Эти, из усадьбы “Боярышник”, пришлые. Никакого отношения не имеют к Глэнскхи.

– Повезло им! – буркнул под нос Бёрн.

– Но она здесь жила, – невозмутимо сказал Сэм, – и умерла здесь. А значит, надо опросить жителей. Скорее всего, пригодится ваша помощь, вы же тут свои.

Голова Бёрна совсем ушла в плечи.

– Все здесь психопаты, – заметил он мрачно. – Психопаты конченные. А больше вам ничего знать не нужно.

– У меня полно друзей-психопатов, – весело отозвался Фрэнк. – Пусть трудности вас только подстегивают! – И, махнув им на прощанье, зашагал прочь через поле, шурша сырой травой.

Сэм и я двинулись следом. Даже не глядя на Сэма, я мысленно видела горькую складку меж его бровей, но ободрить его не хватало сил. Теперь, когда мы покинули коттедж, у меня осталось одно чувство – гнев, в чистом виде, без примеси. Мое лицо, мое прежнее имя – это все равно что прийти домой, а там другая девица хозяйничает на кухне в твоих любимых джинсах и подпевает, слушая твой любимый диск. Я аж задохнулась от ярости. Вспомнилось фото на ее студенческом билете: врезать бы ей хорошенько, чтоб не улыбалась

больше моей улыбкой!

– Что ж, – сказала я, когда мы нагнали Фрэнка у края поля, – весело было. Могу я вернуться на работу?

– А я и не знал, что у вас в Домашнем насилии так интересно, – притворно удивился Фрэнк, – раз ты туда так торопишься. Очки.

Про очки-то я и забыла.

– Если эта девушка не жертва домашнего насилия, а признаков я не вижу, то со мной у нее общего – ноль. Так зачем ты меня сюда вытащил?

– Соскучился по тебе, зайка! Хотел тебя увидеть под любым предлогом. – Фрэнк улыбнулся мне во весь рот, я ответила колючим взглядом. – Общего ноль – ты это серьезно? Посмотрим, что ты запоешь, когда мы попытаемся установить ее личность, а в ответ посыплются звонки от твоих знакомых.

От моего гнева не осталось и следа, лишь сосущая пустота внутри. Фрэнк, зараза такая, прав. Как только портрет этой девушки появится в газетах, отовсюду хлынут те, кто знал меня, Лекси, меня под именем Лекси, станут спрашивать, кто же из нас убит и кто мы обе на самом деле, раз ни одна из нас не Лекси Мэдисон, – смешно, нечего сказать! Хотите верьте, хотите нет, но лишь тогда я впервые осознала: так легко от нее не отделаешься – мол, не знаю и знать не хочу, спасибо, что испортили мне утро, до свидания.

– Сэм, – попросила я, – нельзя ли пару дней подождать, не

публиковать ее фото? Чтобы я успела всех предупредить. – Знать бы еще, какими словами. “Тетя Луиза, мы нашли труп девушки, и...”

– Кстати, – сказал Фрэнк, – раз уж ты об этом речь завела, мыслишка моя как раз в этом русле. – На краю поля темнела груда замшелых валунов; он уселся на них, принялся болтать ногой.

Блеск в его глазах был мне знаком. Он всегда предвещал, что Фрэнк сейчас как ни в чем не бывало предложит нечто вопиющее.

– Итак, – начал Фрэнк, устроившись поудобнее на груде булыжников и заложив руки за голову. – Нам выпал уникальный случай, ведь так? Грех не воспользоваться.

– Нам? – переспросил Сэм.

– Нам? – подхватила я.

– Да господи, кому же еще? – Уголки губ Фрэнка хищно поползли вверх. – Нам выпал случай, – проговорил он не спеша, с расстановкой, – расследовать убийство изнутри, поместить опытного агента в гущу жизни жертвы.

Мы оба вытаращились на него.

– Видали хоть раз такое? До чего красивый ход, Кэсс! Художественный!

– Да уж, художественный, от слова “худо”, – фыркнула я. – Что за пургу ты несешь, Фрэнки?

Фрэнк только руками развел – что же тут непонятного?

– Вот что. Ты уже была когда-то Лекси Мэдисон, так? И

можешь снова ею стать. Ты могла бы – нет, погоди, выслушай меня, – предположим, она не убита, а всего лишь ранена, так? Ты могла бы вернуться в ее жизнь и начать с того места, где она остановилась.

– Господи боже ты мой, – простонала я. – Вот почему здесь ни криминалистов, ни ребят из морга? Вот почему ты меня заставил вырядиться пугалом? Чтоб никто не догадался, что у тебя в запасе еще одна Лекси? – Я сдернула берет и затолкала обратно в сумку. Да уж, нарочно не придумаешь! Должно быть, его осенило, едва он очутился на месте преступления.

– Ты узнаешь то, до чего ни один сыщик не докопается, сблизись с теми, с кем была близка она, выявишь подозреваемых...

– Хочешь ее использовать как приманку? – спросил Сэм нарочито ровным тоном.

– Я хочу ее использовать как сыщика, приятель, – ответил Фрэнк. – А она и есть сыщик, насколько я знаю.

– Хочешь ее туда заслать, чтобы этот тип вернулся и ее добил. Это называется ловить на живца.

– Ну и что? Агент – он и есть живец. Я от нее не требую ничего такого, за что не взялся бы сам, если...

– Нет, – отрезал Сэм. – Нет, и все.

Фрэнк поднял бровь:

– Ты ей кто, мамочка?

– Я руководитель следственной группы, и я сказал нет.

– Дружище, подумай еще, прежде чем...

Обо мне будто забыли.

– Ау! – подала я голос.

Оба дернулись, уставились на меня.

– Прости, – сказал Сэм то ли робко, то ли обиженно.

– Мы тут, – отозвался с улыбкой Фрэнк.

– Фрэнк, – начала я, – прямо скажу, ничего глупее я в жизни не слышала. Ты совсем офонарел. С дуба рухнул. Ты...

– Что же тут ненормального? – возмутился Фрэнк.

– Ради бога... – Я запустила руку в волосы, соображая, с чего начать. Холмы, поля, сонные полицейские, коттедж, а в нем мертвая девушка – нет, мне это не привиделось. – Ну, для начала, это невозможно. Никогда не слыхала ни о чем подобном.

– Но в том-то вся и прелесть, – возразил Фрэнк.

– Если выдаешь себя за реального человека, это на полчасика, не больше, для строго определенной задачи. Что-то передать, забрать – у незнакомого человека. А ты хочешь, чтобы я зажила жизнью этой девушки лишь потому, что я на нее чуть смахиваю...

– Чуть смахиваешь?

– Ты хоть знаешь, какого цвета у нее глаза? А вдруг голубые или...

– Доверься мне хоть капельку, детка. Карие.

– А вдруг она умеет программировать или играть в теннис? А вдруг она левша? Это невозможно. И часа не прой-

дет, как меня раскусят.

Фрэнк достал из кармана куртки смятую пачку, выудил сигарету. В глазах у него вновь вспыхнул тот самый огонек; трудности ему нипочем.

– Я в тебя верю. Угостить?

– Нет, – ответила я, при том что курить хотелось отчаянно. Не в силах усидеть на месте, я топталась по островку высокой травы. “Начнем с того, что она мне не нравится”, – вертелось на языке, хотя при чем тут это?

Фрэнк пожал плечами, закурил.

– Возможно или невозможно, сам разберусь. Может, и невозможно, кто его знает, по ходу дела соображу. Что еще?

Сэм смотрел вдаль, спрятав руки в карманы, – предоставил мне решать.

– А еще, – продолжала я, – это, мягко говоря, бессовестно. У этой девушки наверняка есть семья, друзья. Ты хочешь им объявить, что она жива-здорова, надо только подлатать маленько, – а она лежит на столе в морге, и Купер ее потрошит? Боже, Фрэнк!

– Она жила под чужим именем, Кэсс, – резонно заметил Фрэнк. – Думаешь, она поддерживала связь с семьей? Пока мы их разыщем, все будет кончено. Они и не заметят подмены.

– А ее друзья? Полицейские сказали, она жила с компанией студентов. А вдруг у нее парень есть?

– Те, кому она дорога, – возразил Фрэнк, – захотят, чтобы

мы отыскивали убийцу. Любой ценой. Я бы на их месте так и хотел. – Он выпустил в небо струйку дыма.

Сэм повел плечами – видно, решил, что Фрэнк просто уминает. Но Сэм никогда не был агентом, ему неоткуда знать, что агенты – особого склада люди, на все пойдут, станут рисковать собой и другими, чтобы взять преступника. Спорить с Фрэнком толку не было, он говорил чистую правду: если бы его дочь убили, а полиция от него скрыла, чтобы найти подонка, он бы и слова не сказал. Вот один из главных соблазнов в работе агента – безжалостность, вседозволенность; мощная штука, запросто может вскружить голову. Это одна из причин, почему я ушла.

– А потом? – спросила я. – Когда все кончится? Скажешь им: “А, кстати, забыли вас предупредить, это была подсадная утка, а подруга ваша уже три недели как умерла”, да? Или мне оставаться Лекси Мэдисон до самой смерти?

Фрэнк задумался, щурясь от солнца.

– Рана твоя может загноиться, – оживился он. – Попадешь в реанимацию, врачи сделают все возможное, но даже современная медицина бывает бессильна.

– Интересное кино! – воскликнула я. Казалось, в то утро это был мой ответ на все. – С чего ты взял, будто это хорошая мысль?

– Чем же она плоха? – спросил Фрэнк. – Ну же, валяй!

– Для начала, – вмешался Сэм, – это чертовски опасно.

Фрэнк поднял бровь, повернулся ухом к Сэму и заговор-

щицки мне улыбнулся. Я забыла на миг, где нахожусь, еще чуть-чуть – и улыбнулась бы в ответ.

– Вдобавок, – сказала я, – все равно время упущено. Бёрн, Догерти и этот, с собакой, уже знают про мертвую девушку в коттедже. Стоит тебе захотеть, и всем троим рты заткнешь? Этот, как его, уже на весь Уиклоу наверняка растрезвонил.

– Его зовут Ричард Дойл, и рот никто ему не затыкает. Как только освободимся, зайду к нему и скажу: спасибо, вы спасли этой девушке жизнь. Если бы не вызвали нас сразу, могло бы кончиться трагедией. Он герой, пусть хоть на весь мир объявит. А Бёрна ты, детка, видела. На довольного представителя нашей славной братии он не похож. Если попрошу его держать язык за зубами, а взамен посулю перевод, он и сам будет молчать, и Догерти молчать заставит. Что еще?

– А еще, – сказала я, – смысла в этом ни на грош. Сэм расследовал десятки убийств и почти все раскрыл без фокусов. А такой трюк подготовить – это работа на несколько недель...

– На несколько дней, – поправил Фрэнк.

– ...а за это время Сэм найдет убийцу. Если ты ему не испортишь дело, объявив, что никакого убийства не было. Пустая трата времени – твоего, моего и не только.

– Тебе это помешает? – спросил Фрэнк у Сэма. – В теории. Если ты объявишь – скажем, на первые пару дней, – что произошло не убийство, а покушение? Помешает?

Сэм подумал, вздохнул.

– Нет, – ответил он. – В общем, нет. Что убийство, что попытка убийства – для следователя большой разницы нет. Да и Кэсси сказала, в ближайшие дни никакой огласки, пока не установим личность жертвы, чтобы не запутать дело окончательно. Но не это главное.

– Понял, – кивнул Фрэнк. – Тогда есть предложение. Обычно подозреваемый находится в течение трех суток, так?

Сэм молчал.

– Так?

– Да, – сказал Сэм. – И это дело ничем от прочих не отличается.

– Ничем, – поддакнул Фрэнк. – Сегодня четверг. До конца недели никуда не торопимся. Не станем объявлять, что произошло убийство. Кэсси посидит дома, чтобы случайно не попасться убийце на глаза, – вот и наш главный козырь, при желании воспользуемся. А я разузнаю как можно больше об этой девушке, все равно без этого нельзя, так? Сэм, мешать я тебе не буду, слово даю. Ты говоришь, до вечера воскресенья должен появиться подозреваемый. Если да, то выхожу из игры, Кэсси возвращается в Домашнее насилие, все встанет на свои места, и никто не в обиде. Ну а если вдруг нет... что ж, тогда подумаем.

Ни я, ни Сэм не ответили.

– Речь, ребята, всего о трех днях, – убеждал Фрэнк. – Никаких обязательств. Кому это может повредить?

Сэм как будто слегка успокоился, ну а я нет, ведь я-то

знаю, как действует Фрэнк: крохотными шажками, с виду безобидными, и вдруг – бац! – и ты по уши увяз в чем-нибудь нежелательном.

– Но зачем, Фрэнк? – спросила я. – Объясни мне – и я проведу чудесные весенние выходные дома перед телевизором, а не пойду, как нормальный человек, на свидание. Ты готов уйму времени и труда ухлопать на сомнительную авантюру. Зачем?

Фрэнк вскинул руку и, сложив ладонь козырьком, уставился на меня.

– Зачем? – повторил он. – Господи, Кэсси! Затем, что мы можем! Затем, что это уникальный случай в истории полиции! Затем, что это, черт возьми, потрясающе! Неужели непонятно? Да что это с тобой? Неужто променяла меня на возню с бумажками?

Он будто с размаху врзал мне в самое больное место. Я перестала шагать взад-вперед, отвернулась, устремила взгляд вдаль, на холмы, лишь бы не видеть ни Фрэнка, ни Сэма, не видеть, как Бёрн с Догерти, вытянув шеи, заглядывают в коттедж – поглазеть на мой труп.

Тут Фрэнк за моей спиной сказал примирительно:

– Прости, Кэсс. Не ожидал от тебя, вот и все. От ребят из Убийств, от кого угодно, только не от тебя. Не знал, что ты... Думал, ты соломки подстелить хочешь. Не сразу понял, в чем дело.

Казалось, он искренне потрясен. Да, он меня уламывает,

все его приемы я наизусть знаю, но какая разница, если он прав? Лет пять назад, даже год назад я бы с радостью ухватилась за такую возможность, была бы уже в коттедже, проверяла бы, есть ли у погибшей девушки сережки, на какой стороне у нее пробор. Я окинула взглядом поля, и в голове прозвучал вопрос, прямой и четкий: во что я, черт подери, превратилась?

– Ну ладно, – ответила я наконец. – Что сказать журналистам – не моя забота, разбирайтесь сами. До конца недели залягу на дно. Но, Фрэнк, больше ничего не обещаю. Даже если у Сэма не появится подозреваемый. Согласия я пока не дала. Тебе ясно?

– Узнаю свою девочку, – оживился Фрэнк. Даже не глядя на него, я поняла по голосу, что он улыбается. – А я-то думал, тебе инопланетяне вживили в мозг чип.

– Отвяжись, Фрэнк, – сказала я и обернулась. Сэм, по всему видно, недоволен, только не до него сейчас. Скорей бы остаться одной, все обдумать.

– Я пока добро не дал, – сказал Сэм.

– Тебе решать, не спорю, – отозвался Фрэнк. Он, похоже, не очень расстроился, но такого сопротивления явно не ожидал. Сэм – парень покладистый, но нет-нет да и взбрыкнет, и тогда переубедить его все равно что сдвинуть с места дом. – Только решай быстрее. Если мы продолжаем – по крайней мере, пока, – надо срочно сюда вызвать “скорую”.

– Скажешь мне, что ты решил, – обратилась я к Сэму. –

Поеду домой. Увидимся вечером?

Брови Фрэнка поползли вверх. У спецagentов свое “сарфанное радио”, но от сплетен в других отделах они подчеркнуто держатся в стороне, ну а мы с Сэмом наши отношения напоказ не выставляем. Фрэнк весело глянул на меня, усмехнулся хитро. Я не обратила внимания.

– Не знаю, когда освобожусь, – сказал Сэм.

Я пожала плечами:

– Я-то точно из дома никуда.

– До скорого, крошка! – бодро процедил Фрэнк, держа в зубах очередную сигарету, и помахал мне на прощанье.

Сэм проводил меня назад через поле, шагал все время рядом, касаясь меня плечом, излучая поддержку, – видно, не хотел, чтобы я шла мимо коттеджа одна. Вообще-то меня так и тянуло еще разок посмотреть на тело, желательно подольше и чтобы никто не мешал, но я спиной чувствовала взгляд Фрэнка и, проходя мимо коттеджа, даже не обернулась.

– Хотел тебя предупредить, – сказал вдруг Сэм, – но Мэкки не велел. Можно сказать, запретил, ну а я тогда плохо соображал... Зря я тебя не предупредил. Прости.

Разумеется, Фрэнк, как и все, кто меня хоть капельку знает, слышал об операции “Весталка”.

– Хотел посмотреть, как я к этому отнесусь, – объяснила я. – На прочность меня проверял. А уж уламливать он мастер. Ничего.

– Этот Мэкки... он хороший следователь?

Я не знала, что на это ответить. “Хороший следователь” – такими словами не бросаются. За ними стоит сложнейшее сочетание качеств, для каждого из нас свое. Я вовсе не была уверена, подходит ли Фрэнк под определение Сэма или, если на то пошло, под мое.

– Умен как черт, – ответила я наконец, – и преступникам от него не уйти. Так или иначе. Дашь ему три дня?

Сэм вздохнул:

– Если ты не против посидеть в выходные дома, то я, так и быть, согласен. Вообще-то не повредит сохранить это дело в тайне, пока мы хоть отчасти не разберемся – не установим личность, не выйдем на подозреваемого и так далее. Меньше будет путаницы. Друзей ее обманывать не хочется, зато это смягчит удар – за эти дни они свыкнутся с мыслью, что она, возможно, не выживет...

День обещал быть погожим – солнце высушило траву, тишь такая, что слышно, как копошатся среди цветов букашки. Зеленые холмы почему-то внушали тревогу – упрямые, непонятные, будто спиной к нам повернулись. Лишь секунду спустя я поняла, в чем дело, – они были безлюдны. Из всей деревни ни одна живая душа не пришла узнать, что стряслось.

На укромном участке тропы, там, где живая изгородь прятала нас от чужих глаз, Сэм крепко прижал меня к себе.

– Я за тебя ее принял. – Он зарылся мне в макушку. Говорил еле слышно, с дрожью в голосе. – Думал, это ты.

До конца недели я не сидела перед теликом, как сказала Фрэнку. Долго оставаться на месте я не умею, мне нужно двигаться, особенно когда нервничаю. И вот – ради хоть каких-то острых ощущений – я взялась за уборку. Отдраила, пропылесосила и натерла до блеска каждый уголок в квартире, вплоть до плинтусов и задней стенки плиты. Сняла занавески, выстирала в ванне, развесила сушиться на пожарной лестнице. Разложила на окне пуховое одеяло, выбила из него пыль. Я бы и стены перекрасила, будь у меня краска. Вырядиться бы чучелом и пойти искать магазин “Сделай сам”, но я помнила о своем обещании Фрэнку и принялась надраивать со всех сторон сливной бачок.

И вспоминала слова Фрэнка: “Не ожидал от тебя...” После операции “Весталка” я ушла из Убийств. В Домашнем насилии скука смертная, зато тихо-мирно, если можно так выразиться. Или кто-то кого-то отдубасил, или никто никого не отдубасил – ничего сложного, от тебя требуется лишь выяснить, кто обидчик, и положить конец безобразию. Работа простая, и польза от нее несомненна – этого и требовала душа. Хватит с меня ответственности, запутанных дел и нравственных вопросов.

“Не узнаю тебя, на бумажки меня променяла?” Мой строгий, наглаженный деловой костюм висел на дверце платяно-

го шкафа, ждал понедельника и действовал мне на нервы. Наконец я не выдержала и сунула его в шкаф, прихлопнув дверцей.

И разумеется, чем бы я ни занималась, я думала без перерыва об убитой девушке. Наверняка в ее лице заключалась подсказка, тайное послание, которое лишь мне под силу расшифровать, – а мне не хватило времени или ума его заметить. Будь я по-прежнему следователем в Убийствах, раздобыла бы фотографию с места преступления или копию студенческого билета, взяла бы домой рассмотреть в тишине. Сэм по моей просьбе привез бы мне все это, но я не попросила.

Где-то там не сегодня завтра Купер будет ее вскрывать. От этой мысли у меня закипал мозг.

За всю жизнь мне не попадалось тех, кого можно спутать со мной. В Дублине полно девиц до ужаса одинаковых – то ли на самом деле это один и тот же человек, то ли все они вылезли на свет божий из одной бутылки с автозагаром, а я хоть и не королева красоты, зато таких, как я, больше нет. Мой дед, мамин отец, был француз, и смесь кровей дала мне внешность приметную. Я единственный ребенок; вся моя родня – тетки, дядья да пестрая компания кузенов, и никто из них на меня не похож.

Родители мои погибли, когда мне было пять лет. Отец был журналистом, мама пела в кабаре; однажды сырой декабрьской ночью он вез ее домой с концерта в Килкенни и на

скользкой дороге их занесло. Отец, возможно, превысил скорость – машину три раза перевернуло, и она лежала в поле вверх тормашками, пока включенные фары не увидел фермер и не подошел разобраться, в чем дело. Отец умер на другой день, мама не дожидая до приезда “скорой”. Я не скрываю этого от новых знакомых – чем скорее узнают, тем проще. В ответ все молчат или впадают в сентиментальность (“тебе, наверное, ТАК их не хватает!”), и чем ближе мы знакомы, тем дольше они разводят эти сопли. Всякий раз я теряюсь, ведь мне было тогда всего пять лет, больше четверти века прошло, так что, думаю, смело можно сказать: я более-менее оправилась. Жаль, что я их почти не помню и не могу скучать по-настоящему – мне не хватает самой идеи семьи, да иногда песен, что пела мне мама, но об этом я никому не рассказываю.

Я легко отделалась. Тысячи детей в схожих обстоятельствах сгинули, попали в приемные семьи или в жуткие ремесленные школы. Но мои родители по пути на концерт завезли меня на ночь в Уиклоу, к сестре отца и ее мужу. Помню ночные звонки, быстрые шаги по лестнице, взволнованный шепот в прихожей, гул мотора; помню, как приходили и уходили люди – казалось, целую вечность – и как тетя Луиза, усадив меня в полутемной гостиной, объяснила, что придется мне у них пожить подольше, потому что мама с папой не вернутся.

Тетя Луиза намного старше отца, детей у них с дядей Дже-

рардом нет. Дядя Джерард – историк; они любят играть в бридж. По-моему, они так до конца и не свыклись с мыслью, что я у них живу, – выделили мне гостевую комнату с высокой двуспальной кроватью, хрупкими безделушками на полках и совершенно неуместной репродукцией “Рождения Венеры”⁵ и слегка забеспокоились, когда я подросла и захотела развесить там свои плакаты. Однако двенадцать с половиной лет они меня кормили, водили в школу, на гимнастику и на уроки музыки, гладили по голове, если я попадалась под руку, и оставляли меня в покое, когда нужно. Ну а я их щадила – старалась, чтобы они не узнали, когда я прогуливала школу, падала с дерева, оставалась после уроков или пробовала курить.

Детство у меня было счастливое, как ни дико это звучит. В первые месяцы я забивалась в самый дальний уголок сада и рыдала до рвоты, обзывала соседских ребят, что хотели со мной играть. Но дети – существа живучие, легко переносят несчастья и пострашней сиротства, и я через какое-то время смирилась, что родителей не вернуть, тем более вокруг столько интересного: заглядывает через забор соседская девочка Эмма, сверкает на солнце новенький красный велосипед, возятся в сарае полудикие котята, ждут, когда я проснусь, приду с ними поиграть. Я очень рано поняла, что можно отбросить прочь себя прежнюю, хоть и жаль будет

⁵ Вероятнее всего, речь о картине Жан-Леона Жерома “Рождение Венеры” (1890).

утраченного.

Я нашла себе утешение – можно сказать, наркотик, только более безобидный, незаметный, и с ума от него не сходят: придумывала то, чего мне не хватало в жизни. Когда мы с новыми друзьями покупали в магазине шоколадные батончики, половину я приберегала воображаемой сестре (прятала на нижней полке платяного шкафа, шоколад растекался липкими лужицами, капал на мою обувь); оставляла сестре место на двуспальной кровати, если со мной не ночевала Эмма или кто-то еще из подруг. Когда гнусный Билли Макинтайр с задней парты утирал нос моими косичками, мой воображаемый брат его колошматил, пока я не научилась сама давать сдачи. Я представляла, как взрослые смотрят на нас – три одинаковые темные головы в ряд – и дивятся: “Не отличишь друг от друга, сразу видно – одна семья!”

Мне хотелось не тепла и не ласки – ничего подобного. Я мечтала быть кому-то своей, родной, без оговорок, когда каждый взгляд служит доказательством, что мы вместе на всю жизнь. На фотографиях я вижу свое сходство с мамой, больше ни с кем. Тяжело, наверное, представить такое. Взять, к примеру, моих школьных друзей – у кого “фамильный” нос, у кого волосы папины, у кого глаза как у сестер. Даже Дженни Бейли, приемыш, и та запросто сошла бы за чью-нибудь сестру; дело было в восьмидесятых, все ирландцы друг другу приходились родственниками. В детстве, когда все выискивают, чего бы испугаться, быть ни на кого не

похожей все равно что не иметь отражения в зеркале. Ничем не докажешь своего права на жизнь. Ведь неизвестно, откуда я взялась, – может, меня сбросили на землю пришельцы, или подкинули эльфы, или вырастили в пробирке цэрэушники, и если в один прекрасный день за мной явятся, то у них будет полное право меня забрать.

Если бы эта загадочная девчонка, моя точная копия, зашла однажды утром в наш класс, то осчастливила бы меня на год вперед. Но она не зашла, а я выросла, успокоилась и бросила об этом думать. А сейчас на меня обрушился как снег на голову настоящий двойник, и меня это ничуть не радовало. Я привыкла, что я – это я и ни с кем больше не связана. А с этой девушкой мы связаны накрепко, будто наручниками друг к другу прикованы.

И я поняла, откуда у нее документы Лекси Мэдисон. Сцена засверкала у меня перед глазами осколками битого стекла, представилась до того явственно, будто это случилось со мной, – и это был тоже дурной знак. Где-нибудь в центре города – в баре, в людном пабе, в магазине одежды – ее окликнули: “Лекси? Лекси Мэдисон? Боже, вот так встреча!” И оставалось лишь быть осторожной, задавать нужные наводящие вопросы (“Сколько зим, сколько лет, уж и не помню, что я делала, когда мы в прошлый раз виделись”) и шаг за шагом, понемногу, выведать все самое главное. Хитрости ей было не занимать.

Сплошь и рядом дела об убийствах превращаются в отча-

янную схватку умов, только на сей раз все было немного иначе. Я впервые почувствовала, что настоящий мой противник – не убийца, а жертва: дерзкая, оберегающая свои тайны, вылитая я – и непонятно, кто из нас победит.

В воскресенье к обеду я уже с ума сходила от безделья – вскарабкалась на кухонную стойку, достала с буфета обувную коробку с документами, вывалила на пол содержимое и стала искать выписку из роддома. “Мэддокс, Кассандра Джин, девочка, шесть фунтов десять унций. Вид родов: одноплодные”.

– Идиотка, – сказала я вслух и вернула коробку на место.

В тот же день зашел Фрэнк. Я уже так засиделась в четырех стенах – квартирка крохотная, все, что можно вымыть, уже вымыто, – что искренне обрадовалась его голосу в домофоне.

– Какой сейчас год? – спросила я, когда он поднялся ко мне на площадку. – Кто у нас президент?

– Хватит издеваться, – сказал он, обняв меня за шею. – Квартирка у тебя чудная, вот и резвись тут на здоровье. Скажи спасибо, что ты не снайпер в укрытии, а то лежала бы сутками не шелохнувшись, писала бы в бутылку. А я тебе еды принес.

И протянул пакет. Шоколадное печенье, сигареты, молотый кофе, две бутылки вина – что еще нужно человеку?

– Цены тебе нет, Фрэнк! – оживилась я. – Знаешь меня

как облупленную.

Он и вправду хорошо меня изучил – четыре года прошло, а он помнит, что я предпочитаю легкие “Лаки страйк”. Меня это слегка встревожило, но он на то и рассчитывал.

Фрэнк поднял бровь:

– Штопор есть?

Я насторожилась, но, во-первых, напоить меня не так-то просто, а во-вторых, Фрэнк прекрасно понимает: не такая я дура, чтобы при нем напиться. Я бросила ему штопор и стала искать бокалы.

– Славная у тебя норка, – похвалил он, берясь за одну из бутылок. – Я боялся, что у тебя какая-нибудь берлога для яппи, где все хромированное.

– На зарплату полицейского?

В Дублине цены на жилье сравнимы с нью-йоркскими, но в Нью-Йорке ты за те же деньги получаешь Нью-Йорк. Квартира у меня однокомнатная, средних размеров, на последнем этаже перестроенного георгианского дома. Здесь сохранился старинный камин с кованой железной решеткой, хватает места для матраса на полу, дивана и всех моих книг, пол в одном из углов кривой, чердак облюбовало свиное семейство, а из окна виден пляж Сэндимаунт. Мне здесь нравится.

– На зарплату двух полицейских. Ты ведь встречаешься с нашим Сэмми?

Я опустила на матрас, поставила бокалы.

– Всего пару месяцев. Во грехе мы пока что не живем.

– Я думал, дольше. Он с тебя пылинки сдувал. Так у вас с ним настоящая любовь?

– Не твое дело, – ответила я, чокаясь с ним. – Будем здоровы! Ну а теперь говори, зачем тебя сюда занесло.

Фрэнк сделал обиженное лицо.

– Хотел компанию тебе составить. Думал, ты тут скучаешь одна, совесть меня загрызла...

Я глянула на него с укором, он понял, что впустую сотрясает воздух, и улыбнулся.

– Слишком уж ты умная, себе во вред, понимаешь? Не хотел, чтобы ты проголодалась, или заскучала, или пропадала бы без сигарет и пошла в магазин. Один шанс из тысячи, что тебя увидит кто-то из знакомых нашей девочки, но чем черт не шутит?

Что ж, вполне правдоподобно, но Фрэнк мастер подсовывать приманки – и сам не заметишь, как ты уже на крючке.

– Я пока что не согласилась, Фрэнки.

– Спасибо за честность. – Фрэнк невозмутимо отхлебнул вина, устроился поудобнее на диване. – Кстати, я переговорил с начальством, теперь у нас официально совместное расследование: Убийства и Спецоперации. Но твой приятель тебе уже рассказал, наверное.

Ничего он мне не рассказывал. Сэм в те дни ночевал дома (“Мне вставать в шесть утра, не хочу тебя будить. Или хочешь, чтобы я зашел? Ничего, если побудешь одна?”), мы не виделись с того утра на месте преступления.

– Представляю, все в восторге, – сказала я.

Совместные расследования – сплошная головная боль, каждый раз затягиваются из-за бесконечных выяснений, кто здесь самый крутой.

Фрэнк пожал плечами:

– Переживут. Хочешь послушать, что удалось разузнать об этой девчонке?

Ясное дело, хочу. Как алкоголик хочет напиться: понимает, что нельзя, но закрывает глаза на неприглядную правду.

– Ну валяй, – отвечала я. – Раз уж ты здесь.

– Отлично. – Фрэнк полез в пакет за сигаретами. – Итак, впервые она появляется в феврале две тысячи второго – где-то раздобыла свидетельство о рождении на имя Александры Мэдисон, чтобы завести счет в банке. Предъявив свидетельство, выписку со счета и свою мордашку, получает твои старые документы из Дублинского университетского колледжа и с ними поступает в Тринити, в аспирантуру по английской филологии.

– Хорошо продумано, – заметила я.

– О да. Безупречно, убедительно, остроумно. Этого у нее не отнять, сам бы я вряд ли лучше это дело провернул. Встать на пособие она не пыталась – и правильно; устроилась на полную ставку в кафе в центре города, проработала все лето, а в октябре начался учебный год в Тринити. Тема ее диссертации – тебе понравится – “Другие голоса: личность, тайна и правда”. О женщинах-литераторах, работавших под

псевдонимами.

– Красота! – отозвалась я. – С чувством юмора у нее был полный порядок.

Фрэнк с усмешкой посмотрел на меня.

– Восхищаться ею необязательно, – заметил он, помолчав. – Наша задача – узнать, кто ее убил.

– Не наша задача, а твоя. Что-нибудь еще?

Фрэнк сунул в зубы сигарету, нашарил зажигалку.

– Итак, она в Тринити. Там она заводит дружбу с четырьмя другими аспирантами, общается почти исключительно с ними. Через два года, в сентябре, один из них получает в наследство от двоюродного деда дом, и вся компания переезжает туда. “Боярышник”, так он называется. Близ Глэнскхи, всего в полумиле от места, где ее нашли. В среду вечером она уходит на прогулку и не возвращается. Четверо ее друзей подтверждают алиби друг друга.

– Это можно было и по телефону рассказать, – заметила я.

– Да, – вздохнул Фрэнк, запустив руку в карман пиджака, – зато вот это по телефону не покажешь. Вот они: Великолепная четверка⁶. Те, с кем она жила. – Он достал стопку фотографий, разложил на столе.

Одна – любительская, сделана в зимний день: стылое небо, земля припорошена снегом; возле большого георгианского дома стоят пятеро, сдвинув головы, волосы развевают-

⁶ У английской писательницы Энид Блайтон есть серия очень популярных детских детективов – “Великолепная пятерка”.

ся на ветру. Лекси посередине, в том же полупальто, смеется; в голове пронеслась все та же дикая мысль: “Когда же я?..” Фрэнк следил за мной настороженно, как охотничий пес. Я отложила снимок.

Другие, судя по смазанным силуэтам, стоп-кадры из любовительского видео, распечатанные в отделе убийств, тамошний принтер всегда оставляет в правом верхнем углу темную полосу. Четыре фото в полный рост и четыре увеличенных портрета, все сняты в одной и той же комнате с дешевыми обоями в мелкий цветочек. На двух попала в кадр большая елка, еще без украшений – канун Рождества.

– Дэниэл Марч. – Фрэнк указал пальцем. – Не Дэн и, боже упаси, не Дэнни, а Дэниэл. Это он унаследовал дом. Единственный ребенок, сирота, из старинного англо-ирландского рода. Его дед растратил в пятидесятых большую часть состояния в каких-то сомнительных сделках, но остатков хватило, чтобы обеспечить малышу Дэнни скромный доход. За учебу не платит, получает стипендию. Тема диссертации, только не смейся, “Неодушевленный предмет как рассказчик в эпической поэзии раннего Средневековья”.

– Значит, не идиот, – заключила я.

Дэниэл был крупный, сильно за метр восемьдесят, с блестящими темными волосами и волевым подбородком. Он сидел в кресле у камина, глядя в камеру, а в руке бережно держал елочный шар. Одежда – белая рубашка, черные брюки, мягкий серый джемпер – выглядела дорого. Глаза за стекла-

ми очков в металлической оправе серые и холодные, как камень.

– Определенно не идиот. Все они далеко не идиоты, а уж он тем более. Ты смотри поосторожней с ним.

Я пропустила эти слова мимо ушей.

– Джастин Мэннеринг, – продолжил Фрэнк.

Джастин беспомощно смотрел с фотографии, запутавшись в рождественской гирлянде из белых фонариков. Тоже высокий, но щуплый, серьезный не по годам, будто профессор; короткие волосы мышиного цвета, ранние залысины, очки без оправы, длинное лицо с мягкими чертами.

– Из Белфаста. Пишет диссертацию о возвышенной и низменной любви в литературе эпохи Возрождения; что такое низменная любовь, не совсем понятно, – видимо, та, что за пару фунтов в минуту. Мать умерла, когда ему было семь лет, у отца второй брак, два единокровных брата, домой ездит редко. Но папочка – папочка у нас адвокат – до сих пор ему оплачивает учебу и раз в месяц шлет деньги. Некоторые умеют устраиваться, да?

– Что с того, что у родителей деньги есть, – отозвалась я безразлично.

– Мог бы и работу найти, мать его. Лекси вела семинары, проверяла контрольные, была наблюдателем на экзаменах и в кафе работала, пока они не перебрались в Глэнскхи, а оттуда не наездишься. Ты ведь тоже подрабатывала, когда училась?

– Да, в пабе – мерзкое занятие. От безысходности. Когда тебя щиплют за задницу пьяные бухгалтеры, это не самый полезный жизненный опыт.

Фрэнк пожал плечами:

– Не люблю тех, кому все достается на халяву. А вот Рафаэл Хайленд, попросту Раф. Мелкий напыщенный ублюдок. Папочка банкир, родом из Дублина, в семидесятых перебрался в Лондон; мамочка – светская львица. Развелись, когда Рафу было шесть, спланировали его в пансион и каждые пару лет, когда папочка получал повышение, переводили в другой, подороже. Живет на средства из доверительного фонда. Тема диссертации – “Мотивы бунта в якобитской драме”.

Раф в шапке Санта-Клауса развалился на диване с бокалом вина – можно сказать, украшал интерьер. Красив он был до нелепости, при виде такой красоты многие мужчины пугаются, начинают отпускать шуточки хриплым басом. Ростом и сложением походил на Джастина, но скуластый и весь какой-то золотистый: густые пшеничные кудри, смугловатая кожа, чуть раскосые глаза цвета чая со льдом, ястребиный взгляд из-под тяжелых век. Точь-в-точь маска из гробницы какого-нибудь египетского фараона.

– Ого! – выдохнула я. – Задание становится интересней!

– Будешь хорошо себя вести – не проболтаюсь твоему Сэмми, что ты это сказала. А этот все равно наверняка го-мик, – ответил Фрэнк в своем духе. – И напоследок: Эбигейл Стоун. Или просто Эбби.

Эбби нельзя было назвать красоткой – невысокая, курносая, каштановые волосы до плеч, – но была в ней изюминка: в изгибе бровей, в форме губ чудилась некая загадка, тянуло всмотреться внимательней. Она сидела у камина, нанизывая на нитку попкорн, хитро поглядывая на фотографа – скорее всего, Лекси, – и, судя по смазанным рукам, швырялась попкорном в камеру.

– Она совсем из другого теста, – продолжал Фрэнк. – Родом из Дублина, отец неизвестен, мать сдала ее в приемную семью, когда Эбби исполнилось десять лет. Школу окончила блестяще, поступила в Тринити, корпела без устали, диплом с отличием. Диссертация о классовом обществе в викторианской литературе. Чтобы оплачивать учебу, мыла полы в офисах, занималась с детьми английским, теперь, когда за жилье платить не надо – Дэниэл с них денег не берет, – ведет в колледже семинары, помогает научному руководителю в исследованиях. Вы с ней поладите.

Даже в случайном кадре эти четверо притягивали взгляд. Во-первых, потому, что в обстановку они вписывались безупречно – я почти чуяла аромат имбирных пряников, слышала рождественские гимны, – ну точь-в-точь открытка, разве что снегиря не хватает. Во-вторых, одежда – строгая, почти пуританская: у ребят белоснежные рубашки, брюки выглаженные, со стрелкой, Эбби в шерстяной юбке ниже колен; ни тебе фирменных знаков, ни маек с надписями. В мои студенческие годы мы ходили в чем попало – в линялом, засти-

ранном. А эти ребята такие чистенькие, что прямо не по себе. По отдельности они выглядели бы неброско, даже скучно в тщеславном, разряженном Дублине, но вчетвером привлекали внимание – чудаки-чужаки, будто из позапрошлого века, отрешенные, неприступные. Как большинство сыщиков, я привыкла подолгу вглядываться в непонятное, и Фрэнк этим воспользовался.

– Ну и компания, – пробормотала я.

– Компания странная – так считают на кафедре английской филологии. Познакомились эти четверо еще на первом курсе, почти семь лет назад. И с тех пор не расстаются, больше ни с кем не сближаются. На кафедре их недолюбливают – мол, себе на уме, представь! Но нашей девочке как-то удалось с ними сдружиться, вскоре после того как она поступила в Тринити. В друзья к ней кто только не набивался, но ей было неинтересно. Она глаз положила на эту четверку.

Я понимала ее чувства – и стала относиться к ней чуточку теплее. В дурном вкусе эту девушку не упрекнешь.

– Что ты им сказал?

Фрэнк ухмыльнулся:

– Когда она добежала до коттеджа и потеряла сознание, то от шока и переохлаждения впала в гипотермическую кому. Сердцебиение замедлилось – тот, кто ее нашел, запросто решил бы, что она мертва, так? – кровь остановилась, и внутренние органы не пострадали. Купер говорит: “С научной точки зрения чушь, но для профанов в медицине вполне

не убедительно”, стало быть, сойдет. Пока что никто не усомнился.

Он закурил и стал пускать в потолок колечки дыма.

– Она пока без сознания, на волосок от смерти, но вполне может выкарабкаться. Трудно сказать.

Я не спешила радоваться.

– Они захотят ее видеть.

– Уже спрашивали. К сожалению, в целях безопасности мы пока не раскрываем, где она находится.

Фрэнк явно наслаждался.

– Как они это восприняли? – спросила я.

Фрэнк задумчиво курил, откинувшись на спинку дивана.

– Напуганы, – ответил он наконец, – ясное дело. Только непонятно, то ли все четверо напуганы, оттого что она ранена, то ли один из них боится, что она очнется и расскажет нам, как было дело. Следствию помогают охотно, на вопросы отвечают – не сопротивляются, ничего подобного, но потом становится ясно, что ничего они толком не рассказали. Странные ребята, Кэсс, непонятные. Интересно, что ты про них скажешь.

Я собрала фотографии в стопку, вернула Фрэнку.

– Ну ладно. И все-таки – для чего ты мне это показывал?

Фрэнк пожал плечами, голубые глаза смотрели невинно.

– Хотел спросить – узнаёшь кого-нибудь из них? Тогда дело принимает иной оборот...

– Впервые их вижу. Признавайся, Фрэнк, чего ты от меня

хочешь.

Фрэнк вздохнул, аккуратно сложил фотографии, поступал ими о стол, выровняв края, и спрятал обратно в карман пиджака.

– Мне нужно знать, – сказал он негромко, – может, я тут зря время теряю? Просто хочу убедиться: ты уверена на все сто, что с понедельника хочешь вернуться в Домашнее насилие, а об этой истории забыть?

Веселость и напускное добродушие испарились из его голоса, а я-то знаю Фрэнка, в таком настроении с ним шутки плохи.

– Забыть – это уж как получится, – начала я, взвешивая каждое слово. – Эта история из головы у меня не выходит. Не по душе мне это, не хочу ввязываться.

– Ты уверена? Я третий день вкалываю как проклятый, у всех выведываю подробности жизни Лекси Мэдисон...

– Без этого так или иначе не обойтись. Хватит взывать к моей совести.

– Ну а если ты совершенно уверена, то не трать мое и свое время, кончай мне голову дурить.

– Вообще-то это ты мне голову дурил, – напомнила я. – “Всего три дня, ничего пока не обещаю”, бла-бла-бла...

Фрэнк задумчиво кивнул:

– Так вот в чем дело – ты просто не хотела меня обижать. Тебя все устраивает в Насилии. Ты уверена?

В самое больное место ударил – это он умеет. Наша встре-

ча, его улыбка и голос перенесли меня в прошлое, ведь было время, когда работа агента так меня манила, что я окунулась бы в нее не раздумывая. А может, меня пьянила весна, или дело в том, что долго оставаться несчастной я не в состоянии. Так или иначе, я будто впервые за много месяцев очнулась от спячки, и при мысли, что в понедельник мне надо возвращаться в Домашнее насилие, – хоть Фрэнку я ни за что бы не созналась – меня чуть не передернуло. Я работала с Керриманом Мейером – он носил свитера для гольфа, без конца потешался над иностранными акцентами, сопел, когда набирал текст, – и я вдруг поняла, что и часу не выдержу с ним рядом – чего доброго, запущу ему в голову степлером.

– А моя работа тут при чем? – спросила я.

Фрэнк пожал плечами, затушил сигарету.

– Да так, любопытно. Я-то знаю Кэсси Мэддокс: офисная тягомотина, от звонка до звонка – это не по ней. Вот и все.

Мне вдруг отчаянно захотелось выставить Фрэнка вон. С ним рядом внезапно сделалось душно, тесно и опасно.

– Ясно, – ответила я, унося в раковину бокалы. – Просто ты меня давно не видел.

– Кэсси, – раздался у меня за спиной голос Фрэнка, ласковый, вкрадчивый, – что с тобой стряслось?

– Уверовала в Спасителя нашего Иисуса Христа, – ответила я, звеня бокалами, – а он запрещает дурить людей. Мне сделали пересадку мозга, я заразилась коровьим бешенством, меня пырнули ножом, а еще я повзрослела, поумнела

– называй как хочешь, не знаю, в чем дело, Фрэнк. Знаю одно: мне хочется тишины и покоя, я сыта по горло нервотрепкой, а с этим идиотским делом и твоим идиотским планом покоя нам не видать. Понял?

– Что ж, вполне разумно, – ответил Фрэнк ровным голосом, и я почувствовала себя полной дурой. – Тебе решать. Но если я пообещаю больше о деле не говорить, плеснешь мне еще бокальчик?

У меня тряслись руки. Я молчала, открыв на всю катушку кран.

– Поболтаем о том о сем. Сто лет не виделись как-никак. Пожалеемся на погоду, покажу тебе дочкины фотографии, а ты мне про своего нового парня расскажешь. А твой бывший, как его там, адвокат, – куда он делся? Я всегда чуял, скучноват он для тебя.

Куда делся Эйдан? – мои спецоперации его доконали. Бросил меня, потому что я вечно отменяла свидания и не объясняла почему, не рассказывала, как провела день. Жаловался, что работа для меня на первом месте, а он – нет. Я сполоснула бокалы, поставила на сушилку.

– Если тебе нужно побыть одной, все обмозговать, – великодушно добавил Фрэнк, – я пойму. Решение важное, спору нет.

Я не выдержала и расхохоталась. Какой же Фрэнк хитрый засранец! Но если его сейчас выставить, он решит, что я обдумываю его идиотский план!

– Ну ладно, – согласилась я. – Хорошо. Пей, ни в чем себе не отказывай. Но если заикнешься о деле, я тебе врежу. Идет?

– Отлично! – обрадовался Фрэнк. – Обычно мне за такое приходится платить.

– Тебе я всегда помогу бесплатно. – Я подала ему бокалы, один за другим, Фрэнк вытер их о рубашку и потянулся за бутылкой.

– Ну, рассказывай, – начал он, – каков наш Сэмми в постели?

Мы прикончили первую бутылку, а на второй застряли. Фрэнк пересказывал мне сплетни агентов – то, о чем в других отделах не знают. Я прекрасно понимала, чего он добивается, но все равно рада была знакомым именам, словечкам, шуточкам на грани, рубленным, ритмичным фразам. Мы без конца вспоминали разные случаи: как однажды я была на вечеринке, а Фрэнк должен был кое-что мне передать и подослал ко мне другого агента – тот изображал отвергнутого поклонника, завывал под окном, как Стэнли Ковальски (“Лекси-и-и-и-и-и-и!!!!”), пока я не вышла; а в другой раз мы с Фрэнком обменивались новостями на лавке в Мэррион-сквере, и вдруг откуда ни возмись мой сокурсник, и я разоралась, обозвала Фрэнка старым извращенцем и сбежала. Все-таки хорошо, что Фрэнк зашел. Раньше гости у меня не переводились – то друзья, то бывший напарник, засиживались далеко за полночь, пили, музыку слушали, но в по-

следнее время никто у меня не бывал, кроме Сэма, и давно я так не смеялась, и давно уже не было так хорошо.

– Знаешь, – заметил Фрэнк позже, задумчиво глядя в свой бокал, – ты ведь пока что не ответила “нет”.

Возмущаться у меня не было сил.

– Неужели я сказала что-то, хоть отдаленно похожее на “да”?

Фрэнк щелкнул пальцами.

– Слушай, я кое-что придумал. Завтра вечером у нас оперативное совещание. Приходи и ты, хорошо? Так скорей определишься, согласна или нет.

Вот он, крючок, скрытый приманками, вот что кроется за всеми новостями, шоколадным печеньем и заботой о моем душевном покое.

– Господи, Фрэнк, – вздохнула я, – ты хоть сам понимаешь, до чего ты предсказуем?

Фрэнк ухмыльнулся как ни в чем не бывало.

– Ну попытаться следовало. Правда, приходи. До понедельника никто этим делом, кроме нас с Сэмом, не занимается, вот мы с ним и обсудим то, что удалось накопать. Разве тебе не интересно?

Интересно, конечно. Фрэнк хоть и много чего рассказал, но упустил главное: что она была за человек. Я уселась удобнее на матрасе, зажгла очередную сигарету.

– Так ты всерьез думаешь, что у нас получится?

Фрэнк помолчал, плеснул себе еще вина, помахал бутыл-

кой у меня перед носом; я мотнула головой.

– В обычных обстоятельствах, – ответил он наконец, откинувшись на спинку дивана, – я бы не очень-то рассчитывал на успех. Но обстоятельства не совсем обычные, и кое-что играет нам на руку, помимо самых очевидных вещей. Для начала, девушка эта существовала всего три года. Тебе не придется вникать в целую историю жизни. Не придется встречаться с ее родителями, братьями-сестрами, ты не рискуешь столкнуться с подругой детства, никто не спросит, помнишь ли ты первый школьный бал. А во-вторых, жизнь ее в эти три года была ограничена узкими рамками: она общалась с небольшой компанией, училась на не самом людном факультете, работу не меняла. У тебя нет задачи вписаться в широкий круг родных, друзей, коллег.

– Она писала диссертацию по английской литературе, – заметила я. – А я в литературе ни бум-бум. В школьном аттестате “отлично” – ну и что из этого? А жаргоном я вообще не владею.

Фрэнк пожал плечами:

– Лекси, насколько мы понимаем, тоже не была специалистом, но у нее получилось. Она смогла, ну а ты чем хуже? Опять же, и здесь нам повезло, это не фармацевтика и не инженерное дело. И если у тебя диссертация ни на шаг не продвинется – а чего они хотели? Как ни странно, ножевое ранение нам тут тоже на пользу, можем тебя наградить посттравматическим стрессом, амнезией – чем угодно.

– А парень у нее есть? – Ради работы я готова на многое, но не на все.

– Нет, так что за свою честь можешь не опасаться. И вот что еще нам на руку: помнишь те фотографии? Они распечатаны из видео, найденного в телефоне нашей девочки. Похоже, Великолепная пятерка снимала ролики на память. Качество не супер, зато карта памяти большая, и видео там полно – она с ребятами на вечеринках, на пикниках, и новоселье, и ремонт, и много чего еще. Вот тебе и готовое наглядное пособие: тут и голос ее, и жесты, и все повадки, и отношения с ребятами как на ладони – чего еще желать? А главное, ты отличный агент, Кэсси. Профи! И если все это учесть, то у нас неплохие шансы.

Он допил остатки вина и полез в карман пиджака.

– Славно поболтали, крошка! Телефон мой знаешь. Позвони насчет завтрашнего вечера.

И ушел. Лишь когда за ним закрылась дверь, я поймала себя на том, что спрашивала у него про колледж, про парня, – можно подумать, я почти согласна, выискиваю в его плане слабые места.

Фрэнк всегда умел вовремя остановиться. Проводив его, я долго еще сидела на подоконнике, невидяще смотрела на соседние крыши. И лишь когда встала плеснуть себе еще вина, то заметила – Фрэнк что-то оставил на кофейном столике.

Это оказалась фотография – Лекси с друзьями на крыльце “Боярышника”. Я застыла с бутылкой в одной руке и бо-

калом в другой; перевернуть бы ее лицом вниз и оставить, пока Фрэнк не заберет, а то и вовсе в пепельнице сжечь. И все-таки я взяла снимок, устроилась с ним у окна.

Неизвестно, сколько ей лет. По документам двадцать шесть, а на самом деле могло быть и девятнадцать, и тридцать. Лицо безупречное – ни морщинок, ни шрамов, ни следов ветрянки. Что бы ни преподносила ей жизнь, пока не представился случай побыть Лекси Мэдисон, все с нее скатывалось как с гуся вода, таяло как дымка, оставляя ее чистой, нетронутой, все ее раны затягивались. Я выглядела старше, операция “Весталка” подарила мне первые морщинки и круги под глазами, против которых бессилен даже крепкий сон. И моим мыслям будто отвечал голос Фрэнка: “Ты же прорву крови потеряла, несколько дней пролежала в коме, мешки под глазами – самое то, на ночь кремом не мажься”.

С фотографии на меня смотрели ее друзья – величавые, на лицах улыбки, длинные темные плащи развеваются по ветру, малиновый шарф Рафа как яркая вспышка. Горизонт чуть завален – наверное, поставили на что-то камеру и включили таймер. И не было перед ними фотографа, никто их не просил улыбнуться. Улыбки вышли настоящие, предназначенные лишь друг другу, – ну и мне заодно.

А позади, почти во весь кадр, возвышался “Боярышник”. На вид без изысков: длинный серый георгианский особняк, трехэтажный, створчатые окна, сужаясь с каждым этажом, будто прибавляют ему высоты. Облезлая темно-синяя дверь,

слева и справа к ней ведут каменные ступени. Трубы в три ряда, стены увиты плющом почти до самой крыши. Рифленные колонны, над дверью окошко в форме веера, а больше никаких украшений – просто дом.

Чувство дома у нас, ирландцев, в крови – неодолимое, первобытное, чуть ли не звериное. Жизнь в вечном страхе, что хозяин вышвырнет тебя на улицу, учит, что главное для человека – свой дом. Потому у нас такие цены на жилье: застройщики знают, что могут заломить полмиллиона за двухкомнатный клоповник, если объединятся и не оставят людям выбора – ирландец хоть почку продаст, хоть сто часов в неделю работать будет, но деньги достанет. Мне эти гены почему-то не передались – может, виной всему французская кровь. Ипотека для меня как петля на шее. Мне нравится, что квартира у меня съемная, – сообщу хозяину за месяц, соберу вещи в пару мусорных пакетов, и только меня здесь и видели.

Впрочем, если когда-нибудь мне и захочется обзавестись домом, пусть он будет похож на этот. А не на те, что покупают мои друзья, – не дома, а одно название, безликие коробки где-то на отшибе, а к ним прилагается целый ряд приторных эпитетов (“роскошная авторская резиденция в новом элитном жилом комплексе”); стоят они двадцать твоих зарплат и развалятся, как только застройщик сбудет их с рук. А это – настоящий дом, серьезный, построен на века, есть в нем и надежность, и величие, и изящество, и переживет он всяко-

го, кто на него смотрит. А на фото кружится хоровод снежинок, подсвечивая и плющ, и темные окна, и тишина кажется такой бездонной, будто просунешь руку сквозь поверхность снимка – и погрузишься в прохладные глубины.

Я могла бы узнать, кто эта девушка и что с ней случилось, не ввязываясь в дело. Сэм мне расскажет, как только выяснит ее личность или появится подозреваемый, а может, даже при допросе разрешит присутствовать. Да только не узнает он ничего, кроме ее имени и имени убийцы, а об остальном мне до конца дней придется гадать. Дом сверкал передо мной, как сказочный замок, возникший на один день из небытия, таинственный, манящий; четверо стражников охраняют его, а внутри прячутся тайны столь зыбкие, что не передать словами. Лицо мое – ключ, что откроет мне двери. “Боярышник” ждет, готовый вновь погрузиться во тьму, если я скажу “нет”.

Вдруг оказалось, что я просидела очень долго, чуть ли не уткнувшись носом в фотографию, – уже темнело, наверху под крышей просыпались совы, делали вечернюю разминку. Прикончив остатки вина, я стала смотреть, как небо наливаются лиловым, точно перед грозой, а далеко на горизонте мигает маяк. Когда вино ударило в голову и стало уже все равно, что подумает Фрэнк, я отправила ему сообщение: *Во сколько?*

Спустя десять секунд телефон пискнул: *В 7 ровно, встретимся там.*

Значит, Фрэнк держал мобильник под рукой, ждал моего согласия.

В тот вечер у нас с Сэмом случилась первая серьезная ссора. Хотя она и запоздала – как-никак мы встречались уже три месяца и ни разу не спорили, даже по мелочам, – но время было самое неудачное.

Сблизились мы с Сэмом спустя несколько месяцев после моего ухода из Убийств. Сама не знаю, как меня угораздило. Я о том времени вообще мало что помню; кажется, купила тогда несколько унылых свитеров – в таких только под кровать забиться и впасть в спячку на несколько лет – и к знакомствам, что завязались в то время, всерьез не относилась. Сэм и я сдружились во время операции “Весталка” и не отделились, когда в моей жизни все пошло прахом; самые жуткие дела – это проверка на прочность для отношений, и я задолго до конца расследования поняла, что Сэм – золотой человек, но мне было в то время не до любви.

Сэм зашел вечером, часов в девять.

– Привет! – Поцеловал меня, заключил в медвежьи объятия. Щека у него была прохладная от ветра. – Вкусно у тебя пахнет!

В квартире пахло помидорами, чесноком и пряностями. На плите тушился замысловатый соус, рядом закипала вода, тут же лежал наготове огромный пакет равиоли – я следовала тому же принципу, что и многие поколения женщин испокон

веков: если тебе предстоит трудный разговор с женщиной, для начала накорми его.

– Как видишь, одомашниваюсь, – сказала я. – Уборку сделала и все такое прочее. Как у тебя день прошел?

– Ну, – рассеянно ответил Сэм, – расскажу еще, успеется. – Когда он снимал куртку, взгляд его упал на кофейный столик: пустые бутылки, пробки, бокалы. – Встречаешься втихаря от меня с каким-нибудь красавчиком?

– Фрэнк заходил, – ответила я. – Далеко не красавчик. Улыбка слиняла с лица Сэма.

– А-а, – отозвался он. – Чего он от тебя хотел?

Этот разговор я надеялась отложить, накормить сначала Сэма ужином. Следы замечать я совсем не умею – горе-детектив!

– Зазывал меня на ваше завтрашнее совещание, – ответила я словно мимоходом и заглянула на кухню посмотреть, как там чесночные гренки. – Намекал осторожно, но именно этого добивался.

Сэм не спеша сложил куртку, набросил на спинку дивана.

– Ну а ты?

– Я все обдумала, – ответила я. – Собираюсь.

– Он не имел права, – тихо сказал Сэм. На скулах вспыхнули алые пятна. – Явился за моей спиной, стал на тебя давить...

– Будь ты рядом, все равно бы я решила идти, – возразила я. – Я уже взрослая девочка, Сэм. Не нужно меня опекать.

– Не нравится мне этот тип, – отрезал Сэм. – Ни его образ мыслей, ни методы работы.

Я хлопнула дверцей духовки.

– Он старается распутать дело. Может, тебе его подход не близок...

Сэм откинул волосы с глаз.

– Нет, – сказал он, – ничего подобного. Дело тут ни при чем. Этот Мэкки – в деле он сбоку припека; сколько я расследовал убийств – в первый раз он явился и за ниточки дергает. Ему охота нервы пощекотать, вот и все. Шуточку придумал – бросить тебя в логово подозреваемых в убийстве и посмотреть, что выйдет. Да он, черт подери, псих!

Я достала из буфета тарелки.

– Да хоть бы и псих. Подумаешь, схожу на совещание. Что тут страшного?

– Этот псих тебя использует, вот что. Ты с того прошлого-годного дела на себя на похожа...

Эти слова меня обожгли, как если бы я притронулась к электрической изгороди. Я развернулась, начисто забыв про ужин; хотелось запустить тарелкой Сэму в голову.

– Только не это... Не надо, Сэм. Прошлогоднее дело сюда не приплетай.

– А как же без него? Твой Мэкки всего раз на тебя взглянул – и понял, что запросто втянет тебя в эту авантюру...

Тоже мне собственник: стоит, понимаете ли, посреди моей квартиры, руки в карманы – мое дело, моя женщина! Я

звякнула тарелкой о кухонную стойку.

– Плевать мне, что он там думает, ни во что он меня не втянет. Мне все равно, чего хочет Фрэнк, – ни при чем тут Фрэнк, и точка. Ну пытался он на меня давить. Послала его подальше.

– Ты пляшешь под его дудку. Что значит – послала подальше?

Мелькнула безумная догадка: а вдруг он меня ревнует к Фрэнку, и если ревнует, что делать?

– Ну, допустим, не пойду я на совещание, сделаю, как ты просишь. Выходит, я пляшу под твою дудку? Я решила идти. По-твоему, я не в состоянии сама принять решение? Ради бога, Сэм, подумаешь, прошлогоднее дело – это же не лоботомия!

– Ничего я такого не говорил. Я всего лишь сказал, что ты на себя не похожа после...

– Я такая же, как всегда, Сэм. Приглядишься хорошенько, это же я, черт возьми! Я работала агентом, когда операцией “Весталка” еще и не пахло, так что не приплетай ее сюда.

Мы уставились друг на друга. Через миг Сэм кротко сказал:

– Да-да, так и есть.

Он рухнул на диван, провел ладонями по лицу. Вид у него сделался несчастный, у меня аж сердце кольнуло.

– Прости, – сказал он. – Зря я этот разговор затеял.

– Не хочу с тобой спорить, – успокаивающе сказала я. У

меня дрожали колени; как же мы умудрились разругаться, если мы на самом деле заодно? – Просто... не надо об этом, ладно? Пожалуйста, Сэм. Прошу тебя.

– Кэсси... – Его круглому добродушному лицу совсем не шло страдальческое выражение. – Не могу я, и все тут. А вдруг... Боже... А вдруг с тобой что-нибудь случится? Во время моего расследования, с тобой не связанного. Если вдруг, черт возьми, я не смогу найти убийцу. Никогда себе не прощу. Никогда.

Говорил он сбивчиво, задыхаясь. Во мне боролись два желания – то ли обнять его крепче, то ли пнуть.

– С чего ты взял, что дело со мной не связано? Эта де-вушка – мой двойник, Сэм. Разгуливала, видите ли, с моим лицом! Откуда ты знаешь, что убийца не промахнулся? Вдумайся. Аспирантка, читает долбаную Шарлотту Бронте, – и следователь, десятки людей засадила. Кто скорее наживет врагов?

Сэм молчал. Операция “Весталка” ему знакома не понаслышке, сам в ней участвовал. Мы оба знаем по крайней мере одного человека, который мог бы меня убить не раздумывая. Сердце у меня готово было выпрыгнуть.

Сэм начал:

– Думаешь...

– Неважно, какое именно дело, – сказала я, пожалуй, резковато. – Главное, может статься, я уже увязла по уши. Не хочу до конца дней жить с оглядкой. Не смогу я так.

Сэм поморщился.

– О всей жизни речь не идет, – сказал он вполголоса. – Уж это я могу тебе обещать. Никуда он от меня не денется.

Я оперлась о кухонную стойку, отдышалась.

– Понимаю, Сэм. Прости. Совсем не то хотела сказать.

– Если, не дай бог, он охотится за тобой, тебе тем более стоит затаиться, пока я его ищу.

В дразнящем запахе стряпни появилась тревожная едкая нотка: что-то пригорело. Я выключила плиту, задвинула сковородки на дальние конфорки – аппетит у обоих напрочь отбило – и уселась на диван скрестив ноги, лицом к Сэму.

– Ты рассуждаешь так, будто я твоя девушка, Сэм, – сказала я. – А на работе я не твоя девушка, я твой коллега-следователь.

Сэм невесело усмехнулся:

– А нельзя ли совместить?

– Хотелось бы, – вздохнула я. Жаль, вина не осталось, Сэму не мешало бы выпить. – Честное слово. Только не при таких обстоятельствах.

Сэм, помолчав, протяжно выдохнул, откинул голову на спинку дивана.

– Значит, ты согласна, – заключил он. – Все по плану Мэки.

– Нет, – возразила я. – Просто хочу узнать побольше об этой девушке, вот и решила пойти. При чем тут Фрэнк с его глупостями? Просто хочу про нее послушать.

– Зачем? – Сэм выпрямился, взял мои ладони в свои, взглянул мне в глаза. Голос у него прерывался, в нем звенела тревога, почти мольба. – Кто она тебе? Не родня, не подруга – никто. Совпадение, Кэсси, только и всего; мечтала о новой жизни, а тут и случай подвернулся.

– Понимаю, – кивнула я. – Понимаю, Сэм. Она и человеком была, наверное, не особо приятным; если бы мы встретились, она бы мне вряд ли понравилась. В том-то и штука. Хочу ее выкинуть из головы. Думать о ней противно. Надеюсь, если побольше разузнаю, то забуду о ней, будто ее и не было никогда.

– Есть и у меня двойник, – сказал Сэм. – Из Вексфорда, инженер, больше ничего о нем не знаю. Примерно раз в год ко мне подходят и говорят, что я вылитый он, а то и вправду окликнут: “Брендан!” Посмеемся, сфотографируемся на телефон, чтоб ему отправить, вот и все.

Я покачала головой:

– Это совсем не то.

– Почему?

– Для начала, его никто не убивал.

– Жив-здоров, – подтвердил Сэм, – а если бы и убили, я-то тут при чем? Разве что на меня бы взвалили расследование, ну а так – не моя забота.

– А эта девушка – моя забота, – возразила я.

Руки Сэма – большие, теплые, крепкие – согревали мои ладони, волосы падали ему на лоб. Он всегда какой-то встре-

панний, когда волнуется. Весна, субботний вечер; по-хорошему, нам бы бродить сейчас по пляжу где-нибудь за городом, смотреть, как курчавятся темные волны, или готовить на ужин что-нибудь необычное, врубив на всю катушку музыку, или сидеть в одном из тех редких укромных пабов, где до сих пор поют старинные баллады до глубокой ночи.

– К большому сожалению, эта девушка – моя забота.

– Значит, – сказал Сэм, – я чего-то не понимаю. – Он выпустил мои ладони и поглаживал меня по руке, не спеша, машинально, а сам хмурился. – На мой взгляд, убийство тут самое заурядное, а от совпадений никто не застрахован. Естественно, я опешил, когда ее увидел, – решил, что это ты. Когда разобрались, надеялся, все встанет на свои места. Но вы с Мэкки... можно подумать, эта девушка вам близкий человек и вас это касается напрямую. Или я что-то упустил?

– В некотором смысле, – ответила я, – нас это касается, да. Насчет Фрэнка ты прав отчасти, для него это большое приключение. Но не только. Лекси Мэдисон появилась на свет благодаря ему, и восемь месяцев, пока я выполняла задание, он за нее отвечал, и сейчас отвечает.

– Но эта девушка не Лекси Мэдисон. Она присвоила чужие личные данные, и если хочешь, зайду завтра с утра в отдел по борьбе с мошенничеством, найду таких сотни. Нет никакой Лекси Мэдисон, вы с Мэкки ее выдумали.

Он снова сжал мои ладони.

– Понимаю, – кивнула я. – Тут ты прав.

Уголок рта у Сэма дернулся.

– Говорю же, он псих.

Насчет Фрэнка я отчасти была согласна. Я всегда подозревала, что один из секретов его знаменитой храбрости в том, что он плохо отличает реальность от вымысла. Для него каждая операция – как учебная игра Пентагона, только еще интересней, потому что опасней, а результаты заметны и долгосрочны. Изъян невелик, а у Фрэнка хватает ума его не выпячивать, но пока он ведет красивую хладнокровную игру, виртуозно прикрывая все слабые места, в глубине души он мнит себя Шоном Коннери.

Я такие вещи чую, по себе знаю. У меня грань между реальностью и фантазией тоже довольно зыбкая. Моя подруга Эмма, которая любит все раскладывать по полочкам, видит причину в том, что мои родители погибли, когда я была совсем мала, – сегодня здесь, а завтра нет – и пробили в этой грани брешь, которая так и не затянулась. За те восемь месяцев, что я изображала Лекси Мэдисон, она стала для меня живым человеком, потерянной сестрой, – как тени исчезнувших близнецов, что проступают иногда на рентгеновских снимках. Даже до того как она вернулась и нашла меня, я чувствовала себя в долгу перед нею за то, что выжила.

Сэма такое признание вряд ли обрадовало бы, ни к чему осложнять ему и без того тяжелый день. Вместо этого, чтобы хоть как-то до него достучаться, я стала ему рассказывать о работе агента. Рассказала о том, как эта работа обостряет

все чувства – краски становятся яркими до боли, а воздух пьянит, как золотое игристое вино; даже походка и та меняется – балансируешь, как серфингист на гребне волны. Рассказала о том, как с тех пор больше ни разу не курила с друзьями по кругу косяк, не принимала экстази в клубе – никакой кайф не мог с этим равняться. Рассказала, как здорово у меня получалось – видимо, природный дар; прослужи я в Домашнем насилии хоть миллион лет, никогда мне не выйти на такой уровень.

Я умолкла, а Сэм все смотрел на меня, меж бровей залегла тревожная складочка.

– К чему ты клонишь? – спросил он. – Хочешь вернуться в агенты?

Он выпустил мои руки. Я глянула на него – отодвинулся от меня подальше, хмурится, волосы сбились на сторону.

– Нет, – ответила я, – ничего подобного. (И лицо его про-светлело у меня на глазах.) Даже не думай.

Вот чего я Сэму не рассказала: спец агенты зачастую плохо кончают. Случается, их убивают. Многие теряют друзей, супругов, любимых. Иные ожесточаются, незаметно для себя переступают черту, а когда очнутся, то уже поздно, и их потихоньку сплавляют раньше срока на пенсию. Некоторые, причем те, от кого не ждешь, ломаются – без предупреждения, просто просыпаются однажды утром и осознают весь ужас того, что делают, и цепенеют, как канатоходцы, случайно посмотревшие вниз. Был у нас один, Макколл, внедрился

в ячейку ИРА, не ведал страха, а как-то под вечер звонит из переулка возле паба. И говорит: не могу вернуться в паб и уйти не могу, колени дрожат, заберите меня отсюда. И плачет. Когда мы познакомились, он работал в архиве. А кое-кто ступает на другой путь, самый опасный: когда силы на исходе, их покидает не мужество, а страх. Они ничего уже не боятся, даже когда следовало бы. Для мирной жизни такие потери. Они как летчики-асы Первой мировой – блестящие, безрассудные, непобедимые, – которые вернулись домой и не нашли себе места. Бывают агенты до мозга костей, работа их забрала целиком.

Я никогда не боялась погибнуть или сломаться. Храбрость моя расцветает в критические минуты, и страшат меня опасности иного рода, более незаметные и коварные. Но пугают они меня всерьез. Фрэнк однажды сказал – не знаю, прав ли он, и Сэму я об этом не стала говорить, – что у лучших из агентов есть в характере темная сторона, глубоко скрытая.

И вот в воскресенье вечером мы с Сэмом отправились в Дублинский замок, к Фрэнку на военный совет. В Дублинском замке работает отдел убийств. Однажды осенью, длинным промозглым вечером, я освободила там свой рабочий стол: документы разложила опрятными стопками, пометив каждую, содрала с компьютера смешные наклейки, выкинула из ящиков обгрызенные ручки, старые рождественские открытки и заваливавшиеся конфеты, погасила свет, закрыла за собой дверь.

Сэм заехал за мной притихший. В то утро он ушел от меня чуть свет – в квартире было еще темно, когда он наклонился меня поцеловать на прощанье. Я не расспрашивала его, как продвигается следствие. Нашел бы что-то важное, хоть крохотную зацепку, – сам бы рассказал.

– Не позволяй этому Мэкки тобой помыкать, – сказал он в машине, – втягивать тебя во что-то.

– Да брось ты, – ответила я. – Когда это я позволяла собой помыкать?

Сэм осторожно поправил зеркало заднего вида.

– Да, – отозвался он, – понимаю.

Сэм открыл дверь, и меня сразил наповал знакомый запах, здесь пахло сыростью, куревом и лимоном, совсем не то что в Домашнем насилии, в стерильном новом здании в

Феникс-парке. Ненавижу тоску по прошлому – мне кажется, она от лени и самолюбования, – но сейчас с каждым шагом во мне оживали воспоминания: вот я сбегая вниз по лестнице с бумагами под мышкой и яблоком в зубах; вот мы с напарником даем друг другу “пять” за дверью допросной, впервые добившись признания; вот мы вдвоем наседаем в коридоре на шефа, просим дать нам побольше времени. Коридоры здесь как на рисунках Эшера – стены словно бы чуть крепятся, чуть плывут перед глазами, а что не так, не поймешь.

– Как ты? – спросил тихонько Сэм.

– С голоду умираю, – ответила я. – И кто нас сюда вызвал, когда мы еще не поужинали?

Сэм улыбнулся, будто у него камень с души свалился, и на ходу сжал мне руку.

– Оперативный штаб нам пока не выделили. Сначала решим... ну, как именно мы будем расследовать, кто за это отвечает. – И открыл дверь в дежурную комнату отдела убийств.

Посреди комнаты, перед большой белой доской, восседал верхом на стуле Фрэнк; говорил, междусобойчик – он, я и Сэм, – но выяснилось, что врал. За столами в разных углах сидели двое – Купер, наш патологоанатом, и О’Келли, начальник отдела убийств, и злобно шерились друг на друга. Забавное было бы зрелище – Купер смахивает на цаплю, а О’Келли вылитый бульдог с зачесом, – но я сразу почуяла подвох. Купер и О’Келли друг друга на дух не переносят,

чтобы заманить их хоть ненадолго в одну комнату, нужны изощренные дипломатические уловки и пара бутылок хорошего вина. По загадочным, ему одному ведомым причинам Фрэнк всеми правдами и неправдами залучил обоих. Сэм метнул на меня опасливый, тревожный взгляд. Он тоже такого не ожидал.

– Мэддокс, – сказал О’Келли с обидой. Пока я работала в Убийствах, он меня не замечал, но едва я попросила о переводе, как сразу сделалась в его глазах предательницей – мол, столько сил на меня ухлопал, а я хвостом вильнула и улизнула в Насилие. – Как жизнь в низших эшелонах?

– Усыпана розами, сэр, – улыбнулась я. Когда я волнуюсь, то начинаю острить. – Добрый вечер, доктор Купер.

– Рад вас видеть, как всегда, детектив Мэддокс, – откликнулся Купер.

С Сэмом он не поздоровался. Сэма он тоже ненавидит, да и вообще людей ненавидит, каждого по-своему. Я у него пока что на хорошем счету, но если он узнает, что мы с Сэмом встречаемся, то сразу окажусь в черном списке.

– Здесь, в Убийствах, – О’Келли брезгливо глянул на мои драные джинсы, облачиться в приличный костюм у меня почему-то духу не хватило, – почти все могут заработать на пристойную одежду. Как там Райан?

Я так и не поняла, хотел он меня задеть или нет. Роб Райан – мой бывший напарник, мы давно не виделись. И О’Келли я давно не видела, и Купера – с тех пор как ушла из Убийств.

Слишком уж все быстро, и ничего тут не поделаешь.

– Шлет привет, целует-обнимает, – ответила я.

– Так я и думал. – О’Келли ухмыльнулся Сэму, тот отвел взгляд.

В дежурке уместается двадцать человек, но на этот раз здесь было по-воскресному пусто: компьютеры выключены, на столах бумаги, обертки от еды – уборщицы придут только утром в понедельник. Наши с Робом бывшие столы – в дальнем конце комнаты, у окна – так и стоят углом, как мы их когда-то сдвинули, чтобы сидеть плечом к плечу. Теперь их заняли другие – может быть, новенькие, сменившие нас. У того, кто сидит за моим столом, есть ребенок – с фотографии в серебряной рамке улыбается беззубый мальчишка; солнце золотит стопку отчетов. Когда я здесь сидела, последний луч солнца в этот час всегда бил в глаза.

Я задыхалась, воздух будто сгустился, почти затвердел. Одна из ртутных ламп барахлила, и комната болезненно мерцала, точно в бредовом сне. В шкафах выстроились толстые папки, кое-где на корешках я узнала свой почерк. Сэм подтащил к столу стул, посмотрел на меня, слегка хмурясь, но промолчал – и на том спасибо. Я вгляделась в лицо Фрэнка – под глазами мешки, на подбородке порез от бритвы, но при этом бодр, полон сил, воодушевлен; явно предвкушает, что будет дальше.

Он перехватил мой взгляд.

– Ну что, соскучилась?

– Просто не передать! – ответила я. И тут же заподозрила, что сюда он меня пригласил с расчетом, знал, что я могу расчувствоваться.

Я бросила сумку на ближайший стол – Костелло, судя по почерку на бумагах, – и привалилась к стене, спрятав руки в карманы куртки.

– Хорошо сидим, – начал Купер, отодвигаясь подальше от О’Келли, – но хотелось бы все-таки знать, для чего этот междусобойчик.

– Справедливое замечание, – откликнулся Фрэнк. – Дело Мэдисон – точнее, дело неизвестной, присвоившей имя Мэдисон. Кодовое название?

– Операция “Зеркало”, – ответил Сэм. Как видно, слухи о моем сходстве с жертвой докатились и до начальства. Кракота! Не поздно ли еще передумать, удрать домой и заказать пиццу?

Фрэнк кивнул:

– Да, операция “Зеркало”. За три дня у нас ни подозреваемых, ни зацепок, и личность жертвы так и не установлена. Как вы все знаете, я считаю, пора сменить тактику...

– Не гони коней, – остановил его О’Келли. – Доберемся еще до твоей тактики, будь спокоен. Но для начала есть вопрос.

– Пожалуйста, – великодушно согласился Фрэнк, сделав широкий жест.

О’Келли чуть не испепелил его взглядом. Концентрация

тестостерона в комнате зашкаливала.

– Как я понял, – начал он, – девушку эту убили. Если я где-то ошибся, поправь меня, Мэкки, но я не вижу здесь ни признаков домашнего насилия, ни указаний на то, что она была агентом. Так что вы оба, – он указал подбородком на нас с Фрэнком, – тут делаете?

– Я – ничего, – ответила я. – Я тут ни при чем.

– Жертва присвоила имя, которое я придумал для своей подчиненной, – объяснил Фрэнк, – и меня это задело. Выходит, от меня вам не отвертеться. А насчет детектива Мэддокс – это нам и предстоит выяснить.

– Это я хоть сейчас скажу, – вмешалась я.

– Будь другом, – попросил Фрэнк, – дай договорить. Выслушай сначала, а там можешь послать меня к черту, я и слова не скажу. Ну как, согласна?

Я сдалась. Есть у Фрэнка еще один талант: так все повернет, будто одолжение тебе делает, и если не пойдешь ему навстречу, со стороны будешь выглядеть упрямой овцой.

– Да, отлично проведем вечер, – кивнула я.

– Ну что? – обратился Фрэнк ко всем. – Когда закончим, засунете меня, как марионетку, в ящик, и я о своем плане больше не заикнусь. Но сперва выслушайте. Согласны?

О'Келли неопределенно хмыкнул, Купер пожал плечами – дескать, не мое дело; Сэм, чуть помедлив, кивнул. У меня зашевелилось дурное предчувствие: где Фрэнк, там вечно какой-нибудь подвох.

– А пока все мы еще не слишком увлеклись, – продолжал Фрэнк, – давайте проверим, так ли уж велико сходство. Если нет, тогда и спорить не о чем, верно?

Никто не ответил. Фрэнк спрыгнул со стула, достал из папки стопку фотографий и принялся их вешать на доску. Фото со студенческого билета Тринити, увеличенное, восемь на десять; мертвое лицо в профиль, глаз закрыт, под глазом синяя тень; в полный рост на столе в морге – слава богу, одетая, – кулаки стиснуты, на футболке кровь темной звездой; снимок рук крупным планом: кулаки разжаты, пальцы в бурой корке запекшейся крови, сквозь нее кое-где поблескивает серебристый маникюр.

– Кэсси, можешь мне помочь? Выйдешь сюда на минутку?

Ах ты ублюдок! – подумала я. И, нехотя отлепившись от стены, вышла к доске и встала на ее фоне, будто фотографируюсь для уголовного дела. Наверняка Фрэнк уже раздобыл в архиве мое фото, рассмотрел под лупой. Любит он задавать вопросы, на которые уже знает ответы.

– По-хорошему, сюда бы труп, – игриво сказал Фрэнк, раскусив пополам кусочек офисного пластилина, – но это было бы, мягко говоря, странно.

– Боже сохрани, – ужаснулся О’Келли.

Мне чертовски не хватало рядом Роба. Мы не разговаривали уже несколько месяцев, и все это время я держала подобные мысли в узде, даже по ночам или когда валилась с ног от усталости. Первое время хотелось врезать ему хоро-

шенько – просто с ума сходила от бешенства, даже вещами швырялась. И в итоге запретила себе о нем думать. Но здесь, в дежурке, где все на меня пялятся, как на диковинный экспонат в анатомическом музее, а фотографии так близко, что почти касаешься их щекой... Всю неделю я ходила как под наркотиками, а сейчас меня будто волной захлестнуло, голова закружилась, в груди заныло. Я готова была руку себе отрубить, лишь бы здесь очутился Роб, хоть на одну секунду, – глянул бы на меня из-за спины О'Келли, насмешливо выгнув бровь, и невинно заметил, что план наш никуда не годится, потому что убитая девушка была симпатичная. На один мучительный миг мне даже почудился запах его лосьона после бритья.

– Брови, – Фрэнк постучал по портрету со студенческого билета, я аж дернулась, – брови сойдут. Глаза тоже. Челка у Лекси покороче, надо и тебе подстричь, а так волосы вполне сойдут. Уши – повернись-ка, – сойдут и уши. У тебя проколоты?

– В трех местах, – ответила я.

– А у нее только в двух. Так, посмотрим... – Фрэнк наклонился поближе. – Сгодится. Если не приглядываться, ничего и не видно. Нос сойдет. Губы тоже. И подбородок, и овал лица сойдет.

Сэм при каждом “сойдет” моргал, почти кривился.

– Скулы и ключицы у вас чуточку сильнее выступают, чем у жертвы, – заметил Купер, всматриваясь в меня наметан-

ным взглядом. – Позвольте уточнить, сколько вы весите?

Я никогда не взвешиваюсь.

– Пятьдесят с небольшим. Пятьдесят один – пятьдесят два.

– Ты чуть похудее, – сказал Фрэнк. – Ничего, неделя-другая на больничных харчах – похудела бы и она. Размер одежды у нее сорок четвертый, джинсов – двадцать девятый, бюстгальтера – 75В, обуви – тридцать седьмой. Как, подойдет тебе?

– Более-менее, – подтвердила я. И подумала: до чего я докатилась! Найти бы волшебную кнопку, перенестись со скоростью света в прошлое – и сидела бы я сейчас довольная в уголке, перемигивалась с Робом всякий раз, когда О’Келли сморозит глупость, – а я стою тут как манекен,ставляю напоказ уши и стараюсь унять дрожь в голосе, пока мы рассуждаем, подойдет ли мне лифчик убитой девушки.

– Обновим тебе гардероб, – ухмыльнулся Фрэнк. – Кто сказал, что в твоей работе нет плюшек?

– Обновить гардероб ей не мешало бы, – съязвил О’Келли.

Фрэнк перешел к снимку в полный рост, провел по нему пальцем сверху вниз.

– Фигура в целом сойдет, плюс-минус несколько фунтов. – Он опять провел по снимку, бумага аж скрипнула под его пальцем; Сэм заерзал на стуле. – Ширина плеч сойдет, обхват талии и бедер тоже, – можем измерить для верности, но разница в весе дает нам кое-какую свободу. Длина ног

сойдет.

Он постучал по снимку рук:

– Вот это важно, на руки всегда обращают внимание. Можно взглянуть, Кэсси?

Я протянула руки, словно для наручников. Я не могла заставить себя взглянуть на фото, дыхание сбилось. Вот он, вопрос, на который Фрэнк не знал ответа заранее. Сейчас все решится: несходство отдалит меня от девушки, разорвет нашу связь раз и навсегда, и меня отпустят домой.

– Сколько лет на свете живу, – одобрительно заметил Фрэнк, вдоволь насмотревшись, – не видал таких прекрасных рук.

– Невероятно! – восхитился Купер и, вытянув шею, уставился сквозь очки на меня и безымянную девушку. – Вот так совпадение – один случай на миллион.

– Заметил кто-нибудь различия? – обратился ко всем Фрэнк.

Все молчали, Сэм стиснул зубы.

– Господа, – Фрэнк сделал широкий жест, – мы нашли двойника!

– Но это ни к чему нас не обязывает, – заметил Сэм.

О’Келли не спеша, в насмешку, заплодировал.

– Поздравляю, Мэкки! Неплохой вышел бы розыгрыш! Ну вот, разобрались, как выглядит Мэддокс, – можем наконец перейти к делу?

– И долго мне еще тут маячить? – спросила я. Ноги дро-

жали, как после бега, я отчаянно злилась на всех и на себя в придачу. – Или я для вас источник вдохновения?

– Да пожалуйста, садись, – сказал Фрэнк, ища маркер. – Итак, вот что нам известно. Александра Дженет Мэдисон, или Лекси, родилась в Дублине первого марта 1979-го – точно знаю, сам регистрировал. В октябре 2000-го, – он быстрыми, уверенными штрихами набросал график, – поступила в аспирантуру дублинского Университетского колледжа, специальность – психология. В мае 2001-го оставила учебу из-за нервного расстройства и уехала к родителям в Канаду, поправить здоровье, и на этом ее история должна была закончиться...

– Минутку. Так это ты мне придумал нервный срыв? – возмутилась я.

– Диссертация тебя доконала, – ухмыльнулся Фрэнк. – Ученый мир суров, тебя достала эта кухня, и ты свалила. Надо же было как-то от тебя избавиться!

Я села поудобнее у стены, состроила Фрэнку гримасу, он подмигнул. Он дал этой девушке в руки все козыри за годы до того, как она появилась на горизонте. Когда она столкнулась с кем-то из старых знакомых и принялась выуживать сведения, любая ее ошибка, неловкое молчание или отказ встретиться легко объяснялись: у нее ведь был нервный срыв...

– Но в феврале 2002-го, – продолжал Фрэнк, сменив синий маркер на красный, – Александра Мэдисон появляется

вновь. Забирает документы из Университетского колледжа и с ними поступает в Тринити, в аспирантуру по английской филологии. Мы не знаем, кто эта девушка на самом деле, чем занималась раньше и откуда у нее документы на имя Лекси Мэдисон. Проверили ее отпечатки, в базе их нет.

– Возьми шире, – посоветовала я. – Велика вероятность, что она не ирландка.

Фрэнк метнул на меня быстрый взгляд:

– Это еще почему?

– Если ирландец решил скрыться, он здесь ошиваться не станет, а уедет за границу. Будь она ирландкой, уже через пару дней наткнулась бы на мамину подругу из клуба любителей настольных игр.

– А может, и нет, при ее-то замкнутой жизни.

– А еще, – продолжала я, взвешивая каждое слово, – у меня французские корни, и я похожа на моих французских родственников. Во мне не признают ирландку, пока рот не открою. Раз я своей внешностью обязана не ирландцам, то и она, по-видимому, тоже.

– Гениально, – буркнул О’Келли. – Спецоперации, Домашнее насилие, мигранты, британцы, Интерпол, ФБР. Кого еще приплетем? Ирландскую ассоциацию сельских женщин? Общество святого Викентия де Поля?⁷

– А по зубам ее опознать не получится? – спросил Сэм. –

⁷ *Викентий де Поль* (1582–1660) – католический святой, основатель конгрегации дочерей милосердия.

Или хотя бы страну установить? Разве нельзя определить, где ей лечили зубы?

– Зубы у этой девушки были прекрасные, – ответил Купер. – Я, конечно, не специалист в этой области, но у нее ни пломб, ни коронок, ни удалений – ничего доступного для идентификации.

Фрэнк посмотрел на меня вопросительно, шевельнул бровью. Я изобразила недоумение.

– Два нижних резца слегка перекрываются, – сказал Купер, – и один верхний коренной не на своем месте – значит, в детстве ее не лечили у ортодонта. Рискну предположить, что опознать ее по зубам практически невозможно.

Сэм сокрушенно покачал головой и опять уткнулся в записную книжку.

Фрэнк по-прежнему меня разглядывал, и мне это действовало на нервы. Я отделилась от стены, глянула на него и, раскрыв пошире рот, показала зубы.

– Вот, у меня тоже ни одной пломбы. Видишь? Впрочем, какая разница?

– Молодец, – одобрил Фрэнк. – Так держать, пользуйся зубной нитью!

– Отлично, Мэддокс, – сказал О’Келли. – Спасибо за стриптиз. Итак, осенью 2002-го Александра Мэдисон поступает в Тринити, а в апреле две тысячи пятого ее труп находят близ Глэнскхи. Известно ли, чем занималась она в промежутке?

Сэм встрепенулся, отложил ручку, посмотрел перед собой.

– В основном писала диссертацию, – сказал он. – Что-то о женщинах-литераторах и псевдонимах, я не все понял. По словам научного руководителя, работала она прекрасно – чуть выбивалась из графика, но получалось у нее здорово. До сентября снимала комнату за Южной окружной. Взяла кредит на обучение, получала гранты, работала на кафедре английской филологии и в кафе “Кофеин”. Ни преступного прошлого, ни долгов, кроме студенческой ссуды, ни подозрительных операций с банковским счетом, ни вредных привычек, ни парня – или бывшего парня (Купер повел бровью), ни врагов, ни ссор в недавнем прошлом.

– А значит, ни мотива, – вставил Фрэнк, уткнувшись взглядом в доску, – ни подозреваемых.

– Ближайшие ее друзья, – невозмутимо продолжал Сэм, – компания аспирантов: Дэниэл Марч, Эбигейл Стоун, Джастин Мэннеринг и Рафаэл Хайленд.

– Ничего себе имечко, – фыркнул О’Келли. – Педик или англичашка?

Купер брезгливо, по-кошачьи моргнул.

– Наполовину англичанин, – ответил Сэм, и О’Келли самодовольно хмыкнул. – У Дэниэла два штрафа за превышение скорости, у Джастина один, а в остальном – примерные ребята. Они не знают, что Лекси жила под чужим именем, а если и знают, то молчат. По их словам, с родными она не об-

щалась, разговоров о прошлом избегала. Они даже не знают, откуда она родом. Эбби предполагает, из Голуэя, Джастин – из Дублина, Дэниэл глянул на меня свысока и заявил: “Не интересует”. И о семье ее ничего толком не знают. Джастин думает, что родители у нее умерли, Раф говорит – развелись, Эбби – что она внебрачный ребенок...

– Может статья, все неправда, – заключил Фрэнк. – Приврать наша девочка любила, мы уже убедились.

Сэм кивнул.

– В сентябре Дэниэл получил в наследство усадьбу “Боярышник”, дом близ Глэнскхи, от двоюродного деда, Саймона Марча, и вся компания поселилась там. В прошлую среду вечером все пятеро были дома, играли в покер. Лекси вылетела первой и около половины двенадцатого пошла прогуляться – поздние прогулки были для нее обычным делом, и ее спокойно отпустили: место безопасное, дождя еще не было. Доиграли чуть за полночь и легли спать. Партию описывают почти одинаково – у кого какие были карты, кто сколько выиграл, – есть небольшие расхождения, но это дело обычное. Мы их допрашивали несколько раз – ни один не изменил показаний. Либо невиновны, либо сговорились.

– А наутро, – Фрэнк завершил ось времени размашистым росчерком, – ее нашли мертвой.

Сэм вытащил из стопки у себя на столе несколько бумаг и одну повесил на доску, это оказалась топографическая карта – подробная, со всеми домами и изгородями, испещренная

аккуратными цветными крестиками и закорючками.

– Вот деревня Глэнскхи. Усадьба “Боярышник” всего в миле к югу. На полпути туда, чуть к востоку, – заброшенный коттедж, где и нашли нашу девочку. Я отметил все возможные ее маршруты. Криминалисты и тамошняя полиция их прочесывают – пока глухо. Друзья ее говорят, на прогулку она всегда уходила с черного хода, бродила с час по тропинкам – там их много, целый лабиринт, – а возвращалась через парадный либо через черный, смотря каким маршрутом шла.

– Среди ночи? – удивился О’Келли. – Она что, ненормальная?

– Она всегда брала фонарик, который мы у нее нашли, – сказал Сэм, – только в самые светлые ночи выходила без фонарика. Без прогулок она обойтись не могла, выходила почти каждый вечер, даже если лило как из ведра, – укутается потеплее, и вперед. Вряд ли она гуляла для здоровья – скорее, искала уединения, хоть часок для себя урвать, ведь остальные четверо всегда рядом. Заходила ли она в коттедж, они не знают, но говорят, он ей приглянулся. Сразу после переезда они впятером бродили целый день вокруг Глэнскхи, изучали окрестности. Увидели коттедж, и Лекси заявила, что никуда не пойдет, пока внутрь не заглянет, хоть остальные ее и пугали – мол, сейчас выскочит фермер с ружьем и задаст нам перцу! Лекси впечатлило, что коттедж, хоть и заброшенный, не снесли, – по словам Дэниэла, у нее “страсть к бесполезно-

му”, хотя не совсем понятно, что он подразумевал. Значит, не исключено, что Лекси во время прогулок туда заглядывала.

Получается, не ирландка, а если ирландка, то выросла не здесь. Коттеджи со времен Великого голода сохранились по всей стране, нам они примелькались. Одни лишь туристы, в основном из стран без длинной истории – американцы, австралийцы, – к ним приглядываются, усматривают в них величие.

Сэм повесил на доску еще листок – план коттеджа с миниатюрной шкалой внизу.

– Так или иначе, обнаружили ее здесь, – сказал он, прикрепив последний уголок. – Вот здесь она умерла – у стены, в ближней комнате. Вскоре после смерти, когда тело еще не успело окоченеть, перенесли в дальнюю. Там ее и нашли, в четверг рано утром.

Он сделал знак Куперу.

Купер все это время смотрел в пространство, будто где-то в облаках витал. Он не спешил: тихонько откашлялся, оглядел нас, все ли слушают.

– Жертва, – начал он, – здоровая белая женщина, рост метр шестьдесят пять, вес пятьдесят четыре килограмма. Шрамов, татуировок и других особых примет нет. Содержание алкоголя в крови 0,3 промилле, то есть за несколько часов до смерти она выпила два-три бокала вина. Других веществ в крови не обнаружено – ни наркотиков, ни ядов, ни

лекарств. Все органы без патологии; я не нашел ни аномалий развития, ни признаков болезней. Состояние черепных швов соответствует двадцати пяти – тридцати годам. Судя по тазу, нерожавшая. – Он взял стакан воды, глотнул, но я чувала, это еще не конец, а всего лишь эффектная пауза. Самое интересное он приберег напоследок.

Купер поставил стакан, аккуратно сдвинул на угол стола.

– Однако она была на раннем сроке беременности. – И, откинувшись в кресле, стал смотреть, какое произвел впечатление.

– О боже, – выдохнул Сэм.

Фрэнк привалился к стене и присвистнул, тихо и протяжно. О’Келли закатил глаза.

Этого еще не хватало. Жаль, что я чуть раньше не догадалась сесть.

– Кто-нибудь из ее друзей об этом упомянул? – спросила я.

– Ни один, – ответил Фрэнк, а Сэм мотнул головой. – Девочка наша друзей берегла, а тайны свои – тем более.

– Она могла и не знать, – предположила я. – Если у нее бывали задержки...

– О боже, Мэддокс, – ужаснулся О’Келли, – еще не хватало нам это выслушивать. Напиши в отчете или где-нибудь еще.

– Есть ли возможность по ДНК определить отца? – спросил Сэм.

– Почему бы и нет, – ответил Купер, – если у предпола-

гаемого отца взять образец. Срок около четырех недель, эмбрион – почти пять миллиметров в длину и...

– Ради бога, – простонал О’Келли, и Купер усмехнулся. – Не надо нам этих гадких подробностей, закругляйтесь скорей. Причина смерти?

Купер красноречиво помолчал в знак пренебрежения к командам О’Келли.

– В среду вечером, – продолжал он, убедившись, что его поняли правильно, – ей нанесли ножевую рану в грудную клетку с правой стороны. Судя по всему, напали на нее спереди – сзади удар под таким углом нанести сложно. Я обнаружил небольшие ссадины на обеих ладонях и на одном колене, как от падения на жесткую землю, но повреждений, характерных для самообороны, нет. Рана нанесена острым предметом не менее семи с половиной сантиметров в длину, не обоюдоострым, без особенностей, это мог быть карманный нож или хорошо заточенный кухонный нож. Он вошел по среднеключичной линии на уровне восьмого ребра, под острым углом, задев легкое и вызвав клапанный пневмоторакс. Проще говоря, – он хитро покосился на О’Келли, – в легком образовался клапан. При каждом вдохе воздух попадал в плевральную полость, а на выдохе клапан закрывался и воздух не выходил. Если бы ей вовремя оказали помощь, то почти наверняка бы спасли. Но помощи не оказали, и воздух постепенно накапливался, сдавливая органы грудной клетки. Наконец сердце не смогло больше наполняться кровью и

она умерла.

Тишина, лишь гул ртутных ламп. Я представила ее в холодном заброшенном доме – стонут в вышине ночные птицы, моросит дождь, и каждый вдох приближает ее к смерти.

– Сколько она после этого прожила? – спросил Фрэнк.

– Зависит от многих обстоятельств, – пояснил Купер. – Если, скажем, после ранения она бежала, то дыхание участилось и стало глубже, тогда клапанный пневмоторакс развивался быстрее. Кроме того, лезвие задело одну из крупных вен грудной клетки, при беге разрыв увеличился, что привело к серьезной кровопотере. Предположительно, через двадцать-тридцать минут она потеряла сознание, а спустя еще десять-пятнадцать минут умерла.

– А за эти полчаса, – спросил Сэм, – далеко ли она могла убежать?

– Я не ясновидящий, – мягко сказал Купер. – Адреналин творит с организмом чудеса, а жертва, по всем признакам, была сильно возбуждена. В момент смерти у нее сжались кулаки и в таком положении остались, что говорит о крайнем душевном напряжении. При сильном побуждении к бегству – учитывая обстоятельства, – преодолеть милю-другую ей не составило бы труда. А может, напротив, она и нескольких метров не протянула.

– Ясно, – кивнул Сэм. Взяв с соседнего стола маркер, он начертил на карте круг, с коттеджем в центре, в этот круг попали и деревня, и усадьба “Боярышник”, и несколько акров

пустых холмов. — Значит, место преступления может быть где угодно в пределах этого круга.

— А боль не помешала бы ей пробежать далеко? — спросила я.

Взгляд Фрэнка метнулся ко мне. У нас не принято спрашивать, страдала ли жертва. Если речь не о пытках, нас это не касается, избыток сострадания лишает нас беспристрастности, не дает спать спокойно, а близким мы все равно скажем, что смерть была легкая.

— Обуздайте воображение, детектив Мэддокс, — сказал Купер. — Клапанный пневмоторакс обычно не слишком болезнен. Ей не хватало воздуха, учащенно билось сердце; когда наступил шок, кожа похолодела, выступил липкий пот, голова слегка закружилась, но о мучительной боли и речи нет.

— Какой силы был удар? — спросил Сэм. — Требовал ли он большой физической силы?

Купер вздохнул. Мы всегда спрашиваем: мог это сделать физически слабый мужчина? а женщина? а ребенок? какого возраста?

— Судя по форме раны, — начал Купер, — и по тому, что клинок вошел в кожу почти без разрывов, у лезвия был острый кончик. Ни кости, ни хрящи не задеты. Я бы предположил, что рану мог нанести и мужчина любого роста, и женщина, крупная или миниатюрная, и сильный подросток. Ответил я на ваш вопрос?

Сэм промолчал.

– Время смерти? – настойчиво спросил О’Келли.

– Между одиннадцатью вечера и часом ночи, – ответил Купер, разглядывая свой ноготь. – В заключении у меня так и сказано.

– Можем немного сузить, – отозвался Сэм. И провел новую ось времени, чуть ниже той, что начертил Фрэнк. – Дождь начался примерно в ноль десять, а криминалисты считают, что под дождем она провела минут пятнадцать-двадцать, не больше, ведь она почти не промокла, – значит, около половины первого ее перенесли под крышу. А в это время она была уже мертва. Учитывая то, что сказал доктор Купер, ранили ее не позже полуночи, возможно, и раньше, потому я считаю, что когда начался дождь, она уже теряла сознание, иначе спряталась бы под крышей. Если верить ее друзьям, что из дома она ушла в полдвенадцатого, целая и невредимая, то ранили ее между половиной двенадцатого и полуночью. Если они ошибаются или лгут, это могло случиться между десятью и двенадцатью.

– Вот и все, – сказал Фрэнк, седлая стул, – больше ничего у нас нет. Ни следов, ни крови – все смыло дождем. Ни отпечатков пальцев – кто-то порылся у нее в карманах и протер все ее вещи. Под ногтями у нее тоже ничего не нашли – видимо, сопротивления убийце она не оказала. Все волосы и волокна – ее собственные либо друзей, ничего постороннего нет. Мы прочесываем местность, но пока не нашли ни орудия убийства, ни засады, ни следов борьбы. Словом, ничего,

кроме труп.

– Красота, – буркнул О’Келли. – Очередная безнадега. Мэддокс, у тебя в лифчике магнит для висяков?

– Это дело не мое, сэр, – напомнила я.

– И все-таки ты здесь. Версии?

Сэм, отложив маркер, стал загибать пальцы:

– Первая: случайное нападение. – В Убийствах привыкаешь все расписывать по пунктам, чтобы угодить О’Келли. – Она шла, и кто-то на нее набросился – хотел ограбить, изнасиловать или просто напугать.

– Если бы были признаки изнасилования, – возразил Купер устало, опустив взгляд на свои ладони, – я бы уже сказал. На самом деле на недавний сексуальный контакт ничто не указывает.

Сэм кивнул:

– Как и на ограбление – бумажник при ней, все деньги целы, кредитной карты у нее не было, а телефон она оставила дома. Но версию ограбления это не исключает. Могло быть так: она защищалась, он ударил ее ножом, она бросилась бежать, он догнал, а когда понял, что натворил, – испугался... – Сэм метнул на меня быстрый вопрошающий взгляд.

О’Келли психологию в грош не ставит – делает вид, будто не знает, что такое психологический портрет. Пришлось мне начать издали.

– Ты уверен? – обратилась я к Сэму. – Вот что мне пришло в голову... ведь ее перенесли уже мертвую, так? Если

она умерла через полчаса после ранения, значит, либо преступник все эти полчаса ее разыскивал – а зачем это грабителю или насильнику? – либо позже ее нашел кто-то другой, отнес под крышу, а нам звонить не стал. Думаю, и то и другое возможно, но маловероятно.

– К счастью, Мэддокс, – пробурчал О’Келли, – твое мнение больше не наша забота. Как ты справедливо заметила, дело расследуешь не ты.

– И все же... – пробормотал Фрэнк себе под нос.

– Есть в версии с незнакомцем и другие нестыковки, – заметил Сэм. – Местность довольно безлюдная даже днем, а ночью и подавно. Если бы кто-то искал приключений, с какой стати ему бродить глухими тропами, поджидая жертву? Не отправиться ли лучше в Уиклоу, Ратоуэн или, на худой конец, в Глэнскхи?

– Схожие преступления в тех краях бывали? – спросил О’Келли.

– Ни вооруженных ограблений, ни попыток изнасилования, – ответил Сэм. – Глэнскхи – захолустье, это да, и преступления здесь как под копирку: кто-нибудь напьется после закрытия магазинов и садится пьяный за руль. За последний год нападение с ножом было лишь однажды – ребята выпили да и пырнули одного по глупости. Если похожих случаев не всплывет, я бы версию с незнакомцем пока не рассматривал.

– Согласен. – Фрэнк улыбнулся мне. Случайное нападение не связано с прошлым жертвы, а значит, не нужно ни

улик, ни мотива, незачем меня туда посылать. – Обеими руками за.

– Пожалуй, и я, – кивнул О’Келли. – Если нападение случайное, от нас мало что зависит, тут либо нам повезет, либо нет.

– Отлично, поехали дальше. Версия вторая, – Сэм загнул еще один палец, – враг из недавнего прошлого – тот, кто знал ее как Лекси Мэдисон. Она вращалась в довольно узком кругу, поэтому нетрудно будет узнать, были ли у нее с кем-то нелады. Начнем с ее ближайших друзей, а потом возьмем шире – сотрудники Тринити, студенты...

– Пока ничего, – сказал Фрэнк, ни к кому в особенности не обращаясь.

– Расследование только начинается, – твердо сказал Сэм. – Мы всего лишь первые допросы проводим. А теперь узнали, что она была беременна, – вот вам и новое направление. Разыскать отца ребенка.

О’Келли фыркнул:

– Удачи в поисках! Девушки сейчас такие пошли... может, подцепила кого-то на танцуйках да и перепихнулись в кустах.

Меня захлестнула вдруг дикая, необъяснимая ярость: это не про Лекси! Я одернула себя: сведения устарели, может статься, Лекси номер два – та еще шлюха!

– Дискотеки давно вышли из моды, сэр, – заметила я кратко.

– Даже если это тип из ночного клуба, – вмешался Сэм, – надо его найти и проверить. Дело небыстрое, но справимся. – Он смотрел на Фрэнка, тот хмуро кивал. – Для начала возьму у всех ребят из “Боярышника” образцы ДНК.

– Это не горит, – вкрадчиво сказал Фрэнк. – Смотря по обстоятельствам. Если вдруг решим уверить ее друзей, что она жива-здорова, не надо будет раскачивать лодку. Пускай расслабятся, бдительность потеряют, пусть думают, что следствие свернули. А ДНК за пару недель никуда не убежит.

Сэм пожал плечами. Он снова напрягся.

– Разберемся со временем. Версия номер три: враг из прошлой жизни – имел на нее зуб и выследил.

– Моя любимая версия, – встрепенулся Фрэнк. – Насколько мы знаем, под именем Лекси Мэдисон врагов она не нажила, верно? Но в прошлом у нее явно что-то не задалось. Не от хорошей жизни прячутся под чужим именем. Либо она скрывалась от полиции, либо от кого-то еще. Ставлю на кого-то еще.

– Верится с трудом, – возразила я. Ну и плевать, что там думает О’Келли, ясно, чего добивается Фрэнк, ну а я не люблю, когда на меня давят. – Убийство организовано из рук вон плохо: одна-единственная ножевая рана, сама по себе не смертельная, а затем, вместо того чтобы ее прикончить или, на худой конец, удержать, чтобы не побежала за помощью и не выдала его, он ее упускает, потом полчаса разыскивает. По-моему, тут налицо отсутствие умысла, а то и вовсе убий-

ство по неосторожности.

О'Келли брезгливо поморщился:

– Эту девушку ударили ножом в грудь, Мэддокс. Значит, понимали, что она может умереть.

За эти годы я научилась отражать атаки О'Келли.

– Да, понимали. Но если кто-то годами вынашивал план убийства, то продумал бы все до мелочей. Все учел бы, составил сценарий и следовал ему.

– Сценарий сценарием, – возразил Фрэнк, – но насилие в него не входило. Предположим, двигала им не жажда мести, а безответная любовь. Вбил в голову, будто они созданы друг для друга, представлял радостную встречу, сюси-пуси, любовь до гроба, а она ему: пошел в жопу. Это она отклоняется от сценария, и он не выдерживает.

– Навязчивые ухажеры, бывает, ломаются, – подтвердила я, – это да. Но если уж ломаются, то даже тут есть система. Делают много лишнего – наносят множественные ранения, обезображивают лицо. А тут всего одна рана, не такая уж и глубокая. Не вписывается в картину.

– Может быть, довершить картину он не успел, – предположил Сэм. – Он ранит ее, она убегает, а находит он ее уже мертвой.

– И все же, – отозвалась я, – ты говоришь о человеке одержимом, готовом ждать годы, следовать за ней на край света. Столь безудержная страсть, когда все-таки найдет выход, не исчезнет оттого лишь, что жертва мертва. По большому сче-

ту, он только пуще разойдется из-за того, что вновь ее упустил. Еще несколько ножевых ран, пара пинков в лицо – такое больше похоже на правду.

Приятно было углубиться в дело, как будто я снова следователь, а она очередная жертва, одна из многих; по телу разлилось тепло, как от глотка виски после целого дня на холоде. Фрэнк непринужденно развалился на стуле, но я знала, что он за мной наблюдает, – видно, слишком уж я увлеклась. Я передернула плечами, прислонилась затылком к стене, уставилась в потолок.

– А главное, – сказал, как и следовало ожидать, Фрэнк, – если она из другой страны, а он за ней последовал сюда, неважно почему, – значит, он убедится, что она мертва, и только его здесь и видели. Лишь в одном случае он задержится и мы успеем его выследить: если думает, что она жива.

Недолгое, но тяжелое молчание.

– Можем проверить всех, кто вылетает за границу, – предложил Сэм.

– А что проверять-то? – вскинулся Фрэнк. – Непонятно, кого искать, куда он летит и все такое. Чтобы продвинуться хоть на шаг, нужно выяснить ее личность.

– Мы и пытаемся. Как я уже сказал. Раз она могла сойти за ирландку, скорее всего, английский – ее родной язык. Начнем с Англии, Штатов, Канады...

Фрэнк покачал головой:

– Это долгая песня. Надо задержать здесь нашего парня –

или девушку, – пока не узнаем, черт подери, кто была жертва. А способ, мне кажется, очевиден.

– Версия четвертая, – решительно сказал Сэм, загнул еще один палец и на долю секунды задержал на мне взгляд. – Ошибка преступника.

И снова недолгое молчание. Купер очнулся от полусна, на лице читался жгучий интерес. У меня горели щеки – так бывает, если неуместно выглядишь: перестаралась с макияжем или надела платье со слишком глубоким вырезом.

– Признавайся, кого разозлила, – спросил меня О’Келли. – Я имею в виду, сильнее обычного.

– Домашних насильников – около сотни мужчин да десятка два женщин, – ответила я. – С кулаками никто на меня не бросался, но я вам пришлю их дела, а самых гнусных помечу.

– А когда ты была агентом, – спросил Сэм, – мог кто-то затаить злобу на Лекси Мэдисон?

– Не считая того идиота, который меня ножом пырнул? – переспросила я. – Нет, не припомню.

– Он уже год как сидит, – сказал Фрэнк. – За хранение с целью сбыта. Я все хотел тебе сказать. Так или иначе, он все мозги себе продолбал – тебя, наверное, на очной ставке не узнает. И я просмотрел все наши данные за этот срок, не к чему придраться. Детектив Мэддокс врагов не нажила, никто не заподозрил, что она из полиции, а после ранения мы ее вывели из дела и вместо нее внедрили другого агента. В результате ее работы никто не был арестован, и давать пока-

зания в суде ей не пришлось ни разу. Словом, ни у кого не было причин желать ей смерти.

– А друзей у того идиота разве нет? – допытывался Сэм. Фрэнк пожал плечами:

– Наверняка есть, но опять же, не пойму, с чего ему их натравливать на детектива Мэддокс. Его ведь даже не судили за вооруженное нападение. Задержали, он что-то наплел про самооборону, мы сделали вид, будто поверили, и отпустили. На воле пользы от него намного больше, чем за решеткой.

Сэм восторгнулся, хотел что-то сказать, но тут же закусил губу и принялся сосредоточенно стирать с доски пятно от маркера. Неважно, что он там думает о человеке, отпустившем на волю преступника, который чуть не убил полицейского, – им с Фрэнком никуда друг от друга не деться, работа предстоит долгая.

– А в Убийствах? – спросил меня Фрэнк. – Врагов не нашла?

О'Келли мрачно хохотнул.

– Все, кого я засадила, еще сидят, – сказала я, – но ведь есть у них друзья, родня, сообщники. Вдобавок есть подозреваемые, которых посадить так и не удалось. – Солнце уже не светило на мой бывший рабочий стол, наш угол погрузился во тьму. В дежурке стало вдруг зябко и неуютно, потянуло сквозняком.

– Я этим займусь, – вызвался Сэм. – Проверю их.

– Если за Кэсси кто-то охотится, – вставил Фрэнк, – то

ей будет намного безопаснее в “Боярышнике”, чем одной в квартире.

– Могу у нее пожить, – сказал Сэм, не глядя на Фрэнка. Мы не афишировали, что он и так живет на два дома, и Фрэнк все прекрасно понимал.

Фрэнк удивленно вскинул бровь:

– Двадцать четыре часа, без выходных? Если отправим ее на задание, “жучок” на нее повесим, он будет круглые сутки прослушиваться...

– Только не за мой счет, – возмутился О’Келли.

– Не за ваш, так за наш. Организуем все это в ратоуэнском участке; если на нее нападут, наши ребята окажутся на месте спустя минуты. Будет у нее дома такая же охрана?

– Если мы подозреваем, что кто-то хочет убить полицейского, – ответил Сэм, – у нее и дома должна быть охрана, черт подери! – В голосе его звенела сталь.

– Вполне разумно. Как у вас с бюджетом на круглосуточную охрану? – спросил Фрэнк у О’Келли.

– Да провались оно все к свиньям собачьим, – буркнул О’Келли. – Она в Насилии работает, пусть там ее и охраняют. Фрэнк развел руками, улыбнулся Сэму.

Купер явно получал удовольствие.

– Обойдусь без круглосуточной охраны, – сказала я. – Если бы этот тип на мне помешался, то одним ударом бы не ограничился, и будь он помешан на Лекси – тоже. Так что успокойтесь.

– Согласен, – сказал, помолчав, Сэм. Голос был расстроенный. – Вот, пожалуй, и все. – Он тяжело уселся на стул, придвинулся к столу.

– Во всяком случае, убили Лекси не из-за денег, – сказал Фрэнк. – Вся компания скидывается по сто фунтов в неделю в общую копилку – на еду, бензин, коммунальные платежи, на ремонт дома и так далее. На себя у нее не так-то много оставалось. На ее счете в банке было восемьдесят восемь фунтов.

– Что скажешь? – спросил у меня Сэм.

Он имел в виду портрет преступника. Методика эта далека от совершенства, зачастую я действую по наитию, но на этот раз все говорило о том, что убийца – ее знакомый и виной всему не затаенная обида, а взрывной темперамент. Скорее всего, или отец ребенка, или кто-то из четверых ее друзей, – а может, он и есть отец.

Но если я это скажу, совещанию конец, для меня уж точно. Сэм будет рвать и метать при мысли, что меня поселят под одной крышей с возможными убийцами. А мне этого не надо. Я уверяла себя, что хочу сама сделать выбор, не позволю Сэму за меня решать, но в глубине души знала: на меня действует здешняя обстановка – и комната, и люди, и этот разговор, – незаметно, исподволь, на что и рассчитывал Фрэнк. Нет ничего на свете более захватывающего, чем расследовать убийство, этому отдаешься целиком, душой и телом, будто повинуюсь властному, требовательному голосу. За дол-

гие месяцы я стосковалась по этой работе – увязывать вместе улики, закономерности, теории, – и мне вдруг показалось, что прошли даже не месяцы, а годы.

– По мне, самая правдоподобная версия номер два, – сказала я, подумав. – Один из тех, кто знал ее как Лекси Мэдисон.

– К слову, об этой версии, – прибавил Сэм, – ее друзья последние видели ее живой, и ближе них у нее никого не было. В таком случае подозрение в первую очередь падает на них.

Фрэнк покачал головой:

– Не уверен. Она была в пальто, и надето оно при жизни – справа на уровне груди разрез, совпадающий с раной. Я бы предположил, что ударили ее на улице, вдали от товарищей.

– А я бы не торопился их исключать, – возразил Сэм. – Не знаю, зачем одному из них на нее нападать с ножом, тем более на улице, знаю одно: самая простая версия зачастую и есть верная, а тут, как на это ни посмотри, они и есть самая простая версия. Если не найдем свидетеля, который видел ее живой на улице, то не исключаем их.

Фрэнк пожал плечами:

– Согласен. Предположим, это один из них, друг за дружку они горой, выдержали многочасовые допросы глазом не моргнув, так что вряд ли мы опровергнем их показания. Или, предположим, это посторонний, мы и отдаленно не представляем, откуда он знает Лекси и где его искать. Есть

дела, которые можно раскрыть только изнутри. На то и нужны агенты. Вот мы и вернулись к моему альтернативному плану.

– Бросить следователя в логово подозреваемых, – нахмурился Сэм.

– Но обычно, – усмехнулся Фрэнк, – агентов к невинным овечкам не подсылают. Нам не привыкать жить среди преступников.

– Да не простых преступников – ИРА, бандитов, наркодельцов, – вставил О’Келли. – А это компашка долбанных студентов. С такими сладит и Мэддокс.

– Именно, – подхватил Сэм. – Именно. Отдел спецопераций имеет дело с организованной преступностью – банды, наркотики. Бытовуха не по их части. Так с какой стати нам привлекать агента?

– И это говорит детектив из Убийств? – удивился Фрэнк. – Неужели жизнь этой девушки стоит дешевле, чем килограмм героина?

– Нет, – невозмутимо ответил Сэм. – Я хотел сказать, что есть и другие методы расследования.

– Например? – приготовился к решающему удару Фрэнк. – Какие другие методы годятся для нашего дела? Нет ни данных о личности жертвы, – он, подавшись к Сэму, стал загибать пальцы, – ни подозреваемого, ни мотива, ни орудия, ни места преступления, ни отпечатков пальцев, ни свидетелей, ни стоящей зацепки. Я прав?

– Следствие идет только третий день, – сказал Сэм. – Кто знает, что нам...

– Посмотрим теперь, что у нас есть. – Фрэнк поднял палец. – А есть у нас первоклассный, опытный агент, точная копия жертвы. То-то же! Так почему бы не воспользоваться?

Сэм, сердито хохотнув, качнулся вместе со стулом.

– Ты спрашиваешь, почему бы ее не бросить акулам на растерзание?

– Она же детектив, – вкрадчиво сказал Фрэнк.

– Да, – ответил Сэм, помолчав. И перестал раскачиваться на стуле. – Так и есть. – Он отвернулся от Фрэнка, обвел взглядом дежурку: пустые столы в темных углах, доску, пеструю от карт, записей, портретов Лекси – моих.

– На меня не смотрите, – сказал О’Келли. – Вы дело ведете, вам и решать. – Видно, хотел застраховаться на случай, если все закончится пшиком, – а, скорее всего, так и будет.

Мне порядком поднадоела вся эта троица.

– Эй, а про меня забыли? Попытайся и меня убедить, Фрэнк, я ведь тоже имею право голоса.

– Куда направят, туда и пойдешь, – заявил О’Келли.

– Конечно, ты имеешь право голоса, – сказал с упреком Фрэнк. – Доберусь и до тебя. Я счел правильным сначала все обсудить с детективом О’Нилом – совместное расследование как-никак. Или я ошибаюсь?

Вот почему совместные расследования – крошечный ад: никто толком не знает, кто главный, и знать не хочет. В тео-

рии, Сэм и Фрэнк должны все важные решения принимать сообща, но если меня пошлют на задание, за все связанное с секретными операциями отвечает Фрэнк. Сэм, видимо, может на него повлиять, но только по серьезному поводу и задействовав все тайные пружины. Фрэнк не поленился – “я счел правильным...” – напомнить об этом Сэму.

– Ты прав, – согласилась я. – Просто и про меня не забывай. Пока что ничего убедительного я не услышала.

– О каком сроке идет речь? – спросил Сэм. Обращался он к Фрэнку, но смотрел на меня, и меня поразили его взгляд, упорный и необычайно серьезный, почти печальный. В этот миг я поняла – Сэм готов дать добро.

Понял это и Фрэнк, голос его не изменился, но сам он будто приосанился, в глазах появился блеск – тревожный, хищный.

– Недолго. Месяц, не больше. Мы же не с преступной группировкой дело имеем, там агентов внедряют на годы. Если спустя несколько недель толку не будет – значит, не будет и вовсе.

– Что насчет подстраховки?

– Круглые сутки.

– При малейших признаках опасности...

– Сразу же выведем детектива Мэддокс из дела, а если надо, приедем, заберем. То же самое – если ты добудешь сведения, которые означают, что она больше не нужна, в тот же день ее и выведем.

– Значит, надо мне шевелиться, – сказал Сэм тихо, на выдохе. – Итак: если детектив Мэддокс готова, тогда вперед. При условии, что я буду в курсе всего. Без исключения.

– Отлично, – сказал Фрэнк поспешно, пока Сэм не передумал, и слез со стула. – Не пожалеешь. Кэсси, погоди – прежде чем определишься, кое-что тебе покажу. Я тебе видео обещал, а я человек слова.

О’Келли фыркнул, пошутил в своем духе про любительское порно, но я пропустила мимо ушей. Фрэнк пошарил в большом черном рюкзаке, достал диск, помеченный маркером, и вставил в старенький проигрыватель.

– Двенадцатое сентября прошлого года, – сказал он, включая монитор. – Десятого Дэниэл получил ключи от дома. В тот же день они с Джастином съездили проверить, не провалилась ли крыша и все такое, одиннадцатого все пятеро собирали чемоданы, а двенадцатого съехали с квартир и перебрались в усадьбу “Боярышник” со всеми пожитками. Эти ребята времени зря не теряют. – Он взгромоздился на стол Костелло, рядом с моим, и нажал “пуск” на пульте.

Темнота. Щелчок и скрежет, будто повернулся в замке ржавый ключ, топот ног по деревянным ступеням. Чей-то возглас:

“Боже! – Мелодичный голос, северный говор, это Джастин. – Ну и вонища!”

“А чему ты удивляешься? – Низкий голос, ровный, почти без акцента. (“Дэниэл”, – пояснил сидевший рядом со мной

Фрэнк.) – Ты знал, чего ожидать”.

“Я закрывал на это глаза”.

“А эта штука работает? – спросил женский голос. – Раф, не знаешь?”

– Наша девочка, – тихо пояснил Фрэнк, но я и без него догадалась. Голос у нее был звонче моего, серебристый, и первый же звук меня оглушил как удар.

“Господи! – Удивленный мужской голос, британский выговор: Раф. – Ты что, снимаешь?”

“Еще бы! У нас же новоселье! Только не знаю, что выйдет, пока сплошной темный экран. Электричество здесь есть?”

И снова шаги, скрипнула дверь.

“Здесь, кажется, кухня, – сказал Дэниэл. – Если не ошибаюсь”.

“Где тут выключатель?”

“У меня зажигалка есть”, – раздался еще один девичий голос. Эбигейл, Эбби.

“Готовьтесь к худшему”, – предупредил Джастин.

Посреди экрана затрепетал крохотный язычок пламени, осветил пол-лица Эбби – выгнутую бровь, чуть приоткрытый рот.

“Боже ты мой, Дэниэл!” – ужаснулся Раф.

“Я же вас предупреждал”, – сказал Джастин.

“Предупреждал, все по-честному, – подхватила Эбби. – Кажется, он сказал, то ли археологические раскопки, то ли самые жуткие сцены из Стивена Кинга”.

“Помню, но думал, он преувеличивает, как всегда. А он, как ни странно, преуменьшал!”

Кто-то – Дэниэл – взял у Эбби зажигалку, заслонил ладонью пламя, чтобы закурить сигарету, откуда-то задул сквозняк. На мерцающем экране лицо у Дэниэла было спокойное, безмятежное. Он поднял взгляд, многозначительно подмигнул Лекси. Видно, слишком долго я разглядывала ту фотографию, теперь не верилось, что картинка ожила. Как в книжках, где дети через волшебную подзорную трубу попадают внутрь старинной картины – в другой мир, полный чудес и опасностей.

“Не надо. – Джастин забрал зажигалку, с опаской указал на шаткую полочку. – Хочешь покурить – выйди лучше на улицу”.

“С чего бы? – спросил Дэниэл. – Обои закоптыются? Занавески провоняют?”

“Ну а я согласна”, – сказала Эбби.

“Ну и компашка – сборище неженков! – фыркнула Лекси. – По-моему, место ошизительное! Чувствую себя одной из «Великолепной пятерки»”.

“Тайна разрушенного замка”, – сказал Дэниэл.

“«Тайна заплесневелой планеты», – подхватил Раф. – Высший класс!”

“Осталось только угоститься имбирным пряником и мясом в горшочке”, – сказала Лекси.

“Разом?” – уточнил Раф.

“И сардинами, – отозвалась Лекси. – Кстати, что такое мясо в горшочке?”

“Консерва”, – сказала Эбби.

“Фу!”

Джастин подошел к раковине, посветил зажигалкой, открыл кран. Тот заскрежетал, откашлялся и выпустил чахлую струйку.

“Ммм... – протянула Эбби, – кому чайку тифозного?”

“Чур, я Джордж, – заявила Лекси. – Она клевая!”

“Ну а мне все равно, кем быть, лишь бы не Энн⁸, – сказала Эбби. – Вечно на нее сваливают мытье посуды, потому что она девчонка”.

“Ну и что тут такого?” – спросил Раф.

“А ты будь песиком Тимми”, – предложила ему Лекси.

Разговор их лился быстрее, чем я ожидала, – живой, искристый, словно танец джиттербаг. Немудрено, что на кафедре их считали снобами, вклиниться в их беседу было невозможно – скупые, отточенные реплики не оставляли места другим собеседникам. Лекси, однако, умудрилась вписаться – потихоньку подстроилась под них или подстроила их под себя и отвоевала местечко, безупречно влилась в компанию. Неважно, что за игру вела эта девушка, роль свою она исполняла мастерски.

Тоненький голосок внутри меня прозвенел: “И я сыграю

⁸ Джордж (Джорджина), Энн, Дик, Джулиан и пес Тимми – герои книг Энид Блайтон из серии “Великолепная пятерка”.

не хуже”.

И тут – о чудо! – вспыхнула лампочка в сорок ватт, и экран посветлел: Эбби нащупала выключатель в самом неожиданном месте, в углу над замызганной плитой.

“Отлично, Эбби”, – похвалила Лекси, двигая камеру.

“Не уверена, – откликнулась Эбби. – При свете тут еще хуже”.

И была права. Стены когда-то давно оклеили обоями, но со всех сторон наступала зеленоватая плесень, грозя захватить все. С потолка, подрагивая на сквозняке, свисала живописная паутина – точь-в-точь украшение к Хэллоуину. Линолеум был облезлый, измызганный, в зловещих черных разводах; на столе в вазе стояли цветы – мертвее не бывает, сломанные стебли торчали под разными углами. На всем лежал трехдюймовый слой пыли. Эбби смотрела недоверчиво, Раф – с веселым ужасом, Дэниэл – слегка озадаченно, а Джастин – так, будто его вот-вот стошнит.

– Хочешь поселить меня ТАМ? – спросила я у Фрэнка.

– Сейчас там все по-другому, – сказал он обиженно. – Они здорово поработали!

– Своротили дом бульдозером и новый построили?

– Там красиво. Тебе понравится. Тсс!

“Подержи, – сказала Лекси, камера дернулась, описала причудливый зигзаг, и завеса паутины вспыхнула ядовито-оранжевым, как на дискотеке семидесятых. – Ты не против? Ну а я пойду на разведку”.

“Надеюсь, с камерой ты наигралась, – сказал Раф. – Что мне с ней делать?”

“Не искушай меня”, – сказала Лекси и появилась в кадре, направилась к буфету.

Двигалась она грациозней, чем я, мелкими плавными шажками, и была женственней: пышными формами, как и я, не отличалась, но пританцовывала на ходу – хочешь не хочешь, а залюбуешься ее фигуркой. Волосы были у нее тогда длиннее, собраны в два пушистых хвостика; она была в джинсах и в бежевом свитере в обтяжку – я когда-то носила похожий. Неизвестно, понравились бы мы друг другу, если бы нам выпало встретиться, – возможно, что и нет, – но это было совершенно неважно, я даже устыдилась подобных мыслей.

“Ого! – воскликнула Лекси, заглянув в один из кухонных шкафчиков. – Что это там? Оно живое?”

“Возможно, когда-то и было живое, – сказал Дэниэл, заглядывая ей через плечо. – Очень-очень давно”

“Скорее, наоборот, – вставила Эбби. – Когда-то было неживое, а теперь ожило. Оно уже отрастило большие пальцы на руках?”

“Я скучаю по своей квартире”, – скорбно заметил Джастин с безопасного расстояния.

“Не верю, – ответила Лекси. – У тебя не квартира была, а коробка из вторсырья, три на три фута, и ты терпеть ее не мог”.

“У меня в квартире не водились неизвестные формы жизни”.

“А как насчет существа сверху с музыкальным центром, вылитого Али Джи?⁹”

“По-моему, это гриб”, – заключил Дэниэл, с любопытством осматривая кухонный шкафчик.

“С меня хватит, – заявил Раф. – Со съемкой завязываю. Когда мы, старые и седые, будем тосковать о прошлом, не должен какой-то гриб отравлять нам первые воспоминания о доме. Как эту штуку вырубить?”

Линолеум – и вновь темный экран.

– Таких фрагментов у нас сорок два, – сообщил Фрэнк, нажимая на кнопки, – от одной до пяти минут. Еще неделя подробных бесед с ее товарищами – и у нас наберется материала на новую версию Лекси Мэдисон, “сделай сам”! Если, конечно, ты не против.

Он показал стоп-кадр Лекси: глаза блестят, губы приоткрыты в улыбке. Глядя на нее – чуть размытую, зыбкую, точно готовую упорхнуть с экрана, – я подумала: “Я ведь тоже была такой. Уверенной, бесстрашной, готовой к любым приключениям. Всего несколько месяцев назад я тоже была такой”.

– Кэсси, – мягко сказал Фрэнк, – тебе решать.

Сначала – казалось, вечность – я думала ответить “нет”. Вернуться в свое Насилие: понедельник, обычный урожай

⁹ Нелепый персонаж, созданный английским комиком Сашей Бароном Коэном.

после выходных – синяки, глухой высокий ворот, темные очки в помещении, постоянные клиентки пишут заявления на сожителей (а во вторник к вечеру их заберут), рядом со мной сидит Мейер, похожий на гигантскую розовую ветчину в свитере, и, как у него водится, гогочет, если в деле попадется иностранная фамилия.

Если я завтра туда вернусь, то застряну там навсегда. Это уж точно, нутром чую. А эта девушка меня будто дразнит, бросает вызов: такое выпадает раз в жизни, поймай, если сможешь!

О'Келли вытянул ноги, обиженно вздохнул; Купер изучал трещины на потолке; Сэм замер неподвижно, даже дышать, похоже, перестал. Один Фрэнк смотрел на меня в упор, не мигая. Казалось, даже сам воздух в дежурке меня обжигал. Лекси на экране, в ореоле тускло-золотого света, была как темное озеро: хочешь – прыгай с вышки, или как замерзшая река: хочешь – умчись на коньках по тонкому льду, или как самолет, на который заканчивается посадка.

– Скажи мне, что она курила, – произнесла я.

Я вдохнула всей грудью, словно внутри распахнулось окно; я и забыла, что можно так глубоко дышать.

– Боже, ну и долго же ты думала, – протянул О'Келли, тяжело поднялся со стула, поправил брюки. – Ей-богу, по тебе психушка плачет, но я это давно знал. Вот убьют тебя – не беги ко мне жаловаться!

– Невероятно! – воскликнул, задумчиво глядя на меня,

Купер – видно, прикидывал, скоро ли я попаду к нему на стол. – Держите меня в курсе.

Сэм с силой потер губы, я заметила, как он вжал голову в плечи.

– “Мальборо лайтс”, – сказал Фрэнк, вытащил из проигрывателя диск и расплылся в улыбке. – Узнаю свою девочку!

Я по наивности своей верила, будто в моей власти что-то возместить убитым. О мести речь не идет – никакая месть не восполнит и сотой доли того, что у них отнято, – и даже не о справедливости, что бы это слово ни означало, а единственное, что я могу им дать, – правда. И мне удавалось. У меня была по крайней мере одна из составляющих хорошего сыщика: нюх на правду, внутренний магнит, который безошибочно указывает, где шлак, где примесь, а где чистое золото. Я добывала самородки, царапая руки, и возлагала их на могилы, а потом поняла – опять же, спасибо операции “Весталка”, – как легко они выскользывают из рук, до чего они хрупки, как глубоко ранят и, главное, как дешево стоят.

В Домашнем насилии, если убедишь какую-нибудь пострадавшую подать заявление или пойти в кризисный центр, то хотя бы одна спокойная ночь ей обеспечена. Безопасность – мелкая разменная монета, медные гроши в сравнении с золотом, что я добывала в Убийствах, зато ценность ее пусть и мала, но бесспорна. К тому времени я уже научилась воспринимать ее всерьез. Несколько спокойных часов и список телефонов на случай опасности – ни одному из убитых я не

могла предложить даже этой малости.

Я не знала, что могу предложить Лекси Мэдисон, — о безопасности говорить уже поздно, а правда ничего для нее не значила, — но она, и при жизни, и после смерти, меня искала, подбиралась тихими шажками все ближе и наконец громко постучала в дверь: что-то ей было от меня нужно. Ну а мне от нее взамен нужно было одно (тогда я и вправду в это верила): чтобы она убралась навсегда из моей жизни. Ясное дело, она так просто не сдастся, но я упрямая, мне не привыкать.

Я об этом не распространяюсь, это мое личное дело, но работа для меня сродни религии. Мы, сыщики, поклоняемся правде, божеству чистому и суровому. В жертву оно требует (если речь об Убийствах и Спецоперациях, а я только туда и стремилась — к чему довольствоваться суррогатами, когда есть настоящее, захватывающее?) все, что есть у тебя: время, мечты, брак, разум, даже жизнь. Это божество самое жестокое и капризное, и если берут тебя на такую службу, то взамен возьмут не то, что ты готов отдать, а все что вздумается.

Для Спецопераций необходимо было пожертвовать честностью. Слишком поздно я это поняла — так опьянила меня вседозволенность, что я вовремя не заметила главного: приходилось врать на каждом шагу. Ненавижу ложь — сама не люблю врать, терпеть не могу лжецов, — и мне всегда виделось в этом что-то глубоко порочное: стать лжецом, чтобы докопаться до истины. Месяц за месяцем я втиралась в дове-

рие к мелкому уличному пушеру, набивалась к нему в друзья, плела паутину из шуток, полуправды и лжи. А потом он закинулся амфетаминами и пристал ко мне с ножом – мол, признавайся, ты меня просто используешь, чтобы выйти на моего поставщика? А я ступала по тонкому льду, каждая секунда казалась часом (“Успокойся, что на тебя нашло? С чего ты решил, что я хочу тебя подставить?”), и я тянула время, от души надеясь, что Фрэнк слушает сейчас мой микрофон. А этот подонок, тыча мне ножом под ребра, заорал мне в лицо: “Скажи – да? Без дураков! Да или нет? Да?” Когда я заколебалась – ведь я и вправду пыталась его подставить, хоть и по другой причине, а лгать в такую решительную минуту нельзя, – он всадил в меня нож. Потом разрыдался, а тут и Фрэнк подоспел, переправил меня потихоньку в больницу. Но я все поняла. С меня потребовали жертву, а я ее не принесла. Тридцать швов стали предупреждением: второго раза не будет.

В Убийствах детектив из меня получился хороший. Роб мне однажды признался, что когда вел свое первое дело, то всю дорогу боялся напортачить – чихнуть на образцы ДНК, упустить подозреваемого, который только что случайно проговорился, проглядеть все до одной зацепки. У меня таких страхов не было и в помине. Первое мое дело в Убийствах оказалось самым что ни на есть заурадным и тоскливым: наркошу-малолетку зарезали в подъезде унылой многоэтажки, лужи крови на грязной лестнице, приоткрытые двери на

цепочках, а в щелках настороженные глаза, и вездесущий запах мочи. Я стояла на лестничной площадке, спрятав руки в карманы, чтобы ни к чему нечаянно не прикоснуться, смотрела на убитого в спущенных тренировочных штанах, распластанного на ступеньках, и думала: “Вот оно. К этому я и стремилась, с самого начала”.

До сих пор помню его лицо – испитое, подбородок в светлом пушке, изумленно раскрытый рот. Один из передних зубов кривой. Вопреки всему, несмотря на мрачные прогнозы О’Келли, дело мы раскрыли.

Во время операции “Весталка” божество Убийств решило забрать у меня лучшего друга и порядочность, ничего не дав взамен. Я ушла из отдела, зная, что за отступничество придется платить. В глубине души я ждала, что раскрываемость у меня упадет ниже плинтуса, что каждый домашний насильник будет лезть на меня с кулаками, а каждая разъяренная женщина попытается выцарапать мне глаза. Страшно мне не было; я ждала, скорей бы все кончилось. Но развязка так и не наступала, и наконец меня словно холодной волной накрыло осознание: это и есть расплата – полная свобода, иди на все четыре стороны. Божество от меня отвернулось.

А потом позвонил Сэм, и Фрэнк ждал на вершине холма, и будто сильные, уверенные руки тянули меня на прежний путь. Может быть, я просто суеверная или фантазерка, как многие сироты и единственные дети, – ну и что? Возможно, это и объясняет отчасти, почему я согласилась на операцию

“Зеркало”, отдавая себе отчет, что меня могут убить.

Всю следующую неделю мы с Фрэнком разрабатывали Лекси Мэдисон, версию 3.0. Днем он выпытывал у свидетелей подробности о Лекси Мэдисон – о ее привычках, характере, отношениях с людьми, а под вечер заявлялся ко мне и до глубокой ночи скармливал мне свой дневной урожай. Я уже и забыла, как здорово он это умеет, как он точен и обстоятелен, насколько быстрый темп задает. В воскресенье вечером, когда мы расходились после совещания, он протянул мне недельный распорядок Лекси и копии черновиков ее диссертации; к понедельнику собрал увесистую папку материалов обо всех ее знакомых – с фотоснимками, записями голосов, биографией каждого и собственными меткими замечаниями, и все это мне нужно было запомнить. Во вторник принес топографическую карту Глэнскхи и окрестностей, заставил меня изучить ее в подробностях, чтобы я могла нарисовать ее по памяти, и постепенно углублялся, пока мы не добрались до планов и снимков “Боярышника”. За пару дней такую уйму материала не соберешь. Фрэнк, засрапец, задолго до воскресного вечера знал, что я соглашусь.

Снова и снова мы пересматривали ролики с телефона, и Фрэнк то и дело нажимал на паузу и, щелкнув пальцами, подмечал какую-нибудь мелочь:

– Видишь? Видишь, как она наклоняет голову вправо, ко-

гда смеется? Сделай так же... Видела, как она смотрит на Рафа, потом на Джастина? Заигрывает. Дэниэлу и Эбби она смотрит прямо в глаза, а на этих двоих – искоса, снизу вверх. Запомни... Видишь ее с сигаретой? Сигарету она держит не в правом углу рта, как ты, а слева и дым пускает тоже влево. Ну-ка, попробуй... Видишь? Джастин нервничает из-за плесени, и тут же Эбби и Лекси переглядываются и давай нахваливать плитку, пытаются его отвлечь. С полуслова друг друга понимают...

Я столько раз пересматривала видео, что когда наконец засыпала – под утро, часам к пяти, а на диване спал не раздеваясь Фрэнк, – они крутились в моих снах: отрывистый голос Дэниэла на фоне мягкого тенорка Джастина, узоры на обоях, звучные раскаты смеха Эбби.

Меня поражала размеренность их жизни. Мои студенческие годы были другими – неожиданные сборища у кого-нибудь дома, ночная зубрежка, перекусы впопыхах, в основном бутерброды в самое неподходящее время. Иное дело эти ребята: по утрам в полвосьмого девушки готовили завтрак, к десяти ехали в колледж, даже если в этот день нет семинаров, – у Дэниэла и Джастина были машины, и они подвозили остальных; около половины седьмого возвращались домой, и ребята готовили ужин. В выходные занимались домом; изредка, в хорошую погоду, выбирались на пикники. Даже свободное время они посвящали не совсем обычным занятиям: Раф играл на пианино, Дэниэл читал вслух Данте, Эбби ре-

ставрировала вышитую скамейку для ног – восемнадцатого века. Телевизора в доме не было, не говоря уж о компьютере, – Дэниэл и Джастин печатали на старой пишущей машинке, а остальные не теряли связь с двадцать первым веком, пользуясь компьютерами в колледже. Они были как посланцы с другой планеты, что изучали земную жизнь по романам Эдит Уортон и сериалу “Маленький домик в прериях” и в итоге угодили не в ту эпоху. Фрэнку пришлось искать в интернете правила пикета и учить меня играть.

Все это, ясное дело, порядком раздражало Фрэнка и вдохновляло на злые шуточки (“По всему видно, сектанты, думают, что технический прогресс – это от дьявола, а в полнолуние распевают гимны комнатным цветам. Если вдруг затеют оргию, не волнуйся, я тебя вытащу; вряд ли тебе бы понравилось, с такими-то чудиками! Где это видано – в доме нет телевизора?”). Я не признавалась ему, но чем дальше, тем сильнее меня притягивала их странная жизнь. Дублин в наши дни живет на бешеных скоростях – все спешат, толкаются, боятся остаться за бортом, – каждый стремится заявить о себе во весь голос из страха исчезнуть. После операции “Весталка” я тоже неслась сломя голову, страшась притормозить, и поначалу вальяжность и безмятежность этой компании – вышивают, прости господи! – были для меня как пощечина. Я уже забыла, как можно мечтать о такой жизни – неспешной, приятной, с необъятными горизонтами и собственным ритмом. Их дом и их жизнь обдавали прохладой,

как колодезная вода, как тень от дуба в знойный полдень.

Днем я тренировалась: отрабатывала почерк Лекси, ее походку, говор (на мою удачу, у нее оказался почти незаметный, чуть старомодный дублинский акцент – скорее всего, подслушанный у диктора на радио или телевидении, очень похожий на мой), оттенки голоса, смех. Когда у меня впервые получилось засмеяться как она – по-детски, взхлеб, с визгом, будто от щекотки, – я перепугалась до смерти.

Ее версия Лекси Мэдисон, к счастью, немного отличалась от моей. В прежние времена, в Университетском колледже Дублина, Лекси у меня была веселой, беззаботной, компанейской, всегда в гуще событий – ничего темного, непредсказуемого, чтобы не отпугнуть дилеров и клиентов. Мы с Фрэнком, по крайней мере вначале, воспринимали ее как наш личный высокоточный инструмент, созданный с определенной целью, полностью нам подвластный. У нашей же таинственной незнакомки Лекси вышла более взбалмошной, ветреной, более своенравной, капризной. Не девушка, а сиамский котенок: с друзьями игривая, озорная, шумная, а чужим может показать коготки, и я досадовала, что не могу распутать этот клубок, выяснить, чего она хотела, с какой целью создала эту новую личность.

Я не исключала, что лезу в дебри и никакой цели она не преследовала, просто была самой собой. Как ни крути, месяцами ходить в чужой шкуре не так-то просто, знаю по себе. Но при мысли о том, что она показывала товар лицом,

простите за дурной каламбур, делалось страшновато. Что-то мне подсказывало, что недооценивать эту девушку – большая, большая ошибка.

Во вторник вечером мы с Фрэнком сидели у меня дома на полу и уплетали китайскую еду навынос, разложив на старом деревянном ящике, который служит мне кофейным столиком, карты и фотографии. Ночь была ненастная, порывы ветра сотрясали окно, будто к нам кто-то ломился, и нам обоим было слегка не по себе. Весь день я штудировала список контактов Лекси и так засиделась без движения, что к приходу Фрэнка уже делала стойки на руках, чтобы не улететь куда угодно, пробив потолок; ворвался Фрэнк, смел все со стола и принялся раскладывать карты и коробки с едой, а сам говорил без умолку, и я гадала, что за тайная работа идет у него в мозгу.

География в сочетании с едой подействовала умиротворяюще, недаром Фрэнк выбрал китайскую кухню, разве можно нервничать, наевшись курицы с лимоном?

– А вот, – Фрэнк сгреб вилкой остатки риса, а свободной рукой ткнул в карту, – заправка на ратоуэнской трассе. Открыта с семи утра до трех ночи, там продают сигареты и бензин местным, которым ни то ни другое не по карману. Ты иногда туда бегаешь за сигаретами. Добавки?

– Нет, хватит с меня. – Я не удивлялась собственной умеренности, а ведь прежде была прожорлива как лошадь, Роб

вечно поражался, сколько я могу умять, но операция “Весталка” мой аппетит приструнила. – Кофе хочешь?

Кофе уже варился на плите, у Фрэнка под глазами взбухли такие мешки, что впору детей пугать.

– Да, и побольше. Нам еще работать и работать. Опять бессонная ночь впереди, крошка.

– Да неужели? – отозвалась я. – А Оливия, кстати, не против, что ты у меня ночуешь?

Это, наверное, я напрасно – Фрэнк, чуть помедлив, отодвинул тарелку, и сразу стало ясно: и у него с семейной жизнью труба.

– Прости. Я не хотела...

– Не вилай. У Оливии открылись глаза, и еще в прошлом году она выставила меня нахрен. Холли я забираю раз в месяц на выходные и летом на две недели. А что твой Сэмми, не против, что я у тебя ночую?

Взгляд был холодный, немигающий, но голос звучал не зло, просто твердо, хотя между строк и читалось: отвали.

– Не против, – ответила я и пошла посмотреть, как там кофе. – Работа превыше всего.

– Да ну? В воскресенье мне так не казалось.

Я передумала извиняться. Ясное дело, он на меня злится из-за Оливии. Если стану оправдываться, испорчу все окончательно. И едва я задумалась, как исправить неловкость, зазвонил домофон. Я чуть не подпрыгнула, а по пути к двери треснулась ногой об угол дивана, прямо в духе инспекто-

ра Клузо, и поймала взгляд Фрэнка – зоркий, испытующий, снизу вверх.

Это был Сэм.

– Вот и ответ! – Фрэнк широко улыбнулся, поднялся с пола. – Тебе он доверяет на все сто, а за мной глаз да глаз нужен. Я присмотрю за кофе, а ты беги лобызаться.

Сэм вымотался, это чувствовалось и по его объятиям, и по протяжному, облегченному вздоху.

– Господи, как же я рад тебя видеть! – сказал он и тут же, заметив, как из кухни машет Фрэнк, выдохнул: – Ох...

– Добро пожаловать в лабораторию Лекси, – весело сказал Фрэнк. – Будешь кофе? А свинину в кисло-сладком соусе? А креветочные чипсы?

– Да. – Сэм заморгал. – То есть нет; только кофе, спасибо. Раз вы сейчас работаете, то я пойду, просто хотел... ты занята?

– Ты как раз вовремя, – ответила я. – Мы ужинаем. Что ты ел сегодня?

– Я сыт. – Сэм уронил на пол сумку, стал снимать пальто. – Можно тебя на минутку? Если я тебя не отвлекаю.

Он обращался ко мне, но Фрэнк услужливо ответил:

– Почему бы и нет? Садись, садись, – и указал Сэму на матрас. – С молоком? С сахаром?

– Две ложки сахара, молока не надо. – Сэм рухнул на матрас. – Спасибо.

Я поняла, что он совсем оголодал, что к угощению Фрэнка

не притронется, что в сумке у него наверняка продукты для блюда более изысканного, чем курица с лимоном, и стоит мне положить ему руки на плечи, как минут через пять от его усталости не останется и следа. В работе агента есть вещи посложнее самого задания.

Я подсела к Сэму поближе, но так, чтобы мы не касались друг друга.

– Как у тебя продвигается? – спросила я.

Он мимоходом сжал мне руку и полез за блокнотом в карман пальто, брошенного рядом.

– Да ничего, помаленьку. В основном отмечаю тупиковые версии. У Ричарда Дойла, который нашел тело, стопроцентное алиби. В Домашнем насилии всех, чьи дела ты отметила, мы исключили; проверяем тех, кто проходил по твоим делам об убийствах, но пока глухо.

По спине у меня пробежал мерзкий холодок: детективы из Убийств роются в моих бумагах, зная и про слухи, и про то, что у меня с жертвой одно лицо.

– В интернете она нигде не засветилась – под своим университетским логином ни разу не заходила, личной странички у нее нигде нет, электронным адресом, который ей завели в Тринити, не пользовалась, так что тут не за что уцепиться. И ни намек ни на какие трения в колледже, а уж на английской кафедре любят косточки поперебивать. Если бы у нее с кем-то не заладилось, мы бы уже знали.

– Не считите меня занудой, – дружелюбно вмешался Фр-

энк, – но иногда приходится заниматься неприятными делами.

– Да, – рассеянно отозвался Сэм.

Фрэнк с услужливым поклоном протянул ему кофе, а сам за его спиной подмигнул мне. Я сделала вид, будто не заметила. Одно из правил Сэма – не ссориться с теми, с кем он расследует дело, но всегда находятся любители над ним поиздеваться, вроде Фрэнка, которые считают, что он не замечает насмешек не из деликатности, а из-за толстокожести.

– Вот я и подумал, Кэсси... В общем, отсеивать можно до бесконечности, тем более что пока нет ни мотива, ни зацепок, непонятно, откуда плясать. И я подумал: если бы я хоть смутно представлял, кого искать... Можешь для меня портрет составить?

В квартире на миг будто сгустилась тьма, повисла грусть, едкая и неистребимая, как табачная вонь. Для каждого дела об убийстве я составляла портреты прямо здесь, у себя: бессонные ночи, виски, на диване полулежит Роб, растягивает меж пальцев резинку, проверяет на прочность все мои версии. К операции “Весталка” мы подключили Сэма, и он застенчиво улыбался мне, и играла музыка, и танцевали за окном мотыльки, а теперь я думала о том, как же мы были счастливы тогда, все трое, и как страшно, безнадежно наивны. А сейчас в квартире тесно и зябко, пахнет остывшей китайской едой, ноет ушибленная нога, да еще и Фрэнк с его косыми взглядами – это совсем не то что раньше, это как от-

ражение в кривом зеркале, и в голове одна нелепая мысль: хочу домой.

Сэм сдвинул в сторону стопку карт – осторожно, поглядывая на нас, будто спрашивая разрешения, – и отставил кружку. Фрэнк сполз на самый краешек дивана, пристроил подбородок на сплетенные пальцы, сделал заинтересованный вид. Я опустила взгляд, чтобы они не увидели моего лица. На столе из-под упаковки риса выглядывала фотография: Лекси в белом – точнее, в белой краске, – в комбинезоне и мужской рубашке, на стремянке посреди кухни “Боярышника”. Впервые за все время мне приятно было ее видеть, меня будто потянули за руку и вернули на землю или окатили ледяной водой, смыв все посторонние мысли. Хотелось прижать к снимку ладонь, опереться на него.

– Составлю, конечно, – кивнула я. – Только на многое не рассчитывайте, ладно? По одному преступлению мало что можно сказать.

В основе психологического портрета лежат закономерности. По единичному преступлению не определишь, где случайность, а где ключ к разгадке, связанный с образом жизни преступника или тайными извивами его сознания. Одно убийство в среду вечером ни о чем не скажет, а вот если их четыре, то наверняка у убийцы “окно” в расписании, тогда стоит присмотреться к подозреваемому, чья жена по средам играет в лото. Фраза, брошенная во время изнасилования, скорее всего, ничего не значит, если же она повторяется че-

тыре раза подряд, это подпись преступника – по ней его узнает жена или подруга, нынешняя или бывшая.

– Неважно, – сказал Сэм и, приготовив блокнот и ручку, подался вперед, пристально глядя на меня. – Все пригодится.

– Ладно.

И даже записи не понадобились, я все это тысячу раз прокручивала в голове бессонными ночами, когда Фрэнк храпел у меня на диване как буйвол, а небо за окном из черного делалось серым, потом золотым.

– Во-первых, это, скорее всего, мужчина. Женщину полностью не исключаем, если найдется подходящая подозреваемая, не торопись отсеивать, но по статистике нож – мужское оружие. Предположим пока, что это мужчина.

Сэм кивнул:

– Я тоже так считаю. А возраст можешь прикинуть?

– Не подросток – слишком уж организованный, дисциплинированный. Но и не старик. Необязательно спортсмен, но в хорошей форме: по тропинкам бегал, через стены лазил, тело перетаскивал. По моим расчетам, от двадцати пяти до сорока, плюс-минус.

– И местность, – вставил Сэм, что-то записывая в блокноте, – похоже, знает хорошо.

– Это да, – согласилась я. – Либо здешний, либо заранее изучил Глэнскхи и окрестности. Там он как дома. После удара не спешил скрыться, в незнакомых местах убийца обычно пугается и дает стрелкача. А там, судя по карте, настоящий

лабиринт, и все-таки он ее нашел – среди ночи, без фонарей, – после того как упустил.

Работа в этот раз почему-то давалась мне тяжелее обычного. Я выжала все, что могла, из каждого факта, проштудировала все руководства, но оживить в воображении убийцу не получалось. Протянешь к нему руку – он утекает сквозь пальцы, как дым, ускользает за горизонт, остается лишь тень Лекси. Я уверяла себя, что составлять портрет – это как делать сальто назад или ездить на велосипеде: если это дело забросишь, то подзабудешь слегка, но совсем разучиться невозможно.

Я отыскиала сигареты – мне проще думать, если руки заняты.

– Да, местность он знает хорошо и с нашей девочкой почти наверняка был знаком. Об этом в первую очередь говорит положение тела – лицом к стене. Внимание к лицу жертвы – если его прикрывают, или уродуют, или отворачивают, – как правило, означает что-то личное, что убийца и жертва знали друг друга.

– Либо, – подал голос Фрэнк, закинув ноги на диван, а кружку пристроив на животе, – это просто случайность – так она приземлилась, и все.

– Может быть, – согласилась я. – Но мы также знаем, что он ее отыскал. Коттедж в стороне от тропы, в темноте его и не разглядишь, если не знаешь, что он там. Задержка говорит о том, что он не бежал за ней по пятам, а значит, не видел, как

она зашла, а когда села, ее стало не видно из-за стены. Разве что она включила фонарик, преступник увидел свет и решил заглянуть, – но зачем включать фонарик, когда прячешься от маньяка-убийцы? Думаю, ему было известно, что коттедж – ее любимое место.

– Это еще не указывает на то, что она его знала, – уточнил Фрэнк, – лишь на то, что он знал ее. Если он какое-то время ее преследовал, то чувствовал с ней личную связь, хорошо изучил ее привычки.

Я покачала головой:

– Преследователя полностью не исключаю, но он почти наверняка ее знакомый, пусть не очень близкий. Ведь ее ударили спереди. Она не убегала, на нее не нападали сзади, она и убийца находились лицом к лицу, она его видела, вполне может быть, что они разговаривали. Плюс у нее нет травм, характерных для самозащиты. Значит, она его не опасалась. Подпустила близко, и рядом с ним ей было спокойно – до той самой минуты, когда он ее ударил. Я бы на ее месте не могла расслабиться рядом с незнакомцем, вынырнувшим из темноты.

– И пользы от всего этого будет намного больше, – заметил Фрэнк, – когда мы очертим круг ее знакомств.

– Что-нибудь еще? – спросил Сэм, стараясь не обращать на Фрэнка внимания. – Как думаешь, есть у него преступное прошлое?

– Возможно, он не новичок, – предположила я, – очень уж

тщательно следы замел. Либо так осторожен, что ни разу не попадался, либо научен горьким опытом. Когда будешь просматривать дела, обрати внимание на угоны, кражи со взломом, поджоги – другими словами, где нужно замечать следы, но не сталкиваешься с жертвой лицом к лицу. Нападения, попытки изнасилования – это всё не то. Раз он так напортачил, значит, опыта насилия у него нет или почти нет.

– Не так уж он и напортачил, – вполголоса заметил Сэм. – Дело до конца довел.

– Еле-еле, – ответила я. – По чистой случайности. Да и вряд ли он шел убивать. Есть в этой картине нестыковки. Я уже говорила в воскресенье, удар по всем признакам внезапный, незапланированный, но все, что до и после, организовано намного лучше. Этот парень знал, где ее найти, – не верю, что он на нее наткнулся среди ночи где-нибудь на тропинке. Либо он изучил ее распорядок, либо они назначили встречу. А после удара он головы не терял, никуда не спешил: выследил ее, обыскал, уничтожил следы, все вещи ее протер – значит, был без перчаток. Опять же, убивать он не собирался.

– У него был нож, – подчеркнул Фрэнк. – Что же он собирался делать, палочку строгать?

Я дернула плечом.

– Пригрозить, припугнуть, произвести впечатление – не знаю. Но при его дотошности если бы он пришел убивать, то сработал бы чисто. Нападение было внезапным, наверняка она не ожидала, сначала опешила, тут бы ему ее и при-

кончить. Однако первой опомнилась она – бросилась бежать, оторвалась, и он не сразу кинулся в погоню. Похоже, испугался не меньше. Думаю, встречались они совсем с другой целью, но случилось что-то из ряда вон.

– А догонял он ее зачем? – спросил Сэм. – После удара. Почему не скрылся?

– Когда он ее нашел, – предположила я, – то увидел, что она мертва, перенес тело и обыскал. Почти наверняка это ему и было нужно – либо перенести, либо убедиться, что она мертва, либо обыскать. Тело он не прятал, но и на видное место не выносил – незачем полчаса ее искать, чтобы перетащить на несколько шагов, – значит, перемещение было не целью, а средством: он отнес ее в укромное место, чтобы не было видно фонарика или чтобы не мокнуть под дождем, и там, в укрытии, сделал то, зачем пришел, – обыскал или убедился, что она мертва.

– Если он и правда был с ней знаком, – сказал Сэм, – и убивать не собирался, то, может быть, потому ее перенес, что она ему была небезразлична? Его и так совесть загрызла, не хотел ее бросать под дождем...

– Я об этом думала. Но он умен, все просчитывает заранее, старается не попасться. Перетаскивать – значит испачкаться кровью, еще больше наследить, потерять время, оставить на ней волосы, волокна одежды... Не стал бы он так рисковать из чистой сентиментальности. Наверняка была веская причина. Проверить, мертва ли она, – дело минутное, быст-

рее, чем перетаскивать тело; скорее всего, он ее выследил и перенес, чтобы обыскать.

– Зачем? – спросил Сэм. – Ведь охотился он не за деньгами.

– Навскидку могу назвать только три причины, – ответила я. – Первая – уничтожить все, что помогло бы на него выйти: убедиться, что время встречи не записано в дневнике, удалить из ее мобильного свой номер и так далее.

– Дневника она не вела, – сказал Фрэнк, глядя в потолок. – Я уточнял у Великолепной четверки.

– А телефон оставила дома, на кухонном столе, – добавил Сэм. – Друзья подтверждают, что это было обычным делом – захочет взять на прогулку мобильник, но, скорее всего, забудет. Телефон ее мы сейчас проверяем, пока ничего подозрительного.

– Во-первых, он мог этого и не знать, – предположила я. – Или искал что-то определенное. Скажем, она обещала ему что-то отдать, но не отдала, передумала... Либо он взял это с тела, либо у нее при себе этого не было.

– Карта сокровищ? – подоспел на подмогу Фрэнк. – Драгоценности из королевской казны?

– В доме полно старья, – сказал Сэм. – Будь там что-то ценное... Когда Дэниэл унаследовал дом, опись делали?

– Ха! – вырвалось у Фрэнка. – Ты же своими глазами все видел! Сделаешь тут опись! В завещании Саймона Марча перечислено все ценное – старинная мебель, несколько кар-

тин, – но ничего этого уже нет. Все, что дороже пары фунтов, ушло в счет налога на наследство, осталась только всякая дрянь с чердака.

– Во-вторых, – продолжала я, – он вполне мог искать ее документы. Неизвестно ведь, кто она. Предположим, он думал, что имеет дело со мной, а потом или засомневался, или она намекнула, что на самом деле она не Лекси Мэдисон, – вот преступник и стал искать документы, хотел выяснить, кого же он убил.

– Вот что общего у всех твоих версий, – сказал Фрэнк. Он развалился на диване, закинув руки за голову, и поглядывал на нас с дерзким огоньком в глазах. – Наш парень назначил ей встречу – так почему бы им не встретиться еще раз? Убивать он ее не собирался, значит, сейчас он, скорее всего, не опасен. А в-третьих, он не из “Боярышника”.

– Необязательно, – возразил Сэм. – Если это один из ее товарищей, он – или она – мог бы забрать у мертвой Лекси мобильник, убедиться, что она не звонила в службу спасения и на видео ничего не записала. Ведь камерой она пользовалась постоянно, потому нападавший мог испугаться, что она произнесла в камеру его имя.

– Отпечатки с мобильника уже готовы? – спросила я.

– Сегодня прислали, – сказал Фрэнк. – Лекси и Эбби. Эбби и Дэниэл говорили, что в то утро по дороге в колледж Лекси давала Эбби свой телефон, и отпечатки это подтверждают. Отпечатки Лекси накладываются на Эббины по меньшей

мере в двух местах – она брала телефон позже Эбби. Никто у мертвой Лекси телефон не забирал. Когда она умерла, мобильник лежал дома на кухонном столе, ее друзьям не было нужды его разыскивать.

– Или они взяли дневник, – сказал Сэм. – Мы ведь только с их слов знаем, что дневника она не вела.

Фрэнк закатил глаза:

– Если на то пошло, мы только с их слов знаем, что она жила в усадьбе “Боярышник”. А вдруг она с ними разругалась еще месяц назад, съехала и подалась к арабскому шейху в наложницы? Да только ничто на это не указывает. Показания всех четверых полностью сходятся, на лжи мы никого из них не поймали, удар нанесли не в доме...

– А ты что об этом думаешь? – спросил у меня Сэм, перебив Фрэнка. – Вписываются они в портрет?

– Да, Кэсси, – промурлыкал Фрэнк. – Что ты думаешь?

Сэм отчаянно желал, чтобы убийцей оказался один из них. В тот миг мне хотелось подтвердить его слова – ну и плевать на расследование, лишь бы увидеть, как светлеет его лицо, как оживают глаза.

– По всем параметрам – да, – ответила я, – довольно близко. В возрастные рамки вписываются, местные, определенно умны, знакомы с ней – да что там, ближе всех ее знали, а убийца обычно из ближайшего круга. Никто не судим, но я уже говорила, один из них мог что-то натворить, мы не знаем. Вначале, признаться, я их подозревала. Но чем дальше,

тем... – Я запустила руку в волосы, задумалась, подыскивая слова. – Вот что в их показаниях стоило бы проверить. Может ли кто-то со стороны подтвердить, что по вечерам она обычно гуляла одна? И никто из ребят не присоединялся?

– Вообще-то, – сказал Фрэнк, ища на полу сигареты, – уже подтвердили. Есть на кафедре аспирантка, Бренда Грили, у них с Лекси один научный руководитель.

Бренда Грили числилась в списке контактов: грузная, зеленые глаза навывкате, намечающиеся брыли, копна рыжих кучеряшек.

– Вечно суется в чужие дела. Когда эти пятеро съехались, она спросила у Лекси, удастся ли ей хоть иногда побыть одной. Видно, спрашивала неспроста, надеялась послушать про оргии, а Лекси только глазами захлопала и отвечает: гуляю по вечерам одна, мне хватает, спасибо, если б они мне не нравились, не якшалась бы с ними. И ушла. А наша Бренда, похоже, и не поняла, что ее отбрили.

– Ну ладно, – кивнула я. – Раз так, тогда, ей-богу, не представляю, как мог это сделать кто-то из ее друзей. Вот как должны были развиваться события. Одному из них нужно переговорить с Лекси с глазу на глаз, о чем-то важном. И нет бы проверить это без шума – за чашкой кофе в колледже или как-нибудь еще, – а он напрашивается с ней на прогулку или увязывается следом. В любом случае он нарушает порядок (а для нашей пятерки порядок – это святое) и дает понять всем, включая Лекси, недвусмысленно: что-то не так.

Да еще и нож прихватывает. А это симпатичные образованные молодые люди из средних слоев...

– То есть сборище задротов, – сказал Фрэнк Сэму, щелкнув зажигалкой.

– Так-так. – Сэм отложил ручку. – Погоди. Нельзя их исключать лишь потому, что они из среднего класса. Вспомни, сколько раз бывало, что какой-нибудь славный, приличный с виду...

– Я не о том, Сэм, – возразила я. – Не в убийстве дело. Если бы ее задушили или об стену головой стукнули, я могла бы заподозрить кого-то из них. Даже допускаю, что один из них ее пырнул ножом, если нож случайно под руку повернулся. Я вот что хочу сказать: такие, как они, с ножом не ходят – разве что разработан детальный план убийства, а я уже говорила, плана никакого не было. Готова спорить на большие деньги, ни один из этой четверки с ножом не разгуливает, а если захотят кого-то припугнуть или переубедить, им в голову не придет хвататься за нож. Они из другого мира. Если предстоит большая схватка, они не оружие станут подыскивать, а слова.

– Да, – согласился, подумав, Сэм. Со вздохом взялся за ручку, и та зависла над бумагой, будто он забыл, что хотел написать. – Да, ты права.

– Даже если предположить, что один из них за ней увязался, – сказала я, – и прихватил для острастки нож, то на что он рассчитывал? Всерьез думал, что ему сойдет с рук? Они при-

надлежат к одному кружку – узкому, крохотному. Она могла бы на словах согласиться, а потом побежать домой и рассказать остальным троим, что случилось. Смятение, ужас, и – если это не Дэниэл – нашего метателя ножей вышвыривают из “Боярышника”. Они же умные, Сэм. От них не укрылось бы нечто столь очевидное.

– По правде говоря, – подсказал Фрэнк, перейдя на сторону Сэма, явно от скуки, – умники сплошь и рядом делают глупости.

– Но не до такой степени, – возразил Сэм. Он положил ручку на раскрытый блокнот, прижал пальцы к вискам. – Глупости – это да. Но абсолютно бессмысленные поступки – это не про них.

На душе сделалось мерзко: это из-за меня у него такой потерянный вид.

– А наркотой они балуются? – спросила я. – Кокаин, к примеру, мозги отшибает.

Фрэнк фыркнул, выпустив дым.

– Вряд ли, – ответил Сэм, уткнувшись в блокнот. – Они ребята правильные. Могут пропустить стаканчик, но даже травой, судя по всему, не увлекаются, не говоря уж о чем-то более серьезном. Наша девочка, если верить токсикологам, чиста как стеклышко, так?

Налетел порыв ветра, задребезжали стекла, и опять все стихло.

– Значит, если мы не упустили чего-нибудь вопиющего, –

сказала я, — это не они.

Чуть погодя Сэм отозвался:

— М-да. — И бережно закрыл блокнот, прицепив к нему ручку. — Буду искать вопиющее.

— Можно тебя спросить кое о чем? — поинтересовался Фрэнк. — С чего ты их так невзлюбил?

Сэм провел ладонями по лицу и заморгал, будто пытаюсь сосредоточиться.

— Потому что они с ней рядом, — отвечал он, подумав. — А больше никого, по крайней мере на первый взгляд. И если не они, то кто же?

— У нас есть замечательный психологический портрет, — напомнил Фрэнк.

— Знаю, — хмуро отозвался Сэм. — И спасибо тебе большое, Кэсси, — отличная работа, честное слово. Но пока не вижу никого подходящего. Есть много местных жителей — в том числе женщин — нужного возраста, кое-кто с уголовным прошлым, многие, на мой взгляд, умны и организованны, но, похоже, ни один не был знаком с убитой. Есть знакомые из колледжа, несколько человек подходят почти по всем пунктам, но, по моим сведениям, в Глэнскхи они не бывали ни разу, местности не знают. Словом, никто не вписывается на все сто.

Фрэнк выгнул бровь дугой.

— Короче говоря, — подытожил он, — такого человека мы с детективом Мэддокс и ищем.

– Да, – сказал Сэм, не глядя на него, – и если я его быстро найду, то время вам сэкономлю.

– Тогда поторопись, – сказал Фрэнк. Он по-прежнему полулежал на диване, сонно шурясь на Сэма сквозь пелену дыма. – Я собираюсь приступить в воскресенье.

На секунду воцарилась мертвая тишина, стих даже ветер за окном. Фрэнк еще ни разу не называл точной даты. Я смотрела краем глаза на стол, заваленный снимками и картами, и они оживали на моих глазах – превращались в напоянную солнцем листву, матовое стекло, истертый камень.

– В это воскресенье? – переспросила я.

– Не смотри на меня так ошарашенно, – сказал Фрэнк. – Все будет тип-топ, крошка. Лучше вот о чем подумай: не придется тебе больше видеть моей мерзкой рожи.

В тот миг мне это показалось большим плюсом.

– И то правда, – кивнул Сэм, залпом допил кофе, поморщился. – Ну, я пошел. – Он встал, похлопал себя по карманам.

Живет Сэм в унылой многоэтажке на отшибе, он с ног валился от усталости, да и ветер снова крепчал, рвал крышу.

– Ни к чему в такую даль ехать, Сэм, – сказала я. – Смотри, погода какая – сейчас точно не стоит. Оставайся. Работать будем допоздна, но...

– Ага, оставайся. – Фрэнк раскинул руки, широко улыбнулся Сэму. – Вечеринку в пижамах устроим, зефирки в камине пожарим. Поиграем в “правду или ложь”.

Сэм поднял с пола пальто и уставился на него, будто не зная, куда его деть.

– Да нет, я же не домой сейчас, а в дежурку, в делах покопаться. За меня не волнуйтесь.

– Ладно, – весело отозвался Фрэнк и махнул на прощанье. – Приятного вечера! Позвони, если объявится главный подозреваемый!

Я проводила Сэма до дверей подъезда, поцеловала, и он решительно двинулся к машине, спрятав руки в карманы, пригнув голову под порывом ветра. Без Сэма в квартире сразу стало холодно и пусто, воздух будто обжигал – или это сквозняк ворвался с лестницы?

– Он все равно ушел бы, Фрэнк, – сказала я, – а ты над ним издевался как последний говнюк.

– Пожалуй. – Фрэнк стал убирать картонки из-под китайской еды. – Но, судя по видео с телефона, Лекси не употребляла слова “говнюк”. В похожих обстоятельствах она говорила “урод”, иногда “урод вонючий” или “придуток”. На всякий случай имей в виду. Если скажешь, не подглядывая, как дойти от “Боярышника” до коттеджа, я помою посуду.

С тех пор Сэм больше не пытался приготовить мне ужин. Забегал когда получится, ночевал у себя, ни слова не говорил, застав на диване Фрэнка. И не засиживался – чмокнет меня, отдаст пакет с продуктами, расскажет в двух словах, что нового, и убежит. Новостей особых не было. Кримина-

листы и практиканты прочесали тропинки, где Лекси гуляла по вечерам, – ни крови, ни отпечатков ног (во всем винили дождь), ни следов борьбы, ни убежища, ни оружия. Сэм и Фрэнк постарались не дать пищи журналистам: рассказали вкратце о нападении в Глэнскхи, туманно намекнули, что пострадавшая в больнице Уиклоу, под охраной, но подробностей никто не спрашивал, даже друзья. Пришла из телефонной компании распечатка звонков Лекси – ничего. Опросы местных жителей тоже ничего не дали – одни лишь пустые взгляды, сомнительные алиби (“Досмотрели с женой ”Полосу везения” – и на боковую”), едкие замечания о золотой молодежи из усадьбы “Боярышник” да о полиции в лице Бёрна с Догерти – с чего, мол, у них проснулся интерес к Глэнскхи, – словом, только время зря потратили.

Догерти и Бёрну, учитывая, что и с местными они не ладят, и вообще им все до лампочки, поручили просматривать километры видео с камер наблюдения в поисках чужаков в Глэнскхи, но камеры вешали не с этой целью, и удалось лишь узнать, что в ночь убийства с десяти до двух никто по шоссе в деревню не въезжал и не выезжал. Сэм вновь завел речь о друзьях Лекси, Фрэнк в ответ перечислил способы попасть в Глэнскхи в обход камер, а Бёрн стал ворчать: понаехали, дескать, дублинские хлыщи, ненужной работой загружают. Над штабом будто сгустились тучи – безысходность, распри, дурные предчувствия.

Фрэнк объявил друзьям Лекси, что она скоро вернется

домой. Те передали ей открытку “Выздоровлявай!”, шесть шоколадных батончиков, голубую пижаму, одежду в дорожку, увлажняющий крем – не иначе как Эбби постаралась, – два романа Барбары Кингсолвер, плеер и несколько сборников музыки. Я таких сборников не слушала со студенческих лет, и эти оказались довольно пестрыми – тут и Том Уэйтс, и Брюс Спрингстин, и мелодии для музыкальных автоматов где-нибудь на ночных заправках, и Эдит Пиаф, и некая Амалия, певшая по-португальски с хрипотцой. Что ж, хотя бы не какая-нибудь дрянь, вот если бы туда затесался Эминем, я бы выключила. На открытке лишь слово “Любим”, четыре подписи и больше ничего; краткость создавала ореол тайны, неведомый мне подтекст. Батончики сожрал Фрэнк.

По официальной версии, Лекси после комы лишилась кратковременной памяти: ничего не помнила о нападении и почти ничего – о предыдущих днях.

– И это даже к лучшему, – заметил Фрэнк. – Если что-нибудь перепутаешь, сострой печальное личико, начни лепетать про кому, они устыдятся и не станут на тебя наседать.

Тем временем я сказала тете, дяде и друзьям, что уезжаю на несколько недель на курсы, но никаких подробностей сообщать не стала. А на работе Сэм для меня постарался – поболтал с Квигли, ходячим недоразумением Убийств, и поделился под большим секретом, что я взяла учебный отпуск, дописываю диплом, – значит, ничего страшного, если вдруг меня увидят в городе и я буду смахивать на студентку. У

Квигли непомерный зад и длинный язык, а меня он всегда недолюбливал. Завтра же разнесет на весь отдел, что я в отпуске без содержания, – возможно, и от себя присочинит (беременность, психоз, наркота).

В четверг Фрэнк уже вовсю меня засыпал вопросами: где твое место за столом? где у вас хранится соль? кто тебя подвозит в колледж по средам? где кабинет твоего научного руководителя? Если я ошибалась, он эту тему разжевывал, освещал со всех сторон – фотографии, случаи из жизни, видео с телефона, аудиозаписи допросов, – в итоге воспоминания становились моими и я отвечала не раздумывая. А шквал вопросов продолжался: где вы праздновали позапрошрое Рождество? в какой день недели твоя очередь покупать продукты? Можно подумать, на диване у меня поселился теннисный тренажер для отработки приема мячей.

Сэму я в этом не призналась – постыдилась, – но всю ту неделю я была счастлива. Сложные задачи меня окрыляют. Временами наваливалось понимание: положение дикое и чем дальше, тем будет сложнее. Дело разворачивается, как лента Мебиуса, трудно уследить за подробностями: всюду Лекси, образы ее сливаются, накладываются один на другой, и уже не понимаешь, о какой из Лекси речь. Раз-другой я чуть не спросила у Фрэнка, как она поживает.

Сестра Фрэнка, Джеки, парикмахер, и в пятницу вечером он ее привел сделать мне стрижку. Джеки, худенькая краше-

ная блондинка, к старшему брату относилась без всякого почтения. Мне она сразу понравилась.

– Да, подстричь тебя не помешает, – приговаривала она, ловко взбивая мне челку длинными лиловыми ногтями. – Как стричь будем?

– Вот. – Фрэнк достал фото с места преступления, протянул ей. – Можешь как здесь?

Джеки взяла снимок за краешек, глянула с подозрением.

– Так... Она что – мертвая?

– Это не разглашается, – ответил Фрэнк.

– Не разглашается, засранец ты! Это сестра твоя, детка?

– Меня не спрашивай, – сказала я. – Это бенефис Фрэнка, я лишь на подпевках.

– Да уж, он как клещ, вцепится, не отцепишь. Ну-ка... – Она взяла второе фото, посмотрела и брезгливо сунула Фрэнку. – Ох и мерзость. Почему ты не займешься чем-нибудь приличным, Фрэнсис? Чем-нибудь полезным, регулирующим бы устроился, что ли. Я два часа до города добиралась из...

– Джеки, ты можешь просто стричь, молча? – разозлился Фрэнк, взъерошив волосы так, что они встали дыбом. – И не компостировать мне мозги?

Джеки скосила на меня глаза, и мы улыбнулись – между нами, девочками.

– И учти, – добавил Фрэнк воинственно, – рот на замок. Поняла? Это важно.

– Ну-ну. – Джеки усмехнулась, достала из сумки расческу и ножницы. – Так уж и важно! Завари-ка нам чайку, а? Если ты, детка, не против, – обратилась она ко мне.

Фрэнк мотнул головой и поплелся к раковине. Джеки начесала мне волосы на глаза, подмигнула.

Когда она закончила работу, я не узнала себя. Никогда я не стригла челку так коротко; вроде бы мелочь, но лицо сделалось совсем юным и беззащитным, обманчиво наивным, как у фотомодели. В тот вечер, перед сном, чем дольше смотрела я на свое отражение в зеркале над ванной, тем меньше находила сходства с собой. Когда я и вовсе забыла, как выглядела до этого, то плюнула на все, показала зеркалу средний палец и ушла спать.

В субботу днем Фрэнк сказал:

– Кажется, мы готовы.

Я лежала на диване, свесив с подлокотника ноги, разглядывала напоследок фотографии студентов, у которых Лекси вела семинары, и делала вид, будто мне все нипочем. Фрэнк расхаживал из угла в угол, перед операцией ему всякий раз не сидится на месте.

– Завтра, – сказала я. Это слово оставило на языке холодок, будто свежий снег, дыхание перехватило.

– Завтра в обед – первый день пусть будет короткий, чтобы тебе не перегружаться, вникать потихоньку во все. Сегодня вечером предупрежу твоих друзей, пусть устроят тебе

теплый прием. Ты как, готова?

Что вообще означает “готова”, если речь о такой операции?

– На все сто, – ответила я.

– Давай-ка вспомним: задача первой недели?

– Не попасться, наверное. И остаться в живых.

– Не наверное, а точно. – Фрэнк на ходу щелкнул пальцами у меня перед носом: – Эй, не спи! Это важно.

Я отложила фотографии.

– Ну сосредоточилась. А дальше?

– Если тебя раскусят, то в первые дни, пока ты еще не освоилась и все внимание на тебе. Так что на первую неделю у тебя одна задача – прижиться. Это тяжелый труд, поначалу выматывает, и если перестараться, то начнешь ошибаться, а здесь одна ошибка – и все пропало. Так что смотри не перетрудишься. При любой возможности уединяйся: спать ложись пораньше, книжечку почитай, пока остальные в карты дуются. Продержишься неделю – войдешь в ритм, к тебе привыкнут, внимание обращать перестанут, и свободы у тебя будет намного больше. А до этого затаись: не рискуй, не любопытствуй – словом, ничего подозрительного. О деле и не думай. Если за неделю ничего полезного не узнаешь, мне все равно, лишь бы ты осталась в доме. Останешься – пересмотрим наши планы и от этого будем отталкиваться.

– Ты ведь не веришь, что я продержусь, – сказала я. – Так?

Фрэнк перестал шагать из угла в угол, уставился на меня

в упор.

– Думаешь, я бы тебя туда послал, – спросил он, – если б не верил?

– Послал бы, конечно, – ответила я. – В любом случае интересно же, а значит, послал бы и не поморщился.

Он встал спиной к окну, задумался. Свет падал на него сзади, лица было не разглядеть.

– Возможно, – сказал он, – но какая разница? Да, дело рискованное. Ты и сама знала, с первого дня. Но может получиться, если не рисковать, не теряться и не спешить. Помнишь, что я перед прошлой операцией говорил про вопросы?

– Да, – кивнула я. – Надо прикинуться дурочкой и задавать их как можно больше.

– На этот раз все по-другому. От тебя требуется прямо противоположное: никаких вопросов, если не уверена в ответе. То есть вообще никаких вопросов.

– Даже спросить ничего нельзя – так что же мне делать? – Мне эта мысль давно уже не давала покоя.

Фрэнк пересек комнату, смахнул с кофейного столика бумаги и сел, подавшись мне навстречу, сверля меня синими глазами.

– Приглядывайся, прислушивайся. Главная трудность в этом деле – у нас нет подозреваемого. Твоя задача его приметить. Учти, все, что ты узнаешь, для суда не годится, ты же не сможешь никому зачитать права, потому мы не ставим цели добиться признания. Это оставь мне и малышу Сэмми.

Дело мы раскроем, если ты укажешь направление. Выясни, есть ли кто-нибудь, о ком мы до сих пор не знаем, – кто-то из ее прошлого или тайный новый знакомый. Если кто-нибудь, кого нет в списке контактов, с тобой свяжется – по телефону, лично или как-то еще, – ты ему подыгрывай, узнай, чего он хочет, и если получится – полное имя и телефон.

– Ладно, – кивнула я. – Тайнственный незнакомец.

Фрэнк говорил убедительно – впрочем, как всегда. Видно, прав был Сэм: Фрэнк это затеял не потому, что хоть сколько-нибудь верит в успех, а потому что это блестящая, невиданная, отчаянная авантюра. Ну и ладно, мне все равно.

– Именно так. В пару к нашей таинственной незнакомке. А ты смотри в оба за ее друзьями, пытайся их разговорить. Я их не подозреваю – знаю, твой Сэмми на них помешался, но я с тобой согласен, не те люди, – и все-таки они чего-то недоговаривают. Увидишь их живьем – поймешь. Может статься, это какая-нибудь мелочь – скажем, они списывают на экзаменах, или гонят на заднем дворе самогон, или знают, кто папаша, – но мне виднее, что к делу относится, а что нет. С полицией они откровенничать не станут, а вот ты при правильном подходе сумеешь их разговорить. О других ее знакомых забудь, ничто на них не указывает, да и мы с твоим Сэмми ими занимаемся, но если кто-то у тебя вызовет хоть малейшее подозрение, сообщи мне. Поняла?

– Да.

– И напоследок кое-что еще. – Фрэнк вылез из-за стола,

взял наши кружки и отнес на кухню. Теперь в любое время дня и ночи на плите стоял внушительный кофейник, еще неделя – и мы, наверное, стали бы есть молотый кофе ложками прямо из пакета. – Давно хотел с тобой поговорить кое о чем.

К этому разговору я заранее готовилась. Бегло просмотрела фотографии, словно колоду карт, перебирая в памяти имена: Силлиан Уолл, Хлоя Неллиган, Мартина Лоулор...

– Валяй, – сказала я.

Избавившись от кружек, Фрэнк принялся вертеть в руках солонку так, чтобы не рассыпать соль.

– Не хотел заводить на эту тему, – начал он, – но что поделаешь, жизнь не мед. Сама понимаешь, ты в последнее время... как бы это сказать... слегка не в своей тарелке, да?

– Ага, – отозвалась я, не отрывая взгляда от фотографий. Изабелла Смит, Брайан Райан – может, родители плохо сообщали, а может, у них извращенное чувство юмора, – Марк О'Лири... – Понимаю.

– Не знаю, то ли это из-за дела, то ли еще раньше началось, да и знать не хочу. Если это мандраж, то, скорее всего, пройдет, едва переступишь порог. Но вот что я сказать хотел: если не выгорит, не пугайся. Не надо сомневаться в себе, иначе совсем голову потеряешь, и не вздумай прятать свой страх. Обрати его себе на пользу. Почему бы Лекси не волноваться и почему бы тебе на этом не сыграть? Пользуйся тем, что есть, пусть даже не самым выигрышным. Все может

стать твоим оружием, Кэсс. Все что угодно.

– Постараюсь не забыть, – кивнула я. При мысли о том, что из операции “Весталка” можно извлечь пользу, внутри у меня что-то сжалось, стало трудно дышать. Стоит мне даже моргнуть, Фрэнк заметит.

– Как думаешь, справишься?

Лекси, пронеслось в голове, Лекси не сказала бы ему: “Не лезь мне в душу” (не то что я), она бы вообще не стала ничего объяснять. Лекси просто зевнула бы, или сказала: “Не учи меня, ты не моя бабушка”, или потребовала мороженого.

– У нас печенье кончилось, – сказала я и потянулась, фотографии соскользнули с колен, разлетелись по полу. – Сбегай, купи. С лимонным кремом.

И, увидев, как вытянулось у Фрэнка лицо, я так и покати-лась со смеху.

В субботу Фрэнк милостиво предоставил мне выходной – не Фрэнки, а просто золото! – чтобы мы с Сэмом на прощанье побыли вместе. Сэм приготовил на ужин курицу по-индийски, а я на десерт соорудила что-то вроде тирамису – на вид страшненькое, а на вкус ничего.

Болтали о пустяках, держались за руки, сидя за столом, делились дорогими воспоминаниями – историями из детства, юношескими глупостями. Одежда Лекси висела в углу на дверце шкафа, лучилась, будто освещенный солнцем песок, но мы ни словом о ней не обмолвились.

После ужина пригрелись на диване. Я затопила камин, Сэм включил музыку; вечер как вечер, похожий на все другие, только одежда Лекси перед глазами маячит да сердце заходится от нетерпения.

– Как ты? – спросил Сэм.

Видно, зря я надеялась, что мы за весь вечер ни разу не вспомним про завтра.

– Ничего, – отозвалась я.

– Страшно?

Я призадумалась. Положение идиотское во всех смыслах. По-хорошему, мне бы окаменеть от страха.

– Нет, – ответила я. – Интересно.

Сэм кивнул, уткнулся мне в макушку. Он не спеша, ласково гладил меня по волосам, но я чувствовала, как он напряжен, весь одеревенел.

– Не по душе тебе это, да? – спросила я.

– Да, – тихо сказал Сэм. – Не по душе.

– Тогда что ж ты это не прекратил? Ты же руководитель следственной группы, настоял бы на своем.

Рука Сэма замерла в воздухе.

– Хочешь, чтобы я прекратил?

– Нет, – ответила я. Уж в этом-то я была уверена. – Ни в коем случае.

– Теперь-то уж проехали. Операция идет полным ходом, это детище Мэкки, я здесь не распоряжаюсь. Но если ты передумала, я найду способ...

– Не передумала, Сэм, честное слово. Просто интересно, почему ты дал добро.

Сэм пожал плечами.

– Мэкки прав, конечно: ничего у нас больше нет. Возможно, это единственный способ раскрыть дело.

У Сэма есть висяки – у кого их нет? – так что одним больше, одним меньше, какая разница, ему главное убедиться, что убийца не охотится за мной.

– Неделию назад тоже ничего не было, – заметила я, – но ты был против.

Сэм вновь стал рассеянно гладить меня по голове.

– Тогда, в первый день, – начал он, помолчав, – когда ты приехала на место преступления... Вы с Мэкки друг друга подкалывали, помнишь? Он к тебе придирался из-за одежды, ты отвечала, почти как с... еще тогда, в Убийствах.

То есть с Робом. Ближе Роба у меня, пожалуй, не было друга, но мы разругались, страшно, в пух и прах, тут нашей дружбе и конец. Я развернулась, положила голову Сэму на грудь, чтобы видеть его лицо, но он смотрел в потолок.

– Давно я тебя такой не видел, – продолжал он. – Ты прямо ожила.

– В последнее время со мной было не очень-то весело, – сказала я.

Сэм чуть заметно улыбнулся.

– Да я не жалеюсь.

Не припомню, чтобы Сэм хоть раз на что-то жаловался.

– Да, – кивнула я, – понимаю.

– А потом, в субботу, – продолжал он, – хоть мы и ссорились, и все такое, – он слегка сжал мне руку, чмокнул в лоб, – да какая разница... Я уже потом понял: это потому что мы оба загорелись. Потому что тебе не все равно. Как будто... – Он мотнул головой, подыскивая слова. – В Домашнем насилии совсем не то, верно?

О Насилии я мало что рассказывала. Лишь тогда мне пришло в голову, что молчание было по-своему красноречиво.

– Кто-то же должен этим заниматься, – ответила я. – С Убийствами никакого сравнения, но и там неплохо.

Сэм кивнул, обнял меня покрепче.

– И потом, на совещании, – сказал он. – До этого я подумывал, а не послать ли мне Мэкки подальше на правах начальника. Ведь завели дело об убийстве, я руководитель следственной группы, и если бы я сказал “нет”... Но ты так увлеклась, каждую мелочь продумывала... И я решил: зачем все это рушить?

Такого поворота я не предвидела. Внешность у Сэма обманчивая, лицо деревенского простака, открытое, незамысловатое: румянец во всю щеку, ясные серые глаза, от них разбегаются морщинки-лучики; даже узнав его поближе, не ждешь от него глубины.

– Спасибо, Сэм, – растрогалась я. – Спасибо.

– Может, и к лучшему, что это дело нам подвернулось. Как знать...

– Но ты бы все равно предпочел, чтобы убили ее где угодно, только не здесь, – заключила я.

Сэм призадумался, наматывая на палец прядь моих волос.

– Да, – кивнул он. – Еще бы. Да что толку гадать? Если уж впрягся в дело, надо до конца довести.

Сэм посмотрел на меня сверху вниз. Улыбка не сходила с его лица, но взгляд слегка омрачился.

– Ты все эти дни ходишь счастливая, – сказал он бесхитростно. – Рад видеть тебя снова счастливой.

Как он вообще меня терпит? – подумала я.

– Плюс ты знал, что если будешь командовать, пинка от меня получишь, – сказала я.

Сэм улыбнулся, легонько щелкнул меня по носу.

– И это тоже, мегера ты моя. – Но тень грусти из его глаз уже не исчезала.

Воскресенье пролетело быстро, не то что те долгие десять дней, – стремительно, как волна, что обрушивается на берег. Фрэнк должен был заехать в три, нацепить на меня микрофон и к половине пятого отвезти в “Боярышник”. Все воскресное утро – пока мы с Сэмом читали газеты, потягивали чай в постели, принимали душ, завтракали гренками и яичницей с беконом – над нами нависала тяжесть, будто тикал над головой гигантский будильник, готовый разразиться звоном. Где-то далеко готовились к встрече друзья Лекси.

После завтрака я надела ту самую одежду. Одевалась я в ванной, Сэм был еще у меня, а мне хотелось уединиться. Ка-

залось, это не просто одежда, а доспехи ручной работы или наряд для какой-нибудь тайной церемонии. Когда я ее касалась, у меня горели ладони.

Простое белое хлопчатобумажное белье с магазинными ярлычками; выдавшие виды джинсы, потертые, размочаленные внизу; коричневые носки, коричневые полусапожки; белая тенниска с длинными рукавами; голубая замшевая куртка, поношенная, но чистая. От воротника пахло ландышами и чем-то еще – теплая, еле уловимая нотка, аромат ее кожи. В кармане чек из супермаркета месячной давности: куриное филе, шампунь, сливочное масло, бутылка имбирного эля.

Одевшись, я глянула в большое зеркало на двери. И в первую секунду себя не узнала. А потом, странное дело, едва сдержала смех. Вот ведь ирония судьбы: месяцами я наряжалась офисной Барби и только сейчас, в роли другого человека, стала хоть немного похожа на себя.

– Чудесно выглядишь, – сказал Сэм, когда я вышла из ванной, и слабо улыбнулся. – Такая уютная.

Вещи уложены, ждут у двери – можно подумать, я отправляюсь в путешествие; так и тянуло проверить паспорт, билеты. Фрэнк купил мне премилый чемодан, прочный, армированный, с надежным кодовым замком – без медвежатника не вскрыешь. В чемодане лежали вещи Лекси: бумажник, ключи, телефон – точные копии настоящих, а также вещи, что передали друзья, и пластмассовый пузырек с аптечным ярлыком “АМОКСИЦИЛЛИН, 1 таб. х 3 раза в день”, но на

самом деле с витамином С, надо его поставить куда-нибудь на видное место. В тайном отсеке – снаряжение: перчатки из латекса; мобильник; сменные батарейки для микрофона; запас живописно раскрашенных бинтов – их надо выбрасывать в мусорку в ванной по утрам и вечерам; записная книжка, документы; новенький револьвер – Фрэнк раздобыл мне короткоствольный, тридцать восьмого калибра, в руке держать удобно и спрятать гораздо проще, чем мой старый “Смит и Вессон”. А в придачу – я не шучу – корсет, прочный, эластичный, чтобы под платьем в обтяжку не было видно оружия. Агенту он, можно сказать, заменяет кобуру. Неудобная штука – через час-другой кажется, будто ствол впивается в печень, – зато со стороны незаметно. Хотя бы ради того, чтобы представить, как Фрэнк его выбирает в отделе женского белья, стоило в это ввязаться.

– Ну и вид у тебя! – одобрил он, оглядывая меня в дверях. Он нес охапку электроники а-ля Джеймс Бонд – черные провода, колонки, всякую хренотень для прослушки. – Синяки под глазами знатные!

– Она спала по три часа в сутки, – хмуро сказал Сэм из-за моей спины. – Как и мы с тобой. Мы тоже выглядим не лучше.

– Да ну, я ж ее не ругаю. – Фрэнк прошел мимо нас в комнату, свалил охапку проводов на кофейный столик. – Я в восторге! Она будто только что из реанимации. А, крошка?

Микрофон был миниатюрный, с пуговицу на рубашке, и

пристегивался к лифчику спереди.

– К счастью, наша девочка не носила декольте, – заметил Фрэнк, глянув на часы. – Наклонись-ка перед зеркалом, проверь, не торчит ли.

Батарейки под толстым слоем марли были приклеены пластырем у меня на боку, чуть пониже груди, на месте воображаемой ножевой раны, всего на пару дюймов ниже шрама, что Наркодемон оставил Лекси Мэдисон номер один. Фрэнк настроил звук – кристально чистый.

– Для тебя все самое лучшее, детка! Радиус вещания семь миль, с поправкой на условия. Приемники у нас в ратуэнском участке и в дежурке Убийств, так что тебя будет слышно и из дома, и из Тринити. Связи не будет только по дороге в колледж и обратно, но вряд ли тебя на ходу выбросят из машины. Видеонаблюдения не будет, так что если увидишь что важное, скажи. Если поймешь, что дело труба, и надо будет позвать на помощь, скажи: “У меня горло болит”, и через пять минут тебя вытащат; но горло береги, а если и вправду заболит, не жалуйся. На связь со мной выходи почаще, хорошо бы каждый день.

– И со мной, – вставил Сэм, склонившись над раковиной. Фрэнк, сидя на корточках, настраивал аппаратуру и на этот раз, против обыкновения, не бросил на меня насмешливого взгляда.

Сэм, домыв посуду, стал сосредоточенно ее вытирать. Я привела в порядок бумаги Лекси, как перед экзаменом, ко-

гда откладываешь наконец конспект – перед смертью не надышишься, – разложила их в стопки, а каждую стопку убрала в пакет, чтобы оставить у Фрэнка в машине.

– Вот так, – Фрэнк широким жестом выдернул из сети провод, – хорошо. Ну что, мы готовы?

– Если ты готов, то и я готова, – отозвалась я, подхватив пакеты.

Фрэнк взял под мышку аппаратуру, поднял мой чемодан и направился к двери.

– Давай понесу, – хрипло сказал Сэм. – У тебя и так всего полно. – И, забрав у Фрэнка чемодан, поволок его по лестнице с глухим стуком.

На лестничной площадке Фрэнк оглянулся и застыл, поджидая меня. Я уже открывала дверь, и на меня накатиł вдруг темный ужас. Страх этот мне знаком, со мной такое случилось за считанные секунды до важных событий – перед переездом от тети, перед первой близостью, перед присягой, когда что-то неотвратимое и желанное вдруг становится явью, само несется навстречу. Будто бросаешься в бездонный поток, и обратный путь отрезан. Я едва не заплакала, как испуганный ребенок: “Не надо, не хочу!”

В такие минуты остается лишь стиснуть зубы и ждать, когда отпустит. Мысль о том, что скажет Фрэнк, если я выйду сейчас из игры, меня отрезвила. Я напоследок окинула взглядом квартиру: свет выключен, водонагреватель тоже, мусора нет, окно закрыто; комната будто съежилась – туда,

где только что были мы, просачивалась тишина, оседала по углам, словно пыль. Я захлопнула дверь.

До Глэнскхи добирались почти час, хотя дорога была пуста, а машину вел Фрэнк, время тянулось мучительно. Сэм съезжился на заднем сиденье, рядом с грудой аппаратуры, и вид у него был самый несчастный; Фрэнк, чтобы разрядить обстановку, врубил на всю катушку радио и насвистывал, мотал головой, отбивал такт на руле. Я едва замечала обоих. День выдался чудесный, ясный и свежий, а я впервые за неделю вырвалась из дома; я опустила стекло, ветер трепал волосы. Тяжелый темный ужас отступил, едва Фрэнк завел машину, на смену ему пришло что-то сладкое, пьянящее, канареечного цвета.

– Так, – сказал Фрэнк, когда мы въехали в Глэнскхи, – проверим, хорошо ли ты здесь ориентируешься. Показывай дорогу.

– Прямо через деревню, четвертый поворот направо, дорога очень узкая, немудрено, что у Дэниэла и Джастина машины как после гонки по бездорожью, хочу домой, в старый добрый грязный Дублин, – сказала я, передразнив его говор. – Домой, домой!

Голова уже вовсю кружилась. Всю дорогу я дергалась из-за замшевой куртки, пахнувшей ландышами, и сама же над собой смеялась – куртки испугалась, как в книжках Доктора

Сьюза!¹⁰ Даже тот самый поворот к коттеджу, где встретили меня в первый день Фрэнк и Сэм, меня не отрезвил.

Дорога была немощеная, ухабистая. Увитые плющом деревья казались бесформенными, ветки хлестали по бортам машины, лезли в окно; и вот завиднелись кованые железные ворота – в хлопьях ржавчины, покосившиеся, точно подвыпили. Каменные стойки наполовину скрывал одичалый боярышник.

– Сюда, – сказала я.

Фрэнк кивнул и повернул, и перед нами открылась длинная широкая аллея, обрамленная цветущими вишнями.

– Мать вашу! – не удержалась я. – А я-то сомневалась! А можно я пронесу туда Сэма в чемодане, и будем там жить-поживать до конца наших дней?

– Успокойся, – буркнул Фрэнк. – Когда мы очутимся у порога, лицо у тебя должно быть равнодушное. Да и в доме пока бардак, так что угомонись.

– Ты же говорил, его отремонтировали. Я рассчитываю на кашемировые шторы, а в спальне – на букет белых роз, или накатаю жалобу агенту по недвижимости.

– Я сказал, что ремонт в разгаре. Я не говорил, что они волшебники.

За небольшим поворотом открылась просторная полукруглая площадка, где сквозь гальку пробивались трава и

¹⁰ Доктор Сьюз (*Теодор Сьюз Гайсел*, 1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор.

ромашки, и я впервые увидела усадьбу “Боярышник”. Фотографии сильно уступали оригиналу. Георгианских домов в Дублине полно, многие переделаны в офисные здания, безобразные лампы дневного света уродуют их облик, но “Боярышник” – совсем другое дело, он так удачно вписывался в пейзаж, будто был здесь всегда: сзади – горы, впереди – живописный вид на Уиклоу, с одной стороны – светлый полукруг подъездной площадки, с другой – туманные темно-зеленые холмы, а между ними дом, как драгоценный камень в раскрытой ладони.

Сэм коротко, судорожно вздохнул.

– Дом, милый дом, – сказал Фрэнк и выключил радио.

Они ждали меня на крыльце, выстроившись рядком на верхней ступеньке. Я до сих пор мысленно вижу их такими – в позолоте заката, каждая складка одежды и каждая черточка до боли отчетливы и совершенны. Раф привалился к перилам, руки в карманах джинсов; Эбби посередине, привстав на цыпочки, вглядывается вдаль из-под руки; Джастин – прямой, руки заложены за спину. А позади, между колонн, – Дэниэл, смотрит вверх, стекла очков поблескивают на солнце.

Когда Фрэнк затормозил возле дома, шурша галькой, ни один не шелохнулся – застыли, точно фигуры на средневековом барельефе, загадочные, исполненные достоинства и сокровенного смысла. Лишь юбка Эбби порывисто трепетала на ветру.

Фрэнк глянул на меня через плечо:

– Готова?

– Да.

– Умница. Удачи. Ну а мы поедем.

Он выбрался из машины, достал из багажника мой чемодан.

– Береги себя, – сказал Сэм. На меня он не смотрел. – Я тебя люблю.

– Скоро вернусь, – ответила я. Под немигающими взглядами четверки нельзя было даже руки его коснуться. – Завтра позвоню, если получится.

Сэм кивнул. Фрэнк захлопнул багажник – грохот вышел дикий, дом отозвался эхом, с веток сорвались спугнутые вороны – и распахнул передо мной дверцу машины.

Я вылезла, держась за бок, выпрямилась.

– Спасибо, детектив Мэкки, – сказала я Фрэнку. – Спасибо за все.

Мы пожали друг другу руки.

– Всегда пожалуйста! – отозвался Фрэнк. – И не беспокойтесь, мисс Мэдисон, мы этого подонка поймаем.

Он с тихим щелчком выдвинул ручку чемодана, передал его мне; я покатила чемодан по подъездной площадке к крыльцу, где стояла четверка.

Никто из них так и не шелохнулся. Вблизи я будто взглянула на них под иным углом – и с ужасом все поняла. Напряженные позы, поднятые головы, тишина как натянутая стру-

на: им неуютно сейчас друг с другом. Под колесами чемодана пулеметными очередями скрипела галька.

– Привет, – сказала я у подножия лестницы, глядя на них снизу вверх.

В первый миг я и не надеялась дождаться ответа, в голове пронеслось: меня вычислили, что делать? Тут Дэниэл выступил вперед, и картинка дрогнула, ожила. Джастин расплылся в улыбке, Раф выпрямился, помахал рукой, Эбби сбежала с крыльца и кинулась мне на шею.

– Привет-привет, – засмеялась она, – с возвращением!

Волосы у нее пахли ромашкой. Я отпустила ручку чемодана и обняла Эбби, прижала к себе – странное это было чувство, будто обнимаешь девушку с картины кого-то из старых мастеров и удивляешься, что плечи у нее теплые, живые, как твои собственные. Дэниэл с серьезным видом кивнул мне, потрепал меня по волосам, Раф схватил мой чемодан и с грохотом потащил вверх по ступенькам, Джастин похлопал меня по спине – и вот я уже смеюсь и не слышу, как Фрэнк заводит машину и уезжает.

Едва я переступила порог “Боярышника”, мелькнула мысль: *я уже здесь бывала*. Она отозвалась во мне звонким, словно цимбалы, эхом, и плечи сами собой расправились. Немудрено, что все мне тут знакомо, я же часами изучала фото и видео, но не только в этом дело. Мне был знаком и запах – старого дерева и чайного листа, с ноткой сушеной ла-

ванды, – и солнечные зайчики на истертом паркете, и легкое эхо наших шагов на лестнице, в коридорах. Я словно вернулась домой – и, как ни странно, это было неприятное чувство, в мозгу будто вспыхнул сигнал тревоги.

С той минуты вечер превратился для меня в вихрь образов, звуков и красок, яркий и слепящий. Потолочная розетка, фарфоровая ваза в трещинах, табурет возле пианино, апельсины в миске, быстрый топот на лестнице, звонкий смех. Эбби, сжав тонкими сильными пальцами мое запястье, ведет меня в вымощенный плиткой внутренний дворик позади дома; металлические стулья в завитушках; подрагивают на ветру старые плетеные качели; лужайка, а за нею – высокие каменные стены, наполовину скрытые деревьями и плющом; тень птицы на брусчатке. Дэниэл зажигает мне сигарету, наклонившись ко мне близко-близко, заслонив ладонью огонек спички. Их живые голоса после искаженных записей едва не оглушили меня, а блеск их глаз прожигал насквозь. Я до сих пор иногда просыпаюсь от звука их голосов над самым ухом, мне мерещатся фразы, сказанные в тот день. *Иди сюда*, – зовет меня Джастин, – *во двор, вечерок славный*; или Эбби спрашивает: *Пора решать, что делать с грядкой для зелени, но мы ждали тебя – как по-твоему...* – а когда я просыпаюсь, их нет.

Я тоже, наверное, что-то говорила, не помню что. Помню только, что пыталась привставать на цыпочки, как Лекси, говорить звонким, как у нее, голосом, старалась сделать все как

у нее – взгляд, разворот плеч, – пускать дым под нужным углом, пореже озиаться, не делать резких движений, не ляпнуть какую-нибудь глупость, не задевать на ходу мебель. И, ей-богу, вновь почувствовала вкус работы агента, аж мурашки по коже! Думала, помню все до мелочей, но ошибалась: легкая дымка воспоминаний не сравнится с тем чувством, прекрасным и смертельным, когда ступаешь по лезвию бритвы, когда одно неловкое движение – и поранишься до кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.